Алексей Симуков

Истории веков минувших

ИСТОРИИ ВЕКОВ МИНУВШИХ

Слово об авторе

Алексей Дмитриевич Симуков (1904, С-Пб., – 1995, Москва), один из старейших драматургов и киносценаристов нашей страны. Творческий путь начинал в живописи, в конце 20-х – начале 30-х годов на курсах Ассоциации художников революционной России (АХРР) в мастерской Ильи Машкова. Далее учился в Литературном институте им. А.М.Горького (1938-1941). Литературную деятельность начал в 1931 году, публикуясь в журнале "Колхозник", основанном М.Горьким, который впоследствии дал молодому литератору рекомендацию для вступления в члены Союза писателей.

Пьесы А.Д.Симукова в большинстве своем веселые, жизнерадостные комедии: "Свадьба" (1936), из жизни села, "Солнечный дом, или Капитан в отставке" (1947), пьеса, написанная в жанре водевиля и продолжившая добрые традиции русской сцены XIX века, "Воробьевы горы" (1949), о выпускниках школы, "Девицы красавицы" (1952), о заводской молодежи, "Над Окой – рекой" (1959). Он также автор пьес-сказок и для детского театра: "Земля родная" (1945), "Семь волшебников"(1951) и других, ставившихся многими театрами Москвы и широко шедших по всей стране.

В.С.Розов, выступая в ЦДРИ (1994) на праздновании 90-летнего юбилея А.Д.Симукова, отметил, что "Симуков, конечно, явился нашим предтечей, сделав довольно резкое движение, приблизив все к человеку…", имея в виду поколение "новой волны" в отечественной драматургии, к которой принадлежал он сам

А.Д.Симуков автор сценария первой советской киносказки "Волшебное зерно" (1941), сценариев кинофильмов "Челкаш" (1957, по одноименному рассказу М.Горького), "По ту сторону" (1958, по одноименному роману В.Кина. Фильм обрел широкую известность еще и потому, что специально для него была написана А.Пахмутовой на стихи Л.Ошанина "Песня о тревожной молодости", ставшая любимой многими поколениями), "По Руси" (1968, по ранним рассказам М.Горького), "Это сильнее меня" (1974, по оригинальному сценарию А.Д.Симукова) и "Поздняя ягода" (1979).

В 60 – 70-е годы Симуков много и плодотворно работал в области мультипликации. Он автор сценариев ряда мультипликационных фильмов по мотивам древнегреческой мифологии, вошедших в "золотой фонд" детских программ, которые постоянно транслируются по различным каналам телевидения: "Возвращение с Олимпа" (1969) — о Геракле, "Лабиринт"(1972) — о Тезее, "Аргонавты"(1972), "Персей"(1973) и "Прометей"(1974), а также сценариев мультфильмов "Ни в бога, ни в черта" (1965), "Как один мужик двух генералов прокормил"(1965, по М.Е.Салтыкову-Щедрину), "Добрыня Никитич"(1965,), "Мастер из Кламси" (1972, по "Кола Брюньону" Р.Роллана), "Садко богатый"(1975), "Сказка дедушки Айпо" (1976) по мотивам сказок народов Севера и "Летучий корабль"(1979).

Долгие годы А.Д.Симуков работал в Литературном институте им. А.М.Горького, в котором вел семинар по проблемам современной драматургии, преподавал на Высших литературных курсах и выпестовал в 60-е годы многих молодых драматургов, получивших из его рук "путевку в жизнь". Одним из таких студентов, в частности, и был А.Вампилов, любимый ученик А.Смукова, ныне признанный классик отечественной драматургии.

Будучи в весьма преклонном возрасте, приближаясь к своему 90-летнему юбилею в 1994 году, А.Симуков мой отец, один из старейших наших драматургов и киносценаристов Алексей Дмитриевич Симуков (1904-1995), только что закончивший работу над рукописью своих

воспоминаний "ровесника XX века" ("Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории. Записки неунывающего", вышли в издательстве "Аграф" в Москве в 2008 году), обратился к несвойственному ему дотоле жанру исторической прозы, поскольку всю свою жизнь увлекался историей и прекрасно знал ее.

Результатом этого стали две небольшие повести — "Записки графини Марии Матвеевой" из времен Петра I и "Повесть о Брунгильде, королеве Австразии" — из эпохи Меровингов, первой династии французских королей с конца V века. Соединение Истории и таланта драматурга сделали живыми участников тех далеких событий, а нас – их свидетелями. Впечатляет уже сам по себе исторический размах автора — эти две повести разделяют тринадцать веков!

"Записки графини Марии Матвеевой ("Осьмерым монархам верная до гроба")" по форме представляют собой стилизованные дневники графини Марии Матвеевой, дочери одного из соратников Петра I, дипломата того времени Андрея Матвеева и внучки известного деятеля XVII века боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Весь XVIII век прошел, практически, при непосредственном ее участии.

Биография графини Румянцевой побудила автора собрать все, что он смог о ней найти, и изложить это в форме записок от ее лица. Новые, ранее малоизвестные сведения о Марии Андреевне автор почерпнул из суждений современников, в частности, фельдмаршала Миниха.

"Повесть о Брунгильде, королеве Австразии" переносит нас во тьму веков, о которых даже академические научные труды содержат довольно скудный материал — к жизни франков в VI веке. И вновь историческое чувство автора помогло ему осязательно воссоздать эпоху, быт, характеры времен династии Меровингов. Драматическое описание жизненного пути королевы франков Брунгильды, дочери короля вестготов Атанагильда, ее жестокого века, ее трагической любви к Меровигу, принцу Нейстрийскому, поданные через призму жанра киноповести, как это первоначально задумывалось, с его художественным осмыслением и авторской трактовкой делают все события того периода яркими, а образы — живыми, отнюдь не покрытыми патиной времени. Более того, некоторые сцены из общественной жизни тех времен, описание судебных процессов вызывают прямые аллюзии с нашей современностью.

Сложность работы над произведениями на историческую тему точно подметил анонимный автор еще в VII веке, когда писал, что "… здесь изложено то, что удалось почерпнуть в старых книгах, причем сделано это с краткостью, и ежели кто-либо, читающий это, сомневается, то он может обратиться к написанному, и тогда обнаружит, что все изложенное соответствует истине"[1].

Обе рукописи подготовлены к печати и снабжены комментариями мною, Дмитрием Симуковым.

---

[1] "Хроника Фредегара", анонимный автор VII века; имя "Фредегар" появилось при ней шестью веками позже и оказалось приписанным на полях одной из рукописей. Сборник "Хроники длинноволосых королей", издательство "Азбука-классика", СПб, 2004, сс.7-10 и последняя страница обложки

Алексей Симуков

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ МАРИИ МАТВЕЕВОЙ
("Осьмерым монархам верная до гроба")

Есть в Русском музее в Санкт-Петербурге портрет кисти А.П. Антропова*. Я смотрю, смотрю на него и не могу оторваться. Давайте вглядимся повнимательнее. На портрете цветущая — иначе не скажешь — пожилая дама в атласной серой накидке, скрепленной под подбородком пышным голубым бантом. На груди у дамы миниатюрный портрет императрицы Елизаветы Петровны в форме медальона, богато обрамленного бриллиантами и увенчанного императорской короной с вензелем.

Даме на антроповском портрете лет шестьдесят. Волосы забраны под полупрозрачный чепец дымчатой ткани, скрывающий их цвет. Во всяком случае, седины не видно, лицо волевое, голубые глаза смотрят прямо на тебя. В уголках рта — затаенная улыбка. Внешне не скажешь, что на долю этой дамы выпала достаточно сложная жизнь, а, может быть, ее переживания скрыты именно за этой светской, ничего не выражающей улыбкой?

Кто же эта дама? Подпись под портретом удостоверяет: это Мария Андреевна, графиня Румянцева, урожденная графиня Матвеева, дочь одного из наиболее приближенных к Петру Великому дипломатов того времени — Андрея Матвеева, внучка известного деятеля XVII века, близкого друга царя Алексея Михайловича, боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Год рождения графини — 1698, скончалась она в 1788 году, следовательно, за свои 90 лет она стала свидетельницей крупнейших исторических событий в жизни России.

Графиня Матвеева была одной из наиболее близких Петру I женщин, его другом, как он не раз называл ее, его возлюбленной. Замужем она была за царским денщиком, впоследствии графом Александром Ивановичем Румянцевым, который вместе с Петром Толстым обеспечил возвращение в Россию царевича Алексея Петровича после его бегства за границу.

Она была матерью знаменитого героя Семилетней и русско-турецких войн фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского и бабушкой не менее известного дипломата, министра иностранных дел, впоследствии канцлера Российской империи времен Александра I Николая Петровича Румянцева. Державин так отозвался на смерть графини Матвеевой:

"…Она блистала
Умом, породой, красотой.
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружный взор, друзей, детей;
Монархам осьмерым служила,
Носила знаки их честей..."

А.П.Антропов. Портрет М.А.Румянцевой. 1764

Весь XVIII век, можно сказать, прошел при непосредственном ее участии...

Графиня Матвеева, в замужестве Румянцева, была заметной фигурой, начиная со времени правления Петра I. А позже, по поручению его дочери, императрицы Елизаветы Петровны, она помогала юной принцессе Софии Фредерике, впоследствии Екатерине II, быстрее освоиться с новой для нее обстановкой в неизвестной дотоле России. Ближайшей подругой императрицы была и дочь Марии Андреевны.

---

* Примечания и пояснения, относящиеся к историческим фигурам и событиям, даны в конце текста – Д.С.

Бури, бушевавшие вокруг российского престола, не обошли графиню стороною: она всегда была на виду, в меру сил своих участвуя в событиях того времени.

Биография графини Румянцевой побудила меня собрать все, что я смог о ней найти, и изложить это в форме записок от ее лица. Новые, малоизвестные факты из ее жизни я почерпнул из суждений современников, в частности, фельдмаршала Миниха. Надеюсь, мое сочинение будет достойным ее памяти.

* * *

Я — графиня. И не только я, но и батюшка, матушка и братец Феденька — все с этим титлом. Только сестрицы мои не графини, зане[2] они уже замужем. Иринушка — княгиня Мещерская, как и муж ее, а Сонюшка и вовсе без титла, — Шепелева она зовется, и муж ее у Петра Алексеевича в большом фаворе.

Петр Алексеевич! Скажешь — и сразу будто светлее вокруг станет, теплее на сердце, даром, что он великий и грозный, и Всея Великой и Малой и Белой Руси самодержец. У батюшки имя его пресветлое с уст не сходит, и я вслед за ним величанье Петру Алексеевичу воссылаю, хоть сама еще и не видела его. Нет, вру, видела, да не помню — мала была. Рассказывали, заехал он как-то к нам, запросто, как привык, — в Голландии было дело. Меня к нему вынесли — показать, а я с перепугу лужицу напустила, тем и кончилось наше знакомство. Три годика мне тогда было.

А титло даровано нам его всесветлейшеством, римским кесарем Каролусом VI, в городе Вене, в году от рождения Христова 1714 в знак уважения к государю нашему Петру Алексеевичу, за верную службу слуги его, Андрея Артамоновича Матвеева. В послах будучи — в Англии, Голландии и в Римской империи — он во многих делах преуспел, за что возвел его кесарь в графское достоинство со всеми потомками.

Помню, разлетелась я к зеркалу, сделала реверанс по придворному, вся моя персона в зеркале отразилась. Говорю своему отражению: "Давайте познакомимся, ваше сиятельство! Как поживаете, много ли наживаете, что пьете, где льете?" — и еще ниже присела.

Ваше сиятельство… Это значит, что я всегда *сиять* должна. Язык сама себе высунула — все равно. Сияю! Рожу скорчила, страшней некуда — и все сияю! Выходит, что бы я ни сделала, всегда в сиятельствах ходить буду! Здравствуйте, ваше сиятельство, Мария Андреевна, графиня Матвеева! Теперь перед вами, подружками, нос задеру. Пройдусь по улице — будут говорить: "Никак солнышко засияло? Нет, это ее сиятельство графиня Матвеева прогуливаться изволит". Учитель мой, из французов, мосье Ришар, до Декарта большой охотник, укоротить меня старался.

— Ваше сиятельство, в вашем лице я вижу лишь большое надувательство. Титлование не ваше, и вам вовсе не принадлежит.

— Как так? — спрашиваю.

— Вам, женщинам, хорошо, — отвечает. — Вы на мир из чужих рук смотрите. Мужчины, — говорит, — для такого титла горы должны своротить, реки вспять повернуть, страны покорить, а вы? Хвостом круть-верть — и готово! Вот хоть нашего короля взять, Луи XIV — увидел простую горожанку, креолку, из нищей семьи, за поэтом Скарроном была замужем, — а теперь кто она? Маркиза де Ментенон, ее взгляда люди добиваются, как счастья!

А я ему:

— Нашел, чем удивить! Ваш король, — говорю, — стар, весь сморщен, как стручок, да и Ментенонша ваша не лучше. Только и славы, что гугенотов из Франции выгнала и тем страну

---

[2] зане́ – союз (церк.-книжн, старин.): так как, потому что

обездолила, а я вот, возьму, да и к своему сиятельству такого подберу *сиятеля*, что все ахнут! Сильного, смелого и — рядом стану, чтобы перед всем светом сказать: "Он мой! Великий! Первый!"

Ну, хватит! Насмотрелась, полюбовалась. Пора и честь знать. Значит, мы — графы!

* * *

Батюшкиных трудов тут немало было, не зря же у нас с Римским кесарством такая дружба! И я при батюшке много чего повидала за границей. Прямо скажу — жизнь чужеземная мне понравилась. Главное — свобода! Мужчины с женщинами разговаривают открыто, и те им отвечают так же. Ежели в гостях музыка заиграет, мужчины встают, кланяются, дам приглашают на танец, и дамы, не чинясь, соглашаются. А в танце рука к руке, или, если плеча коснется, — то так положено. Свобода!

К танцам там сызмальства приучают — или учителя нанимают, или в танцклассах обучаются. К нам учитель ходил: вынет свою скрипочку, и пошел урок! Я сперва в толк не брала — почему под музыку надо поворачиваться так, а не эдак, зачем руку подымать, ногу отставлять — все под музыку?! А потом дошло до меня, что это рисунок танца, его закон, и легко мне стало: почувствовала, что свободно дышать могу. И так мне это понравилось, что я и одна, без музыки, если придет охота, танцую сама с собой. Другой раз мачеха, вторая жена батюшки — матушка наша давно скончалась — увидит и понять не может:

– Хоть бы стуло взяла заместо кавалера, — скажет.

А зачем мне стул? Я и так, сама с собой танцую, душу свою выражаю.

И стало мне казаться: вся наша жизнь — это один большой танец, все люди в нем участвуют. Правда, каждый человек на свой манер хочет каблуки ломать, но государство его на собственный лад сбивает. И получается из всего этого гроссполитик.

Только один народ в общем танце не принимает участия, стоит упорно на месте, как прикованный. Это наши, русские. Вот тоска-то. Ну, ничего. Петр Алексеевич их расшевелит. Затанцуют и у нас в России, будет так!

И еще люблю я батюшку своего слушать. Все некогда ему, бедненькому, — служба. Но я задам ему только один вопросик ма-а-ленький, за ним второй — и все забыто. Начнет рассказывать — шапка валится! Очень у них с дедушкой моим жизнь была трудная после того, как царь Алексей Михайлович преставился. Враги голову подняли. А ведь дедушка был у царя Алексея Михайловича за главного правителя. Всеми приказами командовал, а было их числом сорок, и среди них один, самый крючковатый — малороссийский. Еще был дедушка больших царских печатей оберегатель и к тому же наместник Серпуховской. В общем, если на заморский манир, — правитель всея России!

А больше всего я любила рассказ про бабушку, мать батюшки и жену дедушки, Евдокию Григорьевну, как она одной чашкой кофея всю нашу историю перевернула, да не только нашу. Можно сказать, целый мир на попа поставила. Вот так!

И тут же, я чувствую, придираться начнут: с чего это я про кофей так запросто упоминаю? В России квас был для питья, сбитень медовый. Пили ли тогда в России кофей? Отвечу: у дедушки это было уже в обычае. И Евдокия Григорьевна отлично умела его варить, батюшка говорил. А я, с батюшкиных слов, как начну братцу своему Феденьке про это чашку с кофеем рассказывать, а он и рот раскроет:

— Откуда это у тебя?

А я ему:

— Учись слушать. Учись и передавать, что услышал, только не ври и не путай. История через нашу память складывается. Взял в толк?

* * *

А Евдокия Григорьевна, моя бабушка, была родом из тарусских Гамильтонов. Фамилия эта не наша — английская, нет, вру, шотландская. Как они попали к нам, в Тарусу, рассказ впереди. Как познакомились мой дед с Евдокией Григорьевной — не знаю, дедушка был рода невысокого, отец его в посольских дьяках состоял, однако же, когда подбирали ближних наследнику, царевичу Алексею, в число вьюношей этих и дед попал. И сразу же был отмечен Алексеем Михайловичем. Прямо по имени стал звать — Артамоша, Артамоша, а когда царем стал, — уже в Сергеевичи был повышен... Так и осталось: Сергеич — туда, Сергеич — сюда, без Сергеича никуда. Однако дедушка не занесся, как некоторые, был всегда спокоен, рассудителен, зато знатные при дворе его уважали, хоть головами и покачивали — уж больно высоко взлетел, как падать ему будет?

А про чашку кофея, думаете, я забыла? Дойдет дело и до чашки.

Я уже сказала, что бабушка родом была из тарусских Гамильтонов. Эта наша шотландская фамилия пошла от шотландского пэра Гамильтона, от его младшего сына. А младший сын, по шотландскому обычаю, что березка на ветру — ни звания, ни наследства. Вот и решил он счастья попытать на чужой стороне. При великом князе Иване III Васильевиче попал к нам в Россию, женился и здесь остался. Жили ни богато, ни бедно, ни шатко, ни валко, а так — крыша над головой есть, и то ладно. Ко двору званы не были, только и славы, что фамилия заморская. Какому роду они принадлежали — и так-то не знали, а потом и тем более. Это уже после, когда батюшка в Англии посланником был, узнали мы в подробностях, кто мы есть.

А дело было так: в 1707 году, еще до славной Полтавской баталии, решили англичане государство наше унизить. Ехал батюшка в своей карете посольской, — так те дали команду, остановили, вытащили, избили — и в полицию. К чему придрались! Будто портному не уплачено за камзол. Батюшка им:

— Я посол его Величества, государя Всея России, не имеете права надо мной самовольничать!

А они:

— Слышали! Знаем таких царей! Кто от преславного Карла шведского бежал, шапку потерял?

Медаль такая была выпущена для вящего нашего поношения. Знала вся Европа: Карл — победитель, а Петр — дикарь московский, трус. Не могли англичане до России дотянуться, так хоть посла чем-нибудь унизить! Посадили в тюрьму. Тут уже остальные послы вступились: как так, какого-никакого, а посла — в узилище? За что? Портному не заплатил! Плохо выдумали. Все знают, что Андрей Артамонович копейки никому должен не бывал. Я-то помню, какой крик поднялся — весь Лондон шумел!

И тут как раз Полтавская баталия. Не входили люди в понимание, что в далекой Московии делалось, но когда стало известно, что после боя вся армия Карлова сдалась — со всеми своими генералами славными, с оружием в руках — охнул мир. Охнул и удивился, а, удивившись, понял, что вот он встал перед всеми, Петр Алексеевич, гроза российская! Он победитель, а не Карл!

Засуетилось правительство английское, небось, стыдно стало, и повелела королева Анна своим королевским указом написать родословную Андрею Артамоновичу в честь его матери, урожденной Гамильтон. И потрудились же английские умельцы!

На пергаменте, локтей шести в длину, четыре в ширину, — весь гербами разрисован. Висят они, подобно яблокам на ветвях древа, а под древом, где самый корень, надпись: Бернард Гамледон, датчанин, и год от рождения Христова — 912. Это значит, от кого Гамильтоны пошли. Был этот датчанин по преданию разбойником, плавал с дружиной своей по морю-окияну, потом решил к дюку Нормандскому под крыло прибиться, на земле осесть. И стал служить ему верой и правдой, а внуки его, когда Вильям Нормандский на Англию пошел, вместе с ним отправились ее завоевывать — и завоевали! И укоренились в Англии Гамильтоны, а оттуда и в Шотландии герцогство получили. А гербы на ветвях древа — это все самые знатные фамилии, которые с потомками разбойника этого в родстве состоят. Это чтобы знали родичи русские, к какой фамилии они принадлежат!

Получил эту грамоту батюшка, матушку свою вспомянул: жалко, мало пожила, в 1672 году скончалась, упокой Бог ее душу. Прожили они с дедушкой душа в душу, батюшка сказывал.

* * *

Как? И все? А чашка кофея? Та самая, что, как я сказала, мир перевернула? Успокойтесь, и чашка будет на своем месте, и Евдокия Григорьевна еще пока живехонька, слава Богу. А случилось это в 1671 году, за два года до ее смерти, в доме деда моего, Артамона Сергеевича Матвеева.

Царь Алексей Михайлович и так бывал у дедушки запросто, а тут и вовсе — что ни день, он тут. Тосковал царь: вдовел он уже почти два года и все вспоминал покойную супругу свою, Марию Ильиничну Милославскую, от которой имел одиннадцать детей — шесть дочерей и пять сыновей.

Но так получилось, что все дети мужеского полу быстро умирали, а если и оставались живы, то лучше бы им сразу умереть: немощны, недолговечны. Зато дочки — одна в одну. Только суждено им было весь свой век в девках оставаться — не было у нас такого закону, чтоб царскую кровь за простого человека отдавать, пусть хоть Рюрикович или Гедиминович... А принцев иноземных что-то не находилось... Не было охотников веру свою менять. Вот они и лютовали в девках, царевны наши. Уж сколько подушек было искусано ночами, сколько слез бессильных, злых было пролито, того никто никогда не мог сосчитать. Одна Сонька вырвалась, сиречь Софья Алексеевна, аманта себе завела, не стеснялась огласки, правительницей стала. Но все это было еще впереди, пока все было тихо.

Грустил царь Алексей Михайлович по своей покойнице очень. И от своей тоски все чаще заглядывал к другу — Сергеевичу, то бишь, к деду моему, Артамону Сергеевичу Матвееву, в дом его, что стоял между Мясницкой и Малороссейской улицами в приходе Николы на Столпах. А дом у деда был затейливый, на всю округу славился. Говорят, первый на Руси у него в доме был феатр. Пастор немецкий Грегори обучал из людей дедушкиных игрецов. Они показывали комедию об Артаксерксе и прекрасной Эсфири и другие действа. Стены в доме были обтянуты позлащенной кожей. И часы у деда были редкостные. Хронос, сиречь, Время, выходил с косою и каждый час время отмахивал. И ящик был с музыкой, играл танцы разные. И картины на стенах висели, как батюшка говаривал, голландские. Славный Снейдерс здесь был, и многие другие.

И вот, вспоминал батюшка, сидит Алексей Михайлович у друга своего Сергеевича, утешается, время уже к полднику подошло, а полдника не несут. А, надо сказать, у дедушки было заведено, что гостей угощать выходила сама хозяйка, Евдокия свет Григорьевна.

Поглядывает дед на дверь, думает, не случилось ли чего, не занедужила ли моя Григорьевна? И в тот же час выходит из двери не Евдокия Григорьевна, нет, незнакомая царю краса — в голландском платье. На плечах платок крест-накрест повязан, отвороты от чепчика по

сторонам — все, как положено! Глазки опущены, щечки горят, не девка — картинка! В руках поднос, на нем котелок, вверх вытянутый, с длинным носом — тогда еще мало кто знал название ему — кофейник, — и две чашки. Поднос поставила на стол, поклонилась низко и ушла, шурша голландским своим платьем.

Царь вслед поглядел, видно, удивился, что за голландки в доме у Матвеевых появились? Для деда это тоже сюрприз, однако, своего хозяйского дела не упускает, наливает в чашки кофей, предлагает отведать. Пар идет из чашки, дух такой, какого на Руси еще не знавали, — век бы нюхала!

Царь взял себе чашку, втянул шумно носом кофейный аромат, чуть даже зажмурился от удовольствия. Знали при дворе, что чужеземные тонкости государю по сердцу, спрашивали дедушку, откуда такое чудо — имея в виду кофей.

— Из самой Аравии, — отвечал дед, — французский посол презентовал, а варила кофей сама хозяйка моя, Евдокия Григорьевна, у самой Зондерихи из Кукуя обучалась, нарочно туда ездила, и кофейник от нее!

— Отменно сварено, — похвалил царь после первого глотка и начал прихлебывать мелкими глоточками, чтобы удовольствие себе продлить, да и кофей был горяч. Потом отставил чашку, еще раз похвалил бабушку и задумался.

Вот тут история первые шаги свои и шагнула! Стал царь Алексей Михайлович спрашивать дедушку, будто невзначай, что за иноземка у Матвеевых объявилась? Не видывал он таких доселе. Дедушка ответил: в доме у них недавно, Евдокии Григорьевны родственница, живет за воспитанницу, звать Наталья, родом Нарышкина. А платье ее — это так, ради баловства, за что прошу царское величество хозяйку мою извинить.

Царь деда успокоил, за кофей поблагодарил и уехал. А дед мой на бабку, жену свою, напустился: с чего это ей вздумалось Наташку с кофеем к царю выпускать? Да еще в голландское платье рядить? А она ему, смело так:

— Чего царю на меня смотреть, бабу стесанную, пусть молодому порадуется. Чует мое сердце, великие перемены грядут для государства нашего, великие перемены и миру всему!

Дед замолчал. Знал он, были в роду у Гамильтонов люди, что-то они такое ведали и будущее могли предвещать.

* * *

И ведь как в воду глядела моя бабушка! Через два дня царь снова в гостях у Артамона Сергеевича. И ужинать остался. Был весел, с женщинами шутил. А у дедушки было заведено, что за столом всем быть — и мужчинам и женщинам, на заграничный манир. Евдокию Григорьевну за кофей снова благодарил, сказал, что ее кофей ему мозги просветлил и сердце заставил биться сильней. Наталью о ее роде-племени расспрашивал и объявил напоследок, что хорошего жениха ей высватает.

* * *

А еще через день царь объявляет дедушке: женюсь. И именно на этой самой Наталье!

Поначалу дед даже дар речи потерял. Вон оно куда вышло-то! Сбывается бабушкино предсказание. Только понимал он, что от этих великих перемен добра самому не жди. Женитьба царская и сейчас целая история, а по тем временам и подавно. Сперва объявлялся смотр невест. Бояре ездят, невест выбирают, а уж потом только, на смотринах, свою волю царь изъявить изволит. Так ведь если и выберет, не все благополучно бывает. Алексей Михайлович еще молод был: выбрал себе невесту, дочь боярина Всеволожского. Загорелся: женюсь только на ней.

А тогда дядькой у царя был боярин Борис Иванович Морозов. Большого ума человек, а хитрости еще большей. Не хотелось ему Всеволожских возвышать. Но сделал так, что подкопаться было трудно. Когда стали невесту к венцу причесывать, та́к ей волосы в косу стянули, что невеста — хлоп! и чувств лишилась. Ну, Борис Иванович сразу в розыск: почему вдруг невеста голову теряет? Порченная, значит, а царь почему ж того не заметил? Волшебство, известное, дело, а за волшебство — что у нас бывает? Взяли все семейство Всеволожских да в дальние деревни и сослали, под крепкий караул. Только через много лет Алексей Михайлович милость оказал, вернули их из ссылки. А Борис-то Иванович тем временем не зевал, нашел царю новую невесту, Марью Милославскую, да так устроил, что сам на ее сестре женился. И вышел он не только царский дядька, но и царский свояк.

Когда свадьбы царские бывают, то потом при дворе новые порядки начинаются. Вот как!

Большие перемены, а в какую сторону они потянут?

Знал все это дедушка, и смерть ему не хотелось в эти дворцовые козни влезать, но ничего не поделаешь. Бабушкино предсказание ему крепко запомнилось. Только упросил государя сделать все по обычаю: и смотр невест объявили, и девиц в Москву свезли, а уж потом решение царское объявили — вот, мол, моя невеста Наталья, Кириллова дочь, Нарышкина. Ух, как зашевелились все во дворце, а пуще всех — женщины. Одних царских сестер да дочерей было едва не два десятка. Коротали они свой век без радости, а тут — на́ тебе, мачеха. Да молодая! Да собой пригожа! А родом неизвестно откуда! Было отчего с ума сходить. А пуще всех ярилась Сонька, царская дочь! Дай волю, кажется, живьем царскую избранницу съела бы. А уж про Артамона Матвеева и говорить нечего. Он, он все сотворил, царю свою родственницу подставил! Ему первая казнь!

А чего, кажется, проще. Подружилась бы с новой царицей, под свою руку взяла бы ее. И той приятно, и ей хорошо. Так нет же! Как ни береглись, а два подметных письма в столовую палату все-таки подбросили! Дескать, волшебство навел на царя дед, благо книг у него много. А книг у него, правда, столько было, что у другого на Руси и не найдешь. Дед за голову хватается, а бабушка одно ему: стой крепко! Зло отпадет, останется доброе. Пусть завидуют, лапти неграмотные.

По тем временам чем ученей был человек, тем меньше к нему у народа было доверия. Сидит, копается в книгах, что он в них вычитывает, чего ищет? Пагубу людям, не иначе. Чернокнижие — это словечко давно в ходу было.

* * *

Но права оказалась бабушка. Отлетело зло, когда к венцу вели, ноги у невесты подкосились, больно одежду тяжелую надели. Опять колдовству хотели приписать, но дед распорядился: кому рот заткнули, кого со двора прогнали, — женился царь! И так оказалось все к месту. На свою молодую жену, царицу новую, царь наглядеться не может! Всюду с собой берет, на охоту даже. И ровно через девять месяцев рожает Наталья свет Кирилловна царю младенца — сына, да такого крепкого, здорового, что подобных и не видывал никто.

Баяли повивальные бабки в один голос: первый у нас эдакий крикун, как орех крепкий!

При дворе радость. Кирилла Полуэктовича, отца царицы, сразу в окольничьи повысили — как же, внук, царю наследник! Здоровый! Сильный!

А бабушка молчит, да про себя думает: по моему вышло. Дождалась русская земля богатыря. Такая перемена настает, что и в мыслях представить себе не можно!

Нарекли младенца Петром. Имя у государей российских редкое. По апостольски значит — камень. Таким и оказался Петр Алексеевич, солнышко наше ясное, надежда наша!

С новой царицей вспомнили и о нашем роде Гамильтонов. У бабушкиного брата, Петра Гамильтона, было двое детей: Евдокия, в честь тетки своей, моей бабушки так была названа, и брат ее, Петр. И вышла племянница эта Евдокия замуж за Федора Полуэктовича Нарышкина, то есть за брата родителя той самой Наталии, которую избрал в жены царь. И оказалась эта самая Евдокия, бабушкина племянница, самой главной особой при молодой царице. Как же, тетка, жена дяди царевой невесты. Такие порядки завела во дворце — никто пикнуть не смей! Сам Алексей Михайлович ее слушался. Брата ее, Мину Гамильтона, сразу постельничьим сделали — как же, дядя царицы! Сын его, Виллим, по военной части двинулся — какой-никакой, а двоюродный племянник Натальи Кирилловны. Только недолго бабушка радовалась: через год занемогла и в 1672 году преставилась.

Долго не мог забыть дед жену-покойницу. Зайдет, бывало, на половину к сыну, батюшке моему, обнимет голову его, к груди прижмет, долго молчит. Видно, чуял, не всегда ясны дни бывают, случаются и тучи находят... Но покуда у деда все хорошо складывалось... И раньше был близок Артамон Сергеевич царю, а уж теперь не знал государь, куда и посадить его, просто души в нем не чаял. И царица, помня ласку покойной Евдокии Григорьевны, чтила его, яко родного. Младенцу Петру дед подарки делал, карету подарил маленькую, о четырех конях, тоже невеликих, игрушки разные.

Все хорошо было, но вдруг царь Алексей занемог и в скорости кончил свои дни.

* * *

Вот тут-то и началось. Вспомнились батюшке перемены, что предсказывала бабушка. Вступил на престол царь Федор Алексеевич, сын от Милославской. Спорить тут нечего, все чин по чину. Только новый царь — новые люди вокруг него. Отвернулась тут судьба от Артамона Сергеевича. Поднялись против него Милославские, а за ними и другие. Первыми вышли Богдан Хитрово да князь Куракин. Сперва сочинили ложь, будто дед не заплатил долг датскому посланнику, пьянице горькому. Выдумка эта была чистая. Посланнику что ни подложи — все подпишет. Однако дед ничего не сказал, выложил пятьсот рублей, что будто был должен.

Но не успокоились враги боярина Матвеева. Не могли они простить ему прежней близости к царю, того, что в его доме царь встретил свою будущую нареченную, что родила ему царица Наталья Кирилловна такого наследника-крепыша, которого в царском доме давно не было. Будто чувствовали они то, что предсказала Евдокия Григорьевна, — всем Милославским конец будет.

А пока думали, какое бы зло умыслить супротив боярина Матвеева, — он ведь всему заводчик! И придумали. Был дед, кроме всех своих чинов, еще и начальником придворной аптеки. Полагалось ему отведывать каждое лекарство, что врачи покойному царю назначали. Тут не могли придраться, так другое выдумали — снова чародейство. Дескать, была у деда какая-то черная книга, из которой он все свое колдовство вычитывал и им, колдовством этим, погубил Алексея Михайловича. Сразу же их, деда и сына его, моего батюшку, — а было ему тогда шестнадцать лет, — в ссылку, сперва в Мезень, а потом и вовсе в Пустозерск, под крепким караулом, пока розыск идет.

Взяли и двух слуг дедушкиных — Ивана, прозвищем Еврей, и карлу Захарку. Что только с ними ни делали, чтоб открыли, где господин их свою черную книгу держит, откуда все злодейство идет, сколько ни подвешивали Ивана Еврея, сколько ни били кнутом, одно говорил: никакой черной книги не знаю. Всю кожу с мясом содрали, ничего другого не сказал. Так и умер на дыбе. И другой, карла Захарка, то же твердил: нет, не знаю никакой черной книги. Так того

сожгли на медленном огне. Вот какие слуги были у дедушки, вот как они помнили дедово добро!

Ничего с черной книгой у врагов дедушкиных не получилось. Так вместо того, чтобы вернуть его с сыном, освободить, постановили: быть им в Пустозерске, и караул прежний оставили. Ох, и трудное было их житье, батюшка рассказывал! Городок в самом захолустье Архангельского края, на берегу Студеного моря, морозы, тьма вокруг. Одно было занятие — книги. Слава Богу, успели захватить несколько. Батюшка по-французски знал, по-польски и по-латыни. Учитель у него до ссылки был из валахов — Николай Спафарий. Батюшка вспоминал прежние уроки, перечитывал книги, а дедушка и вовсе писал полууставом свою "Историю русских государей", которую позже, как и творения Иоанна Дамаскина, переплел сам, своими руками. Еще у них было там Гюйгенса сочинение "Космотеорос", потом Меркатора книги — их батюшка переписывал скорописью. Эти книги я сама видела, батюшка мне показывал, когда я в его библиотеку пробиралась.

Ох, Пустозерск, Пустозерск… Одно название чего стоит! Пусто было в нем, запасов никаких, что подвезут, тем и харчились. Сухарей однажды не стало — простых, ржаных, черных. Голодуха такая — хоть ложись да помирай. Спасибо, нашлась добрая душа, пристав Тухачевский, от своих запасов толику отсыпал.

Трудно жилось, ох, трудно! Хорошо еще, что крыша над головой: хоть и дырявая, да наверху, над землей. А то были узники — тех в яме держали, как, к примеру, Аввакума, протопопа, и притом невылазно — и летом и зимой. А потом пришел приказ: сжечь Аввакума и пепел рассеять. И сожгли его в срубе, с тремя его товарищами.

* * *

Кончилось, наконец, и дедушкино сиденье. Сжалился над ним царь Федор Алексеевич, уговорила его вторая жена, племянница Артамона Сергеевича, разрешили дедушке с сыном вернуться в Москву. Но пока собирались да пока добирались, явились как раз к похоронам — скончался Федор Алексеевич. Настала пора нового царя выбирать. Двое сыновей у Алексея Михайловича еще осталось: Иван от Милославской и Петр Алексеевич наш, от Нарышкиной. Иван плох здоровьем был, больной, гунявый, а Петр Алексеевич — десять лет ему исполнилось — на загляденье: и собой хорош, и росел, и умом готовый царь. Его и выбрали, а правительницей до совершенных лет мать его определили, Наталью Кирилловну. Вот какая судьба получилась у Наташки, что Евдокия Григорьевна, моя бабушка, у себя в доме воспитывала. Ну, и, конечно, все Нарышкины за ней на первых местах. А дедушка, Артамон Сергеевич, на прежнее место вернулся, где при царе Алексее Михайловиче служил.

Но Сонька Милославская тоже не дремала. Вместе с амантом своим, Васькой Голицыным, подбили они стрельцов — дескать, Нарышкины Ивана царевича уморили. Стрельцы поднялись грозой и в Кремль, пики — лесом, саблями машут: подай сюда Нарышкиных, почему Ивана царевича извели?

Наталье Кирилловне — что делать? Вывела обоих царевичей на крыльцо — вот он, Иван, целехонек! Дедушка попробовал стрельцов урезонить — да где там… Им не Ивана, Нарышкиных подавай! Стали подступать к деду, Петр Алексеевич в него вцепился, защищает, ништо! Отпихнули царевича, а дедушку с крыльца вниз, на острые копья! Трое суток тело лежало, не давали похоронить. Никогда Петр Алексеевич забыть не мог дедушкину смерть мученическую и батюшку моего всегда поддерживал.

…Вот и год 1716 наступил, гремит по свету наша Россия, и царь ее, Петр Алексеевич, всему миру известен. Первая страна по высокому своему статусу, Швеция, не сегодня-завтра пардону запросит, а русский царь, хозяином себя на Балтийском море почувствовав, в устье Невы свою новую столицу строит, чтоб стоять ей на этом море вечно.

А бабушку мою уже никто и не вспоминает, а ведь с нее все началось, с нее! Это она, Евдокия Григорьевна, воспитанницу свою в платье голландском, с кофеем выпустила — гостя высокого потчевать. А теперь забыли про мою бабку, будто от Бога было так назначено, только батюшка мой о своей матушке память хранит, а через него и я ничего не упустить стараюсь, и детям своим, если будут, обязательно передам.

Как-то раз сижу я в батюшкиной библиотеке, в ту пору мы еще в Вене были, и интерес меня разбирает: как из мелких поступков человеческих большая история складывается? А потом и о себе задумалась: как-никак восемнадцать лет уже, нет-нет, да и екнет сердчишко — где же прынц мой, пора бы! Вдруг колокольчик у дверей: гонец из России — письмо от государя! Батюшка то письмо взял, распечатал, прочел внимательно, и, вижу, сразу как-то сник. Оказывается, положено нам весь наш венский обиход поломать немедля и срочно собираться домой, в столицу новую, Санкт-Питербурх, где батюшке надлежит принять в свое веденье Морскую академию, в которой ему определено стать президентом.

И вдруг так мне стало жалко покидать красавицу Вену… Глянула в окошко — вокруг дома парк, и дом хорош — восемь комнат, да каких! И музыка, музыка отовсюду слышится, хоть круглые сутки танцуй! Настоящую жизнь я здесь узнала: то у французского посла прием и, конечно, танцы, то к прусскому послу званы — концерт у него. И всюду знакомые, всюду друзья. А приглашения в Шенбрунн, на бал придворный, — голова кругом! И все это покинуть? Еще недавно менуэт танцевали мы в испанском посольстве с молодым принцем из дома де Линей… Как он изогнулся красиво, как руку протянул, а я... Вся душа у меня пела в тот миг! И от всего этого отречься нужно, и ехать... куда? Домой? А где наш дом? В Санкт-Питербурхе в этом? Только что название громкое, а вот место? Слышали мы кое-что о месте том — холод, грязь по уши, из каждой дырки вода сочится, кругом болото да пни...

Собрались, последний взгляд на матушку-Вену кинули — и заскрипели в путь... Ничего не поделаешь, под письмом личная подпись — "Птръ" с чернильными брызгами!

Целый месяц добирались до своей новой столицы, а у заставы Санкт-Питербурха этого — сюрприз! С любого, кто в новую столицу въезжает, калым требуют. С каждой повозки по куче камней. Оказывается, в этих местах камня нет вовсе, одни топи кругом, и прежде чем дом возвести — сваи нужно загнать в болото. "Да, — подумала я, — выбрал для своей столицы местечко Петр Алексеевич!"

Въехали. Вид унылый. Кое-где уже и строения появились, собой красивые, большие. Повсюду мужиков тыщи — копают, сваи бьют, бревна таскают. Говаривают, много здесь народишку полегло... Вена, моя Вена...

* * *

Поселили нас почти на улице. Палаты свои придется нам самим возводить. Государя нет. То ли в Померании он, то ли в Голштинии, а то и вовсе на Севере, в Олонце. Когда будет — никто не знает.

Пригнали нам мужиков десятка два — строители. С ними подпрапорщик, для порядка. Пьян по всея дни. А от нас кто же будет надзирать за стройкой? Батюшка в академии своей допоздна, мачеха у зеркала красоту наводит, братец мой голубей гоняет, некогда ему. Кто же остается? Одна я, выходит? И пришлось за дело мне взяться. Вместо прынцев заморских — с

подпрапорщиком каждый день лаяться, с мужиками учиться разговаривать. Дома щели с палец, ветер свистит, крыша дырявая. Одно только горесть мою скрашивает: и вокруг так же строятся, всем нелегко.

Наконец, объявился Петр Алексеевич, надежда наша и утеха. Сразу забегали все, заторопились, каждый за свою шкуру трясется. Что упустишь — собственной спиной ответишь, а не то и вовсе вздернут, и будешь висеть, пока воронье глаз твоих не расклюет! Прибежал матрос из Академии, сказал: к обеду оба будут — и батюшка и государь.

Что поднялось в доме! Курей полудиких, потому что уходу за ними никакого, по кустам ловят, огородины у соседей выпрашивают — своими пока не обзавелись, да еще подпрапорщик пьяный под ногами валяется. Все от страха трясутся, а я — ничего. Любопытство разбирает: какой он из себя, Петр Алексеевич?

Первую встречу, когда еще совсем крохой была, еле вспомнила, только осталось в памяти — усищи топорщатся, запах табачный, и со мной — беда! Ну, что уж тут поделаешь, было так, было. А вот как оно сейчас обернется?

Приехали они из Академии, оба грязные, сапоги все в глине. Помылись, почистились — и к столу. Батюшка нас представляет. Дошла очередь до меня.

— Моя младшая дочь, Марья, — говорит.

Государь на меня — зырк! Разом меня будто огнем прожгло. Хочу разобрать, какой он из себя, и не могу. Всегда считали, что Петр Алексеевич человек нам вроде свой: что говорить, когда б не бабушка моя, Евдокия Григорьевна, так он бы и на свет не явился, а тут — не знаю, что со мной...

— Э, да мы знакомы! — слышу голос государя. — Кажется, в Голландии это было. Вынесли тебя, я поцеловать хотел, нагнулся, а ты со страху, что ли — у-у... целое озеро! А теперь, — спрашивает, — не страшно? — И глядит на меня с эдаким вызовом.

"Шутить изволите, ваше вашечество? — думаю. — Что ж, попробую и я ответить".

— В Европах живучи от российских страхов отвыкла, ваше царское величество, — отвечаю. И реверанс по придворному низко-низко, как нас в Вене учили. — А сырости здесь и без меня хватает! — Entschuldigung Sie, bitte, Votre Majeste! — эдак с вызовом ему на немецком вперемешку с французским и говорю (прошу, дескать, извинить меня, ваше величество!). И снова — малый поклон.

Петр Алексеевич удивленно посмотрел на меня, а потом расхохотался:

— Молодец, графинечка! — И за плечи меня схватил. — Припечатала! И меня и мой Санкт-Питербурх. Но высушим его, неправда! Высушим!

И стало все хорошо и просто. Сели за стол, разговоры пошли — о городе, что строится, о постройках, заговорили и о наших палатах будущих. Батюшка хвалил меня. Петр Алексеевич интерес высказал — дескать, девушка, а в стройке разбирается. Слово за слово, предложил как-нибудь на его строительство съездить — в Монплезир, особенно его сердцу близкий, в Петергофе.

Я на батюшку посмотрела — как он? Склонился в поклоне. И что же? Недели не прошло, появляется около дома таратайка государя. Слышу, кличет: "Графинюшка, едем!"

Я спешно накинула на себя что-то, выхожу — Петр Алексеевич тут. Согнал денщика с облучка таратайки, усадил меня, вытянул свои ножищи непомерные, вожжи в руки — и пошел!

Едем мы, и я нет-нет да на Петра Алексеевича поглядываю. Какой он? Читала я книгу французскую, там про древних греков написано, как они мир представляли. Титан у них был такой, Атлант его звали, так он на своих плечах целый небосвод держал, один! А Петр Алексеевич? Как только сил у него хватало! И когда он спать успевал?

А тут еще одна забота прибавилась — сын. Доносились до нас рассказы — при дворе все про всех знают. Когда от матери царевича отняли, от Лопухиной, — ее в монастырь отправили, под схиму, — вроде не оставался он без заботы. И учили, и воспитывали его, да, видно, из-за дел государственных не хватило у Петра Алексеевича времени чуточку сердца ему отделить, все некогда да некогда. А что получилось? Вместо родного сына чужого человека под боком иметь, радость ли? Да еще приятели у царевича завелись, к штофу приучили нашего Алексея Петровича. Веселого мало.

В Петергофе малый дворец у Петра Алексеевича строился, внизу, у самого моря. Спор был у государя с мастером. Показалось ему, что не так положили лист железа, когда крышу крыли. Мастер на своем стоит. Я поглядела, прикинула щепкой на песке — правильно! — и говорю тихо об этом Петру Алексеевичу. Он встрепенулся, посмотрел, подумал, согласился.

— Голова, — говорит, — у моей графинюшки золотая!

* * *

Поехали дальше. Едем через дубовую рощу. Вижу я, что у Петра Алексеевича мысли сейчас далеко где-то ходят, и спор с мастером сверх воли у него получился. Чувствую, невтерпеж ему от дум. Говорю:

— Давайте отдохнем на минуту от всего. Лето, июнь месяц, дубы стоят раскидистые, а понизу — орешник. Хорошо!

Петр Алексеевич согласился, разнуздал коня, чересседельник ему отпустил — пусть травку пощиплет. Сели мы с ним в тени дуба, прислонились к стволу, любо-то как! Только подумать, с кем сижу? С Его Величеством, Государем Всероссийским! Сейчас, думаю, начну болтать всякое, что в голову придет, лишь бы его от тяжких дум избавить. Пыжусь, пыжусь, да ничего не получается. Хотела про братца Феденьку рассказать, да про его мадаму-француженку— не получается у меня что-то. Робость какая-то напала, страх. Будто что-то сейчас случиться должно. Вдруг слышу: носом государь сопнул пару раз. Думаю, что это он? Простыл что ли? Поглядела, а он спит. Спит!

Вспыхнула я вся, обида во мне поднялась, не было еще со мной такого, чтоб кавалер рядом со мной спал! Пусть он государь, все равно политес должен знать, как с дамой себя вести, а тут — нате! Спит, даже похрапывать начал. Сержусь я на него, а потом себя осаживать стала. "Атлант ты наш, Атлант, — думаю, — нашлась у тебя минутка покоя, когда небо с плеч хоть немного сдвинулось, так нет же — еще обижаться вздумала! Стоит взглянуть вокруг — швед никак не успокоится, все на штык лезет; в Саксонии, в Польше наши войска, корабли бои ведут, в английском парламенте шум — с какой стати российский флот на Балтийском море хозяйничает, когда издревле назначено Московии страной сухопутной быть! За купцами следи, воеводам спуску не давай, даром, что ли, князь Гагарин Матвей какой уж месяц висит, у Сената повешенный за воровство свое? Для печатания книг шрифт выправляй, экспедицию на Камчатку посылай — проверить, где Россия с Америкой соединяется. Да все тычком, с понуканием, не зря дубинка государева отдыха не знает, да еще опасайся, как бы тебя сзади не пырнули. Легко сказать, такую махину, как Россия, на дыбы поднять. Да еще главная забота: когда придет час глаза закрыть, кому передать труды свои незавершенные? Кто возьмет скипетр, чтоб Россию дальше вести? Плоха надежда на наследника, ох, плоха!"

Так это я про себя рассуждаю, а государь спит. "Пусть покуда поспит, — думаю, — а я тем временем цветов нарву, проснется — будет ему букет! Хороши они у нас в июне — кашка, колокольчики, горицвет".

Встала — не шевельнулся. Умаялся, вижу, пусть спит. Пошла, рву цветы. Кукушка голос подала, стала считать, сколько мне жить осталось — замолчала. Вдруг слышу голос: "Марьюшка!" — зовет меня Петр Алексеевич. Проснулся!

И тут меня словно бес толкнул: вместо того, чтобы откликнуться по-человечески, я ему в ответ: "Ку-ку!" Слышу еще раз: "Марьюшка, где ты?" И чувствую, идет ко мне, а я место меняю, перебегаю от куста к кусту, да все — "ку-ку" да "ку-ку"! "Марья!" — это уже с сердцем и бежит ко мне. Я в сторону, и ошиблась — аккурат на него выскочила! Он меня смаху ухватил за плечи:

— Ты что?! Убегать?! От меня?!

А я вместо извинения за шутку свою цветы протягиваю. Он к цветам наклонился, понюхать — волосы наши спутались, тут у меня и дух вон. Все смешалось, все поплыло перед глазами. И как мы потом с места стронулись, как я домой попала — все как во сне...

* * *

Хоть и трудно мне пришлось — прощай жизнь беззаботная, девичья — все-таки про себя твержу: вот он, мой прынц! Не надо мне никаких других, вот она, душа родная, залеточка мой сердечный, Петенька! Пусть жена у него любимая, пусть дочки у него, пусть. Видимся мы с Петром Алексеевичем урывками, редко, но слух о нас все равно пошел, и я не раз слышала: "Графинюшка? — Друг. Верный!" Так в друзья Петру Алексеевичу меня и записали вестовщики придворные.

Что ж, верный — это хорошо, но дружба какая получается? Сегодня здесь, а завтра — там. Петр Алексеевич всюду — и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке. А мое дело какое? Когда он здесь — радоваться, уехал — ждать. Но как ни думала я о нем, как ни страдала, а дела вокруг своим чередом шли, палаты наши строились, с людьми приходилось встречаться. И тут из многих знакомых один выискался, имени его называть не буду, назову его буквой К. Сперва, вроде, по делу к отцу, а потом ясно стало, кто ему нужен был. Разговоры стал со мной заводить разные, стишки мне читал, всяческие куры строил, а в общем — человек приятный, гвардеец, фамилии хорошей, именьишко есть. И видно было, что цель у него самая прямая — руки моей добиться. Я с ним ни да, ни нет — провожу время. Не буду же я ему Петром Алексеевичем в глаза тыкать?

А тут и он возвращается, государь. Где он был, не упомню. Встретились мы с ним хорошо, а только напоследок, — видно, слух какой-то до него дошел, — покачал он головой и молвил: "Береги себя!" С тем и уехал.

А тут, на мое горе, появился возле меня еще один молодец, тоже из гвардии. Назовем его буквой С. Он, по правде сказать, нравился мне — ох и танцор был! Упоение! С ним у нас амуры были таки покруче, чем с К. Признаю, уж очень он был обольстителен. Что я знакомство веду с К., ему не понравилось, и дело дошло у них до ссоры. Но мало того, решили они свой спор решить по-французски — на шпагах. Тогда у нас дуэль, так это называлось, почти не в ходу была. По-русски — драка, по-французски — дуэль. Тыкали они друг в друга шпагами, тыкали и дотыкались. Бедный мой К. пал, правда, не на смерть. Разговоров, шуму было много. И как раз приезжает Петр Алексеевич. Повидалась я с ним. Суров он был, сказал, что просьб его не выполняю, что придется мне самой за все отвечать. Я ему в ответ: — причем, мол, я-то? Он мне на это еще суровей — "Смотри!" и уехал.

И я рассердилась на Петра Алексеевича: какое он имел право моей судьбой распоряжаться? И будто в пику ему продолжала встречаться с С. Нравился он мне — и все тут!

Забылись мы, головы у обоих закружилась, а тут снова Петр Алексеевич! Приехал, суровей некуда! Встретились мы у нас в саду.

— Так-то ты меня слушаешься? — были его слова. И в них и боль и злость.

А я свое: дескать, мне без него трудно, скучно. Короче, дальше я так жить не могу. Плоть-то у меня есть человеческая?

— А усмирить ее не можешь?

— Одна не могу!

— Тогда я научу тебя, как это делать. Смотри! — И сорвал с ближнего куста несколько веток, провел рукой по каждой, чтобы очистить ее от листьев. Получился пучок прутьев.

— Так вы что, пороть меня собрались, ваше царское величество? — в шутку кинула я ему, да еще рассмеялась при этом. Не верилось мне, что Петр Алексеевич на это решится.

— И выпорю! — сорвалось у него с губ с такой жестокостью, какой я еще от него не слыхала. — Фижмы свои сама задерешь или мне придется?

Что во мне поднялось! Меня?! Пороть?! Как последнюю девку?!

— На! — крикнула я ему и разом все свои юбки кверху, и зад ему свой голый выставила: — Пори!

И что ж вы думаете? Не постеснялся. Схватил меня за пояс, перегнул через колено — и всыпал! Всерьез! Больно мне было, а главное, — позор! Потом бросил он прутья, буркнул:

— Не любишь ты меня! — и уехал.

И тут же приказ был: перевести С. из гвардии в армию, куда-то под Воронеж.

* * *

Что со мной стало! И рыдала, и топиться бегала, и не знаю, что еще делала! Насмеялся надо мной, все забыл, что я ему отдала — всю свою девичью честь, весь пыл свой, а он? Он — царь? Значит, привык: — что не по нем — он сразу и судья и палач? Похудела я за эти дни, батюшка на меня глядит, ждет, похоже, чтоб я ему рассказала. Нет! Не дождется!

А при дворе слушок уже прошел, не знали — верить ли, нет ли... А я... бегала, бегала, и вдруг последние слова Петра Алексеевича вспомнились. Не люблю я его? Это я-то? И все по-новому, по-другому предстало передо мной. Что из-за любви своей он на меня руку поднял. Из-за нее! Не мог стерпеть, а как выразить? Петр Алексеевич, Петенька, дружок мой ненаглядный! Поняла я тебя, все поняла! Прости меня, прости!

Но не знала я тогда, что наступают для Петра Алексеевича самые нелегкие времена, затяжелели над ним такие тучи, что впору руки опустить — пусть-де падает небо, держать его уже нету сил! А все равно стой, кровью умоешься — делай вид, что это роса, за все один государь в ответе. Вспомнила я, как со своим зеркалом разговаривала: вот он, мой избранник, стань с ним рядом! Да где там!

Поехал Петр Алексеевич на воды в Пирмонт, в Германию, назначил и наследнику своему туда явиться, для последнего разговору: или по отцовскому пути идти, помогать ему во всем, или наследства будет лишен.

Ждет-пождет государь, не едет сын. Стал беспокоиться. А царевич тем временем вдовцом уже стал, скончалась супруга, двух детей малых ему оставила. Из немецких принцесс жену ему выбирали, дочь герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского; жаловался всегда: чертовку-де мне навязали, ругается или плачет. Так вот, царевич тем временем, захватив полюбовницу свою, учителя Вяземского девку, скрылся неизвестно куда. Было от чего ума лишиться, волосы на себе рвать — пропал Алешенька наш, ищи его, лови! Позор на всю Европу!

Однако Петр Алексеевич духом не падал. Своих государевых дел ни на миг не бросил, поручил посольским разведывать, куда он мог скрыться. А пока они разузнавали, велел верному

человеку, денщику своему Румянцеву, ехать за границу и сыскивать пропажу со всем тщанием. В чужой стороне, языка не зная, да еще хоронясь под чужим именем!

Следы же пропавшего царевича вскоре отыскались. Знал царь, кого посылать!

Не куда-нибудь сбежал Алексей Петрович, а к самому римскому кесарюIthtvt под крыло. В мою Вену! Кесарь ему свояком доводился, на двух родных сестрах были женаты.

Теперь сраму и того больше. Узнает кесарь, что отец сыну враг самый лютый, что сын за свою жизнь боится и просит его спасти, иначе чего ж бежать? Узнают и министры кесаревы, что стонет Россия под пятой железной, и нет ей спасенья — люди в скитах сами себя сжигают, от казней земля кровью пропиталась. Не скажет, что добивается отец жизни новой, Московию старую ненавидит, хочет с Европой дружить, торговать мирно, за стенами не прятаться. Эй, вы, нищеброды, чужееды, мирские захребетники! Здесь надо жизнь строить, а не на райские кущи надеяться!

Нашли царевича нашего, сыскал его Румянцев, сыщик царский, а теперь попробуй, вызволи его из земли цесарской. Небось, сидит он там, дрожмя дрожит, боится гнева государева. Осторожненько надо с ним говорить. А вот как подступиться?

Отправили на помощь Румянцеву Петра Андреевича Толстого. Замаливает старые грехи Петр Андреевич, когда Соньке служил. Голова у него с понятием, хоть и коварный человек. Не зря Петр Алексеевич говаривал: "Умна ты, голова, если б не была так умна, давно бы с плеч свалилась!" В Прутском походе, в 1711 году, кто уговорил визиря отпустить Петра Алексеевича с войском, когда турки вокруг, как туча стояли? Деньги деньгами, но какой язык нужен — турка смягчить? Карл Шведский, сказывали, из стана своего в Бендерах сам на коне прискакал, на стены кидался — упустили врага! Не зря султан после велел того визиря удавить. А кто семь лет отсидел послом в Стамбуле? И в семибашенном замке с цепями знаком был? Все он, Петр Андреевич!

Послал Петр Алексеевич Толстого в Вену, чтобы строгость нашу показал, однако политеса не нарушил: мол, его величество царь российский по-братски просит сына своего, царевича, отпустить домой. Лучше миром дело покончить, иначе, ежели согласия не достигнут, придется к военной силе прибегнуть.

Долго ли, коротко ли, но убедили кесаря, что надо бы внять царевой воле. Гостя же своего тем временем тайно в Неаполь переправили. Опять Румянцеву забота — искать. И нашел все-таки! Ох, и шпынь! Ох, и дока! Видит кесарь: шуток шутить не приходится, верные у государя слуги, надо уступить. Однако условие поставил: отпускаю царевича только с его согласия. Иначе не могу — царская кровь! Неволить права не имею. Если царевич домой ехать не захочет — так тому и быть. Новое дело! Как уговорить?

Румянцева Алексей Петрович, говорят, боялся, как огня. Видать, опасался: схватит поперек живота, и был таков! Пришлось Толстому за дело браться. Понял он, что надо добиваться через царевичеву полюбовницу, Ефросиньей ее звали, рыжая девка, белая. Царевич любил ее, ну просто больше жизни. Как узнал, что кесарь про него решил, — обрадовался. Назад он ни в жизнь не поедет. Знал он, отец выше всего закон ставит. Докажут — виноват, никого не пощадит! Уж чем Петр Андреевич Ефросинью взял, не знаю, гадать не буду, только своего достиг. Согласилась девка и царевича уговорила. Сказал, в ногах буду валяться, прощенья у отца просить!

* * *

Поехали они домой. Потом опять закавыка. Пожелал царевич с кесарем попрощаться. Видно, чуял свою судьбу. А наши — ни за что. Боялись, что в последний миг выкинет царевич фортель — останется. Кое-как уломали. Поверил бедняга, что отец отпустит его на тихую жизнь

с этой самой Ефросиньей. Так заботился о ней Алексей Петрович, что упрашивал Толстого ее за границей оставить — пока не опростается. Беременная она была, беспокоился он за нее. И на это согласились, лишь бы царевича домой довезти.

Эх, Алеша, Алеша! За себя надо бы беспокоиться, ваше царское высочество. Попасть в такие руки — дрожь берет! Недаром царевич так Румянцева этого боялся. Чувствовал, несчастный: этот царский посланник и от черного дела отворачиваться не будет, прикажут — выполнит за милую душу! Для обоих куда ни кинь — всюду клин: приказ, вот что страшно! И Румянцеву не отказаться, иначе и себя и всю свою жизнь — под колесо!

Приехали в Москву. И пошел розыск — не один же царевич бегство надумал, кто-то ему помогал. Кто? Взяли Кикина, Вяземского, суздальского архиерея, — в Суздале была в монастыре бывшая царица Евдокия Федоровна, — да заодно и Макара Глебова зацепили. Оказалось, жил в блуде с бывшей царицей. Ее на Ладогу отправили, считай, в тюрьму, а его, как и прочих, казнили жестокой смертью — на кол посадили. Двое суток, говорят, бедный мучился.

Вроде успокоились все, царь с сыном помирился, все чин чином. Но вот приехала из-за границы Ефросинья, уже с ребеночком. Взялись и за нее. Наговорила она с три короба. Многих людей еще повязали, и, самое главное, ясно стало с ее слов, что царевич хотел отца своего убить и всю страну на старое повернуть. Короче сказать, измену затеял против родного отца, против государства Российского. Ох, Ефросинья, мне бы с тобой наедине остаться!

Ну и лютовал же в ту пору Петр Алексеевич! Словно он вплотную со старой Русью столкнулся — не на живот, а на смерть борьба! Понимал государь, что если сию заразу с корнем не вырвать — конец всем его трудам, повернется вспять история государства нашего. Как быть? Ведь сын во главе заговора стоит! Духовные на писание ссылаются: сын да не восстанет на отца, но и отец да не подымет руку на сына. Впрочем, самому государю решать, как поступить.

Светские чины другого держались: поскольку сын против отца пошел, против государя своего, — повинен смерти. Так закон говорит, но воля государя решать, как быть. И всё на одном человеке сходится, на Петре Алексеевиче. Он должен рассудить, остается ли в силе закон или он его своей государевой властью ради наследника своего отменит. Вот тяжесть-то — решать! Ведь он на судей рассчитывал, он же сказал им: "В своем деле я не владыка, судите по закону, но меня-то от решения освободите. Сын ведь!"

Обвинение в измене доказано. По закону положена смерть. Государь есть первый слуга закона. Значит, по закону и решайте. Решили — казнить! Все подписались, только один Борис Петрович Шереметев отказался — не могу, говорит, царскую кровь проливать! Так кто же должен ее пролить? Сам отец?

Слава Богу, не дожил Алексей Петрович до казни, волей Божьей умер накануне. Умер...

Вру! Вру! Вслед за всеми повторяю — умер, преставился, отдал Богу свою душеньку истерзанную... Как бы не так! Не сам отошел в мир иной наш Алешенька, не сам! Вот как было дело: два застенка вынес царевич, а на завтра третий был ему учинен — подряд. По пыточному закону полагалась передышка между допросами от десяти дней до трех недель, чтоб раны от кнута хоть чуть-чуть заживились. А тут вот так. Против закона. И ничего не поделаешь — царь! Самолично! Он-то как раз на этот третий по счету допрос и явился, собственной персоной. Зачем? Все я знала, до точности!

Плотник один голландский работал рядом, он мне рассказал. Плох был царевич, еле губами шевелил на вопросы ему задаваемые. Видя такое дело, и палач, жалеючи царевича, чуть касался его кнутом — раз, другой. Вдруг Петр Алексеевич бросился к нему, вырвал кнут из рук. "Ну, — подумали те, кто присутствовал, — не выдержало отцовское сердце, зашвырнет он сейчас кнут куда подальше..." Нет! Секунду помедлил и вдруг, весь как-то выбросившись вперед, нанес

такой удар несчастному, что тот весь дернулся и затих — навсегда. Помолчали все. Отбросил кнут Петр Алексеевич и, закрыв глаза, долго-долго сидел так. Бедные вы мои оба, и живой и мертвый!

Ясно представляла я себе, что творилось у Петра Алексеевича на сердце перед этим последним ударом. Помиловать? Оставить после себя заразу, которая только и ждет, чтобы выскочить, впиться сзади, исподтишка... А с другой стороны — смертная казнь. Тысячи, десятки тысяч народа, войска, духовенство и сам Алексей Петрович, на ногах не стоит, видом своим одним завоевывает сердца... И отец тут же, на коне, прямой, страшный... Да это же такой феатр, которого свет еще не видывал! И казнь будет не над сыном совершаться — над отцом, Петром Алексеевичем, над ним! Тут ежели у кого и был противу государя малый камешек за пазухой — тот в гору тотчас превратится, и все, что построил царь, в одночасье рухнет! Нет, не дам такого суда, — одна мысль у Петра Алексеевича была. Пусть здесь, в Трубецком бастионе, в застенках, пусть от моей руки, пусть! Всевышний нас рассудит. Недаром в тот же день всю всенощную выстоял Петр Алексеевич в Троицком соборе один. И на утренней службе был и истово молился.

Трудно великих судить. Ох, трудно... Да и нельзя, не имеем права!

А Ефросинью отпустили. Сам Петр Алексеевич сказал, что суда над ней нет. Наработала своим языком — освободилась. Ох, язык бабий! Чего только он не творит. Сама, своими руками друга своего наипервейшего на эшафот отправила!

Я, когда встречалась с Петром Алексеевичем в то время, понимала: непереносимо ему. Похудел, глаза, как мертвые, даже речь другая стала — никто к нему не подходи, то ли словом, то ли движением так отщелкнет, что долго будешь помнить!

Однако я осмелилась, первая к нему подошла, руку на его руку положила, погладила... Вдруг вижу: сверкнул взгляд, развернулись плечи — значит, понял, что есть люди, которые, несмотря ни на что, поддерживают его, понимают...

* * *

Батюшка начал на нас поглядывать косо, видно, что-то замечать стал.

— Марьюшка — мой друг, — успокаивал его государь. А там разберись, что в этом слове скрывается!

Но я всецело за Петра Алексеевича была. Правильно он рассудил: государь — первый слуга закона. Пусть суров он, но — закон.

И словно нарочно тогда же пришлось Петру Алексеевичу еще раз решать, что важнее — закон или царская воля?

И опять наши Гамильтоны здесь замешались. Помните, я про Мину Гамильтона рассказывала, брата Евдокии Петровны, царицыной тетки. У него еще сын был, Виллим, что на военную часть нацеливался. Так вот, этот Виллим уже полковничьего чина достиг. И была у его сына дочь, Марья, во фрейлинах у Екатерины Алексеевны ходила, красоты необыкновенной. Пусть я свой корень хвалю, но такой другой, говорили, и не сыскать нигде. Порода, что поделаешь! Бабушке она приходилась двоюродной правнучкой. Далеко, скажете? А все-таки своя, Гамильтонова кровь.

Был слушок, что с Петром Алексеевичем она махалась, по-старому так говорилось, но ручаться не буду. Амур у них был с царевым денщиком, Иваном Орловым. Собой хорош, но трусоват, из тех, кто набедокурит — и в кусты. Амурились они, амурились, и вышло так, что затяжелела наша Мария Даниловна. Орлов сразу: я не я, и хата не моя. Пришлось Марии одной

кашу расхлебывать. Затягивалась она, затягивалась в корсете до последнего часу, да так, что никто и понять ничего не успел. И родила втихомолку.

Государь же обо всем на свете думать должен, все мы его верные подданные, от старух седых до младенцев, только что рожденных, во всем его воля. К примеру, тех же младенцев взять. Есть такие несчастные матери, которым приходится рожать незаконно, вот как Марья, без мужа. Куда деться, когда срок наступает? Бывает, и придушит — от безысходности. Мать ведь как рассуждает: младенчик мой, я его девять месяцев в своем чреве носила, что хочу с ним, то и сделаю, никто мне в этом не указчик. А государство резон выставляет: раз родила, значит, он мой, государственный, а кто с ним что учинит — с того взыщут по закону.

Блаженной памяти царь Алексей Михайлович, о таких горемычных заботясь, повелеть изволил: для подобных случаев особую избу завести, в которую монашку посадить, чтоб она в тайности тех беззаконных детей принимала. И деньги положил на кормление, чтобы не дать таким младенцам погибнуть, воспитывать их до взрослости. Означало это повеление то, что каждый новый человек государству ценен, и Боже упаси, его родив, истреблять. А на тех, которые на свое дитя руку подымут, — царский гнев и закона действие, яко на душегуба. А душегубу у нас известно одно наказание — смерть.

Петр Алексеевич еще дальше пошел: для вящего секрету повелел занавеску на окошко в той избе повесить, чтобы никто, тож и монашка, не мог узнать, кто младенца принес. Однако же подтвердил: кто покусится дитя свое жизни лишить, какого бы ни была звания, — карать смертью. Таков закон.

Долго я так поясняю, ибо растолковывать нужно материю сию для того, чтобы понять, что с Марией Гамильтон случилось. Родить она родила, а куда ей с младенцем? Про особую избу или не слыхала, или побоялась, решила по-старинному, по-дедовски: младенца придушила — да в ящичек, да поздним вечером в Летнем саду и закопала. Только не повезло ей, бедной. Узнали, донесли. Пошел розыск. Обвинили в убийстве — легкое ли дело?! А с убийцами у нас по закону — в цепи да в тюрьму, пока суд не рассудит. Хлопотали о ней и государыня, и Прасковья Федоровна, вдова государя Ивана Алексеевича.

Как должен был Петр Алексеевич в этом случае поступить? В его воле помиловать или закон соблюсти. Подумаешь о Марии — красавица, каких мало, даром, что родня, как и не пожалеть? И без того, кажется, казнями год полон. Голов сколько с плеч скатилось. А по Марии розыск шел по всей форме: — и плетьми ее стегали, и на дыбу подвешивали — известно, какой у нас порядок. Долго ответа от государя не было. Все ждали — помилует! Да на беду под Москвой, забыла деревню, точно такой же случай учинился — убила девка своего младенчика и тоже ожидала решения своей судьбы. Видно, колебался государь. Наконец, велел ответить: "Рука палача не коснется ее".

Марья обрадовалась, поверила. В день церемонии надела свое лучшее платье с каймою — буду жить, решила.

Петр Алексеевич требовал, чтоб высшие все были, чтоб видели, как вершится правосудие.

Пусть говорят, что хотят, а я в тот день молилась. За нее, за Марию просила Троеручицу, матерь Божию.

Батюшка сказывал, очень хороша в то утро была Машенька. Церемония была на Троицкой площади. Денек серенький. Вышла Машенька, бледная, но спокойная. Надеялась. Появился государь. Палач уже тут, наготове, и плаха тяжелая стоит, ждет.

Государь Машеньке сказал: "Молись!" Она перед плахой опустилась, голову склонив, Петр Алексеевич сгреб ее волосы, с затылка их наперед перекинул. Замерли все. Сейчас приказ будет — отпустить!

Но государь дал знак палачу. Тот взмахнул секирой, и кончилась жизнь Марии Даниловны. Рука палача ее не коснулась — тут Петр Алексеевич свое слово сдержал. А сохранить жизнь… Видно, подумал: этой окажешь милость, а другой, под Москвой — что? Где же закон? Батюшка сказывал, очень он волновался, губы закусывал. Видно, нелегко ему было закону подчиниться.

Минуту спустя он взял голову Машенькину в руки, поцеловал в уста, словно просил у нее прощения за долг исполненный, а потом стал показывать придворным, где какие артерии проходят, по которым кровь в мозг поступает.

Вот этого я понять не могла, никак! Но такой он был, что с ним поделаешь. Сам учился на каждом шагу и других учил. И был после приказ: голову Машеньки положить в спирт, в стеклянную банку, и поставить в кунсткамеру навечно. Видно, хотелось Петру Алексеевичу всегда перед собой ее иметь, чтоб помнить о законе, которому подчиняются все, от мала до велика.

По мне — мог бы и помиловать Петр Алексеевич Машеньку. Никто слова бы не сказал — уж больно жалко было такую красоту губить. Ведь мог он, мог, закон у него в руках. Но в том-то и дело, что в руках. Нарушить его — выйдет, что нет у нас закона, раз первое лицо в государстве ему не подчиняется.

* * *

Ах, Петр Алексеевич, Петр Алексеевич! Жестокие у тебя законы. Как бы на тебе они не отыгрались.

Притих народ. Уж больно год был страшный — все казни да казни. Пора бы и остановиться, кругом оглядеться, ведь какая-никакая, но жизнь вокруг! Надо ж почувствовать, что не мертвецы мы, а то забились все по углам, нос высунуть боимся. Дали б мне в руки правление государственное, я бы показала, где раки зимуют! Неохота ругаться, но я бы смирение это покойницкое враз вышибла. Жить-то ведь хочется, грудью вздохнуть во всю ширь, плечом подернуть. А если еще и каблучком пристукнуть — завертелись бы, закружились пары. Разве плохо? Я же с малых лет была плясунья — трех лет еще, говорили, не было, а я уже ручками помахивала, ножками притоптывала. На балах при дворах заморских люди за честь почитали танцевать со мной. А мы тут сидим по домам, друг на друга глядеть боимся. Подумай о нас, государь, не дай нам закоченеть от страха!

И словно подслушал Петр Алексеевич мои мысли. В конце года издал указ об ассамблеях. Слово это иностранное и обозначает сборище, бал. Велено назначить день, собираться у того или другого и затевать танцы, а пожилым — игры разные, угощения. Написано было в указе, как держать себя, как обращаться друг с другом. И опять скажу: правильно сделал.

Съехались на первую ассамблею как дикари все равно: привыкли по теремам своим сидеть, взаперти и слова по-человечески сказать не могут! А я на другую жизнь насмотрелась за границей — в Голландии да в Вене-городе. Разве можно сравнить? Там мужчины с женщинами обращаются свободно, разговаривают, если у кого гости — танцуют, не нарочито, а так, семейным обычаем. А у нас царю обо всем приходится думать. Правда, раз от разу приучаться стали, побойчей общаться, кое-кто в танцах и отличаться стал. Только вот беда: выберешь кого-нибудь, с кем танец получится, — раз танцуй, а второй раз не моги. Не положено.

Правда, Петр Алексеевич, спасибо ему, понял это, и сам частенько во время танцев устраивал ералаш. Это вот как бывает. Танцуют медленный танец, скажем, гросфатер: поклоны, приседания — одна скука, даже на танец мало похоже. А Петр Алексеевич сделает знак, маршал бала, то есть распорядитель, поднимет свой жезл, и музыка сразу переходит на веселую, плясовую. Дамы своих кавалеров оставляют, берут новых между танцовщиками, кавалеры ловят своих дам или ищут новых. Такой поднимется шум, такая толкотня, ну, прямо, ералаш да и

только! Сразу вся чинность слетает! Потом новый знак маршала — и все приходит в прежний порядок, а тем, кто остался без дам, штраф — заставляют выпить кубок "Большого" или "Малого Орла".

При отце Петра Алексеевича, Алексее Михайловиче, говорят, был один только танец "казачок". Буйный был, занесен к нам от черкесов, танцевали его в одиночку. У нас другой танец завелся — "метелица". Ух, бывало, как выйду я — все сбегались! И от кавалеров у меня отбоя не было. И менуэт, и полонез, или попросту, польский, и гавот, а если поляки случались, то и мазурку плясывали — в четыре пары.

* * *

Вроде исполнилось мое ожидание. Затопала каблучками наша матушка-Русь, вышла в общий круг с Европой. Толкались на первых порах, но вошли твердо. Было, правда, в нашем танце что-то отличное от прочих, европейских. И страх, и удаль, и какая-то даже жестокость — не от главного ли танцора сии качества? Он всюду, даже в веселье, за нарушение правила — сразу наказание — кубок "Большого Орла". А это значит — с ног долой, домой увозят, как мертвого. Деться некуда — власть!

Сам Петр Алексеевич любил танцевать и, не буду скрывать, со мной особенно. Ведь лучшей танцорки, кроме меня, и не было, почитай. А уж я-то за танцы готова была жизнь отдать!

Чести танцевать с государем многие мечтали добиться. Мечтать-то мечтали, но опасались. Помнили судьбу моих двух кавалеров. И так получилось, что вокруг меня вроде никого и не осталось, я да Петр Алексеевич. А он — сегодня здесь, завтра — там, его и не ухватишь! Батюшка нет-нет, да и посмотрит на меня, вздохнет и глаза отведет. Понимал все. Все! Начала и я беспокоиться. Время идет, мне скоро уж двадцать два. Перестарок! Где же прынц мой? Петр Алексеевич, видимо, мое беспокойство чувствовал:

— Не трусь! — говорил. — Я за тебя отвечаю!

Замирились со шведом, титло новое Петру Алексеевичу поднесли. Теперь уже не царь — император! Праздник! А я вроде забыта. Только все одно: в нашей семье он всегда был, как свой, — Петр Алексеевич да Петр Алексеевич, а я лишь иногда: "Ваше императорское величество!" Он услышит, сверкнет глазом, но смолчит. Понимал — это назло ему.

Близко в ту пору сошлись мы с батюшкой. Зайдет, бывало, в библиотеку, а я там. Снимет парик свой длинный, — тяжело его было носить, как шлем все равно, — и так мне нравится голова его седая, коротко подстриженная, что не удержусь и целую его в самую макушку. Писал его придворный художник Никитин, я хотела попросить, чтоб без парика — нельзя. Важный сановник, президент Морской академии, друг царев, граф — и вдруг без парика! Словно из бани только что вышел. Умаление славному царствованию. А я представляю, как они все без париков выглядели бы, умора!

Беседуем мы с батюшкой, так хорошо нам вдвоем. О сестрах потолкуем, о братце Феденьке, только по одному вопросу молчок — о дружбе нашей с Петром Алексеевичем. Другой раз чувствую, хочет он меня спросить, а смелости нет... А я к нему кинусь, целую его, чтоб уверился он, что ничего я от него не скрываю, мне хорошо, и все тут. Только однажды у него вырвалось:

— В возраст входишь, дочка. Кто тебя от меня увезет?

Я его уверяю, что никто мне не нужен, никогда я его не покину!

И Петр Алексеевич, похоже, свое обещание забыл. Но вот однажды была у нас малая ассамблея. Танцевали мы тогда до упаду, весело мне было, как никогда. В середине вечера Петр

Алексеевич приехал, как всегда со своим денщиком. То есть, вроде денщик, вроде адъютант — не разберешь. На этот раз с Румянцевым. После истории с царевичем Алексеем государь его отличал.

Петр Алексеевич поздоровался, мне кивнул:

— Поручаю тебе танцора, и скучать ему не давай, а я пока с твоим отцом потолкую.

* * *

Не знала я, что в эти минуты вся моя судьба решается. Румянцев! Только и славы у него было, что царевича Алексея на смерть в Россию приволок.

Смотрю я на этого Румянцева — что мне с ним делать? Разве он годится для танцев? Он же совсем старик, ему за сорок. Собой, правда, видный, но весь деревянный какой-то, как на ученье: "Нале-во! Напра-во! Ружье на пле-чо!" Одно слово — солдат.

Гляжу на него и думаю: а ведь на тебе кровь царевича, недаром говорили, что он тебя так боялся. Если б не Толстой, ни за что бы не вернулся домой. Стоит Румянцев высокий, как коломенская верста. Начинаю разговаривать — отвечает. Но никакого политеса!

Вдруг зовут меня к батюшке. Вижу, какой-то разговор был у него с Петром Алексеевичем. И, видать, важный. Батюшка весь бледный, платком лоб утирает.

— Вот, — говорит он мне, и на каждом слове запинается. — Его царское величество великую честь нам оказывает. Сватом к нам явился.

— Сватом? — это я, как вроде не обо мне речь.

— Просит твоей руки для гвардии капитана Александра Ивановича Румянцева.

— Для кого? — переспрашиваю и ничего, как есть, не понимаю. Кто такой Румянцев? Денщик?

— Для гвардии капитана Александра Ивановича Румянцева, — это уже сам Петр Алексеевич в разговор вступает. Каждое слово чеканит и на меня в упор смотрит.

Я слышу и не слышу. О моей руке толкуют — для кого? Для мужлана? Для этого неотесанного, для солдата? Меня, графиню Матвееву?

— А дружба наша как же? — смогла только и выдохнуть. Первый раз я вслух об этом сказала.

— Я, — это Петр Алексеевич, — обо всем подумал. Соглашайся.

Все вспомнилось мне сразу: дубовая роща, солнце, дружбы нашей начало. И вот передо мной Петр, гроза королей, жизни нашей устроитель... Хорошо ж ты меня устроил, Петр Алексеевич, ваше императорское величество! Сделала я низкий реверанс и разом чувство потеряла.

Не помню, что со мной дальше было, только очнулась я в своей спаленке ночью. Няня около меня сидит, чулок вяжет. Увидела, что пришла в себя, спрашивает:

— Отошло сердечко?

Какое отошло! В душе буря. Готова сей же миг идти к Петру Алексеевичу, напрямик его спросить: так-то он нашу дружбу ценит, все готов забыть, ему важно одно — с верным его солдатом за дружбу расплатиться. Был у него такой обычай. Одну свою метресишку за денщика отдал, за Черныша. И после говорили, к ней хаживал. Думает, и здесь эдак получится? Как бы не так! Не знаешь ты моего характера, друг милый. Я живой человек, торговать мной нельзя. Лучше снимай с меня голову, как с Машеньки Гамильтон. Один мне конец! Та ребенка убила, а тут меня убивают, живьем!

Батюшка вошел, сел рядом. Молчал долго, потом стал уговаривать. На все царская воля. Сам государь сватом к нам, это великая честь. Своими милостями Петр Алексеевич нас не оставит, и тому подобное. До утра успокаивал. Одно я поняла: была я графиня, стала никто.

Начали к свадьбе готовиться. Батюшка стороной узнавать стал, кто такой мой муж будущий. Родом из костромских дворян, небогатых, мелочь, одним словом. Они, кстати, хотели его на Кикина племяннице женить. Сговорились, было, как же — пятьсот душ приданого! Все теперь поломалось. У них, небось, язык отвис — на графине Матвеевой женится! На первой красавице Санкт-Петербурга! Сам государь посватал! Дальше узнаю: родился в 1690 году. Говорила же — старик. С юных лет в потешных при государе, в 1703 году записан в Преображенский полк рядовым. Я говорила — солдат. В 1705 году — капрал. Спасибо его величеству — важная персона! Дальше — битва у Лесной, где особенно Румянцев отличился. Молодец, верно служишь Петру Алексеевичу. Это было в 1708 году. Дальше — Полтава. Тоже участник. В 1712 году служба в Архангельском городе, где набрал 500 матросов. Ни от чего не отказывался! Ох, служака, ох, молодец! Пожалован званием поручика. Негусто. 1713 год — участие в походе в Штетин. В 1713 году выполнял различные поручения, был денщиком. Звание хоть куда! Как раз по росту. Потом 1718 год. Царевича из-за границы выманивал. Вечная ему память! В 1719 году инспектировал Ревель, иезуитов из России выгонял, а уж в 1720 году за все подвиги разом сполна получил — сам царь графиню ему высватал!

* * *

Послал мне Господь силы. Пришла я в порядок. Свадьбу сыграли как следует. Петр Алексеевич был. Не могу понять — или у государей мозги по-другому устроены? Как он мог забыть любовь нашу? Тот солнечный день? Осталась во мне обида жестокая, неутолимая.

Как я и думала, мужа моего прямо из-под венца в Швецию отправили к Фридриху Гессенскому, супругу королевы Ульрики Элеоноры с поздравлением — почет! Кроме того, секретная инструкция — разведать, что в шведском обществе думают о замирении. В чине генерал-адъютанта он был при нашей военной штаб-квартире в Финляндии.

А Петр Алексеевич, как чувствовала, — ко мне. Ну, я ему тут и отпела! Нет, сказала, и никогда больше этого не будет, ваше величество. Он и отъехал. А Румянцева моего, как нарочно, из одного дела в другое. Редко дома бывал.

В 1721 году — мир в Ништадте. Оттуда супруг мой был послан в Малороссию, порядок устанавливать. Там все к старому тянули, гетмана избрать хотели, а рядовое казачество — чтоб полковники против великорусских судов и коллегий не выступали. Словом, большая смута шла. А тут Персидский поход подоспел. Туда и Александра Ивановича моего — как же, без него-то и не укиснет! Строил в Казани малый флот, пригодный для действий у берегов Персии. Справился — получил звание майора гвардии. Участвовал во взятии Баку. Я за три года своему мужу трех дочерей принесла. Урывками он дома бывал, все на посылках у государя, даже не пойму, как это получалось у нас.

В 1723 году была с ним в Москве. Вернулся из Персии Румянцев, командовал парадом по случаю коронования государем супруги своей Екатерины Алексеевны. Петр Алексеевич ее уважал, любил сильно. Я нарочно списала строки из Манифеста: "Наша любезная супруга, государыня императрица Екатерина великою помощницей была: и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложа немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, помогала, а наипаче в Прутской кампани с турки, почитай, отчаянном времени как мужски, а не женски поступала — о том ведомо нашей армии и от них несумненно всему государству: того ради данного нам от Бога самовластию за такие супруги нашей труды..."

И вот за такую любовь, такую заботу — как она супругу своему отплатила! Я поначалу довольна была: не все нам плакать, отлились Петру Алексеевичу и наши слезки. Но обо всем по порядку.

* * *

Виллим Монс, из-за которого вся та история вышла, был мне хорошо знаком. Да и все его при дворе знали. Сколько раз я с ним танцевала. Однажды Петр Алексеевич попенял мне: слишком-де часто выбираю его в танцах, где дама первая руку кавалеру подает. А что я могла поделать? Танцевал он лучше всех и на язык был востер. Начнет что рассказывать — заслушаешься! А уж как красив был, и говорить нечего! Чистый Адонис! И молод был, из камер-юнкеров Екатерины Алексеевны самый молодой.

Все это так, спору нет, но она-то как польстилась? Все-таки не кто-нибудь — императрица, мать. Неужели младые лета ей голову закружили?

Петр Алексеевич, пока розыск шел, видеться с ней перестал — не мог себя превозмочь. Еле-еле уговорили... Все-таки дочери, Анна с Елизаветой. День и ночь плакали, просили за мать.

И вот как-то морозным днем заезжает к нам из тайной канцелярии Петр Алексеевич. Мужа моего дома не было. Видать, тяжело пришлось гостю моему у Андрея Ивановича Ушакова, пыточника. Монса вместе допрашивали. Вижу — сам не свой государь, похудел даже, бедный, судорога по лицу пробегает. Угощаю его, чем Бог послал; ест, пьет, говорит мало. Зато я перед ним соловьем разливаюсь, болтаю, что в голову придет. И между прочим рассказываю ему одну сплетку, что слышала намедни. А суть была в том, что у полковника Беклемишева жена к своему аманту сбежала, а он ее с караулом солдат брать ходил. Рассказываю, как Беклемишев с носом остался, и понимаю, что не след бы мне эту историю припоминать, а вот сила какая-то заставляет меня продолжать, я и говорю:

— Так ему и надо, старику, не из-за чего было и шум поднимать.

И думаю: что ж это я болтаю, этому Беклемишеву едва ли пятьдесят от роду, а остановиться не могу.

— Старость молодежи всегда уступать должна, старики об этом забывают!

И вдруг вижу — лицо Петра Алексеевича все перекосилось.

— Старики?! — повторил. Его всего трясло. — Старики? Не торопись хоронить!

И с этими словами вскакивает, сгребает меня в охапку, я только успела вымолвить: "Дверь... Люди..." — как он тут же, как лев на свою добычу, набрасывается на меня и прямо сходу насильничает! И самое странное — грубость эта мне была желанна, как никогда!

Уж после я подумала, что Катенька его в самое больное место ударила. С молодым сойдясь, стариком она Петра Алексеевича в глазах людей выставила. А я, дура, повторила!

Пробормотал еще что-то мой гость и выскочил на крыльцо. Только ботфорты его по ступеням загремели.

Назавтра приговор был объявлен. Монс во взятках был обвинен, а в указе сказано было еще: "За вмешательство в дела, ему не принадлежащие", и приговорен к отсечению головы. И отрубили голову тому Виллиму и в банку со спиртом тож поместили.

А августейшей супруге особая казнь: нарочно водил ее в кунсткамеру, где та банка на полке стояла, — дескать, посмотри, голубушка, как молодость старости уступает.

Выдержала она. Говорят, и глазом не моргнула. Ох, и крепка была!

* * *

А Петр Алексеевич весь год, не жалея себя, силу свою показывал. Кому только? Вопрос. На олонецких заводах сам, один, полосу железа в пять пудов выковал. Поздней осенью бот с солдатами на шхерах тонул, спасать бросился, как есть, в кафтане. И много, много других, прямо скажу, подвигов совершил он, словно доказывал, что рано его еще со счетов списывать.

Понесла я после нашей встречи вскорости, затяжелела. А Александра Ивановича моего нет как нет. Опять полный воз на него навалили — в Стамбул послали, в Турцию, да по дороге повелели ему пути изучать из Тифлиса в Баку, а заодно и границы между Россией, Персией и Турцией установить.

А я в Москву отъехала, хожу брюхатая и сама про себя молю:

— Бабушка милая, Евдокия Григорьевна! Если правда, что в вашем роду были люди, что тайное слово знали, сделай и ты для меня — Гамильтонов же кровь во мне, трех дочек родила — Катерину, Дарью и Прасковью. А до сей поры сына Бог мне не дал. Вымоли у Господа! Сына хочу, наследника! (А чьего наследника? Сама себя останавливаю и все равно, — хочу!)

Пока я бабушку молила, у Петра Алексеевича новая беда: наследник, сын Петенька, скончался.

Наконец, и мое время подошло. Мучилась, правда, долго, но не зря. Сын у меня родился, сын! Наконец-то дождалась! Мальчик — здоровый, крепкий, весь в отца. Крику от него — хоть уши затыкай.

Услышал эту новость Петр Алексеевич, цидулку прислал: "С сыном тебя, — воином будет!" Меня даже зло взяло: все ему воины да сражения, и сама себя обрываю: хочу, чтоб таким стал, как отец. Великим, могучим!

А муж мой все в Стамбуле. И смерть государя нашего без него случилась. Поначалу я много словам своим бездумным приписывала, о том, что де старикам возраст свой соблюдать надо: уж очень Петр Алексеевич старался доказать, что не старик он и здоровья своего не щадил нисколько. И, видно, не выдержала натура той тяжести, надломился его корень, рухнуло древо, которое должно было еще не один десяток лет зеленеть. Много раз у него, покойного, прощения просила. Сказано — язык бабий. Не удержалась, кольнула его за грех передо мной. Навязал мне мужа — ищи теперь ветра в поле!

Похоронили мы Петра Алексеевича, а я с еще большим бережением за сыном ходила. Еще бы — такая кровь! Лежит он в колыбельке, ножками дрыгает и ничего-то он не знает! А я над ним шепчу:

— Помни, милый, кому своим рождением обязан, будь в отца, будь!

И снова бабушку свою, Евдокию Григорьевну Гамильтон вспомнила.

— Проси за меня Вседержителя, пусть будет великим, пусть будет могучим, как отец!

Сказывали, перед своей смертью Петр Алексеевич руку протянул, видно, что-то сказать хотел, вымолвил только: "Отдай все..." А дальше сил не хватило — и кончился. Закатилось наше солнышко ясное, нет больше государя пресветлого, слова больше от него не услышу, осиротил он империю, весь свет осиротил, но пуще всего престол свой обездолил. Пуст он оказался, не было наследника, от которого пошел бы род государев. Как мне хотелось крикнуть, чтоб услыхал Петр Алексеевич сквозь смертную свою пелену:

— Есть у тебя наследник, есть! Здоровый, крепкий, продолжатель дел твоих, есть! Да где там…

Скомандовал Александр Данилович Меншиков гвардии, а она на трон Екатерину Алексеевну посадила. Сесть-то она села, а Россией Меншиков стал управлять. Способности у него хорошие, что там говорить, но уж очень на руку был нечист. Хватал всюду, за что бывал и бит. Сейчас бить было его некому, вот он и разгулялся.

* * *

Недолго царствовала Екатерина, за ней мальчика на престол посадили, Алексеева сына, Петром звали... В скорости умер и он. А мужа моего, Александра Ивановича, нет как нет. Все в Стамбуле — дела турецкие держат. До тех пор держали, пока бояре на Анну Ивановну, дочь Ивана Алексеевича, порфиру не надели.... Хоть отец ее и малоумный был, а все равно царь. Только тогда Румянцев из Стамбула вернулся. Первый раз Петрушу моего увидел, а то все дочки, да дочки. Сколько времени провел на государевой службе…

Анна Ивановна к моему Александру Ивановичу сперва со всем решпектом, пожаловала его в полковники Преображенского полка. По армии — в генерал-поручики произвела. Своим генерал-адъютантом его назначила. Двадцать тысяч рублей приказала выдать. Хотела его в камер-коллегию посадить президентом — отказался. Уговаривать начала — уперся. Стал критику наводить: кругом, дескать, воры, а мне за ворами гоняться не с руки. По-старому, по петровскому обычаю и императрицу задел. Прямо в лицо ей:

— Ваше, — говорит, — императорское величество всему причиной. Смотрите, какая роскошь вокруг вас. Ворам самое разлюбезное дело.

Напоследок Бирона приплел, любимца государыни, все в упрек ей. А чем кончилось? Разгневалась Анна Ивановна на такую дерзость. С Александра Ивановича моего все ордена да звания — долой, деньги отобрали — и под суд! А суд, известно, из рук государыни смотрит, сразу приговор: "Лишить Румянцева жизни".

Нашел, кому правду доказывать! Потом уж сжалились, голову ему сохранили. Сослали всех нас в дальнюю деревню Чеборчино Алатырской провинции (в Чувашии — Д.С.). Ой, голодно жили там! Сколько плакала я, мужу за характер его выговаривала. Нашел, кого уму-разуму учить. Саму государыню! Вот и сиди теперь, кулаки соси. Вспоминались мне батюшкины рассказы, как они в Пустозерске черные сухари грызли, да и тех не хватало. Пришлось, что было у меня из украшений, продать, и вовсе обнищали. Спасибо родным, Шепелевым и еще кое-кому — отхлопотали нас. Простила императрица. Только при свидании сказала: "Смотри!" Это значит, чтоб помнил и свою натуру сдерживал.

* * *

Назначили моего Румянцева в Казанскую губернию правителем. Место не из последних, спасибо ее величеству. Но хлопот! Пространство большое, народу тьма. То татары, то башкиры, то мордва поднимается. Особенно башкиры досаждали. Уж как с ними Румянцев цацкался — всё бунтуют.

Но, видно, довольны были наверху действиями его. В 1737 году указ: ехать в Малороссию, принять там дела, разобраться с их порядками. Опять я деда вспомнила, как он был начальником Малороссийского приказа. Тогда еще трудней было, недавно ведь Богдан Хмельницкий под нашу державу своих казаков привел, но все равно, и по сие время не могли успокоиться. Жарко пришлось Румянцеву на Украине: то старшина младших казаков под себя подмять хочет, то казачество на старшину обижается. Гетмана все себе избрать хотели. А гетмана избирать известно как: крикнут на майдане, что не хотим под москалями ходить — и готово дело.

Разобрался муж мой, из полковников поснимал кое-кого, казачество успокоил.

Потом с Турцией началось. Примириться она не могла, что укрепляться мы стали на юге, опять войну затеяла. Миних тогда войска возглавил, пожелал Румянцева себе в помощники. Что ж, и Малороссию ему бросать? Только-только дело наладил… Но пришлось соглашаться.

* * *

Жили мы тогда в Глухове, столице Малороссии. Муж в армию отправился, а с сыном что делать? Время идет, малый растет. Учитель у него был из местных, дьячок Тимофей Михайлович Сенвотович, а по языкам я сама с ним занималась. Все жду, когда в отцовскую натуру таланты его будут показываться, а на самом деле... Боже всесильный! И в кого он у нас уродился? С самого малого возраста никакая нянька с ним справиться не могла. Подрос — с окрестной ребятней походом в сады, слова ему сказать нельзя, с ребятами дерется, а как стало ему тринадцать лет — и вовсе от рук отбился. Супруг мой занят: служба, отрываться нельзя, одной мне приходилось управляться, а что я могу? Рослый такой, здоровый, весь в отца! Что с ним делать? Со всех сторон на него жалобы. Хотела я ему сказать: если б ты знал, несмысел, какого отца ты сын. Славу России позоришь! Да смолчала. Зачем?

Румянцев мой просил Бирона — в Швецию бы сына нашего наладить или в Данию направить к какому-нибудь посланнику, чтобы приучался к службе, и если возможно, жалованье чтоб ему бы положили.

"За моим недостатком, — так Румянцев Бирону писал, — ни для никакой пользы сие намерение воспринял, токмо впредь его, сына моего, дабы годен был к высокой службе ее величества".

Ответили на письмо милостиво. Петруша наш был направлен в Берлин, к посланнику нашему, Браккелю.

В конце 1739 года получила я письмо от Браккеля. Доносит о невероятных, час от часу умножающихся Петрушиных предерзостях, о мотовстве, о том, что он ничему не учится, приставленные к нему учителя жалуются на его лень и забиячество, делает он долги, закладывает свои вещи и платье, чтобы продолжать свое беспутное мотовство с солдатами, лакеями и прочими бездельными людьми. "Наконец, он, Петр Румянцев, — пишет мне Браккель, — вовсе скрылся из своей квартиры".

Читаю я это письмо, слезами заливаюсь, ничего с собой поделать не могу. Доставай его в Берлине! Вспомнила я тут Петра Алексеевича, он-то другим рос!

Румянцев мой, правда, осердился и велел сына из Берлина на фуре вывести — то есть, на простой телеге, с солдатом до Любека, а там — водой. Привезли его в Петербург, с солдатом. Позору-то, сраму! Как вспомнила надежды свои, что с отцом его сравнивала, успокоить хотела Петра Алексеевича, что дело его не пропадет, сыновнии руки подхватят...Сыновнии руки! Тьфу! А он стоит передо мной, сын, рослый, красивый — вылитый отец! Плюнула я на свои мечтания и ногой растерла. Бывает в жизни. Все бывает! Дура я была, надеялась, ждала... Единственный раз Александр Иванович мой проронил с каким-то тайным смыслом:

— В кого же он такой, Петр наш? Вроде все как люди — и твои, и мои...

Устроили в шляхетский корпус, а через год в списках он там не значился. Выходит, сбежал? Все! Отрезано! А я другой раз ночью, под утро, когда прокрадется, как вор, заснет, подойду и смотрю на него, не могу оторваться. Вырвала из сердца своего, а ниточка-то есть! Брошусь к образам, на коленях молю — заставьте! Подействуйте!

Кончилась война с турками. Кого послать мирный трактат подписывать? Все того же Александра Ивановича Румянцева. Вот он и отправился в путь. А я в Глухове сижу, про сына ничего не знаю, все знакомства растеряла, одна душа родная осталась, принцесса наша бедная, что на задворках сидела, цесаревна Елизавета Петровна. Она, по нашей дружбе с ее батюшкой, незабвенным Петром Алексеевичем, императором, мне вести шлет, а я ей тоже поклон передаю, подарочки. Все через Марфу Егоровну Шепелеву, родственницу нашу. Пошли ей, Господь, здоровья!

Время идет, турки подписывать мирный трактат не желают: все тары-бары, да почем табачок. Наконец, договор подписали. Можешь ехать, Румянцев, домой. А пока он собирался, да путь свой держал, такое случилось, что и поверить трудно. Анна Ивановна волей Божьей помре, Анна Леопольдовна, племянница ее, немного на троне побыла, а потом гвардия взяла да на престол Елизавету мою Петровну и посадила! Кончился Бирон! Кончились немцы на Руси, русское царство настало. И одним из первых был ее указ: Румянцеву Александру Ивановичу за верную службу государству Российскому — орден св. Андрея Первозванного!

Милостями мы были взысканы несказанными. И с той поры пошла наша жизнь совсем по-другому. Правда, Александр Иванович мой из службы не вылезал, как всегда.

В 1741 году шведы на нас снова поднялись. Не могли они пережить Ништадского мира, что берег Балтики потеряли с вместе Ладожским озером. Вот Румянцева против шведов и отправили — дескать, старый конь борозды не испортит! Великой милостью ее императорского величества было то, что она и о нашем сыне позаботилась. Не в зачет его в офицеры произвели, в младшие поручики. И что вы думаете, укротила армия нашего Петрушу? Ни в коем разе! Каким был, таким остался. Позднее писали о нем: "Пылкий, огневой юноша, пользуясь отсутствием отца, проводит жизнь, полную всевозможных увлечений и разгула, никем и ничем не сдерживаемого!"

Отец смог взять его служить под свое начало в самый момент завершения войны, когда уже подписывался мир со шведами. Вот с этой радостной вестью о мире и был направлен в Петербург наш вертопрах. При дворе был принят благосклонно, а вскоре и вовсе судьба ему новую милость нагадала.

В честь мирного договора Александр Иванович Румянцев с супругою своею, со мной то есть, и всем потомством был возведен в графское достоинство. И девиз был пожалован: "Non solum armis" — "Не токмо силой". Вот и стал наш беспутный сынок графом. Пальцем для этого не пошевельнул! Все супротив делал! Уж я ему и так и эдак — теперь ты не кто-нибудь, граф, веди себя достойно. Да еще, мало того, что титла удостоен, в полковники произведен — дали ему Воронежский полк. Это в 18 лет! Думала, хоть на этот раз образумится. Да где там!

До того догулялся, что сама императрица Елизавета Петровна, которая очень Петрушу нашего любила, прямо как сына, — чувствовала, похоже, что своя кровь, а может, и сказал кто — приказала отправить его к отцу для примерного телесного наказания. И пришлось андреевскому кавалеру, генерал-аншефу, графу Российской империи спустить штаны своему графчику, да всыпать как следует горячих. И то впрок не пошло! А я-то, я-то как переживала!

И все-таки где-то внутри теплилось: не может быть, чтобы в сыне моем петровское начало не отозвалось! Прорвется! Петра Алексеевича видела во сне. Повел бровью. Значит, будет порядок, будет!

Государыня выбрала моему Петруше невесту, из богатейших, сироту. Дочь казненного Бироном Артемия Волынского, Дарью Артемовну — так нет. Объявил, что никогда не женится. И разгульной своей жизни никак не оставлял — и с офицерами, и с посторонними людьми. До того дошло, что в 1747 году императрица велела сказать Румянцеву, чтобы бы тот унял сына, а ежели он того не учинит, то она более власть имеет, чтобы его унять!

Мы с мужем уж не знали, что и делать. Муж писал Петру: "... Перемени свое поведение, будь постепеннее, не то уморишь нас безвременно".

И я ему писала: "... Видно нет в вас ни стыда, ни страху Божеского, ни жалости об нас. Мы совсем от вас отречемся".

Ведь обидно — сам высокий, красивый, словом, парень — хоть куда! Ох, дети, дети. Если бы могли мы будущее предвидеть!

А все-таки верила я, верила…

* * *

Когда б не сын, жаловаться не приходилось. Хранила императрица память о своем отце, и при ней мы с Румянцевым были в большом фаворе. Кому что нужно было у ее величества — мимо нас не проходили. И шведский посланник Дюринг, и французский Далион, да и аглицкий посланник вокруг меня вились, знали: все могу ее величеству вовремя подсказать. Только англичанин зря старался. Были мы одной партии с Шуваловыми и держались кабинета французского.

А уж когда прибыла ко двору принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт Цербстская, которую я в невесты Петру Федоровичу, племяннику императрицы, готовила, я и вовсе высшим доверием обличена стала. Поручили мне, статс-даме двора, беречь, наблюдать и готовить молодую принцессу к браку с наследником престола Российского. Должна я была о каждом ее шаге давать отчет ее императорскому величеству: где была, с кем встречалась, о чем говорила, какие книжки читала, какие сны видела... Поначалу принцесса меня слушалась, все исполняла, что я ей говорила, потом больше к матери своей стала склоняться, а мать ее от короля прусского Фридриха поручение имела — немецкую партию при дворе сколотить. Я, конечно, такой политике наперерез, что и докладывала государыне, и в скорости мать принцессы попросили вон со двора. Ох, и злилась на меня ее дочь за это! А потом поняла: она в Россию приехала — со своим уставом в чужой монастырь не лезь!

Так довела я свою Софию Фредерику до венчания, которое состоялось в 1745 году. Выполнила я на том высочайшее поручение, за что была у ее величества в большой милости. Прямо скажу, неразлучны мы были с императрицей. Едет она в Глухов к Кириллу Разумовскому — и я с ней. В гостиницы к нему же, я снова тут. Видя такое дело, сменила гнев на милость воспитанница моя, будущая государыня Всероссийская, бывшая Софья Фредерика, а ныне Екатерина, — стала моих советов просить, одумалась, значит. Ох, и бойка она была, ох, и умна! Недаром, когда на престол взошла, скоро весь мир удивила. И с дочерью моей, Прасковьей, крепко подружилась. Но об этом после.

В 1749 году преставился мой муж, Александр Иванович Румянцев, граф и многих Российских и иностранных орденов кавалер. Поглядишь на его жизнь — вроде милостями с ног до головы осыпан, а разобраться — радостей он имел мало. Вечно из армейского хомута не вылезал, верно служил — хоть Петру Алексеевичу, хоть Анне Ивановне, а уж Елизавете Петровне тем более. Солдатская доля!

Осталась я вдовой. Но ее величество меня от себя не отпускала. Обе мы танцевать любили, особо в мужской одежде. И хоть возраст мой к танцам был уже мало пригоден, все ж приходилось мне по велению моей государыни выходить — то в польском, то в венгерском, а то и в моей русской "метелице", в танце моем любимом. Когда Петра Алексеевича вспоминала, как мы, бывало, с ним отплясывали, — за спиной у меня словно крылья вырастали, честью клянусь!

В доме моем, как положено было, молодежь — за танцы, старики — за карты. Стала и я карты в руки брать, к ломберному столу присаживаться. Потом привыкла, не оторвешь! Только больше проигрывала, не везло мне в карты.

Дочь моя, Екатерина Леонтьева, с мужем не ужилась, у меня поселилась. Сын Петюша женился, слава Богу, на княжне Голицыной Екатерине Михайловне. Девушка такая славная и из хорошего роду, фельдмаршала дочь, Михайла Михайловича. Мы все радовались, а Петру нашему — тьфу! Мало прожили они вместе, а потом то съезжались, то разъезжались. Троих сыновей все-таки родили. В том же 1748 году принял мой сын участие в походе князя Репнина.

Только не прибавило ему славы и это. Отец еще был жив, писал сыну: "Слышно было об вас, как вы были в походе, сколько через худые свои поступки потеряли!"

* * *

Думала я — что с Петрушей такое? Ведь не глуп, собой хорош, способности имеет большие, почему в делах его не видно? Думаю, кровь в нем бушевала до поры, пока молод был. Не устоялся он еще, а может быть, не чувствовал, где себя показать может. Солдаты его любили, он с ними находил общий язык и о них заботился — одеть, обуть, напоить-накормить. Словом, военное дело ему по сердцу пришлось. И вдруг, нежданно-негаданно, одарила все ж таки его милостию своею Фортуна.

Крутил, крутил Фридрих II — и с Австрией, и с нами, — да пришлось воевать. И длилась эта война семь лет, за то и прозвали ее Семилетней. А так долго воевали потому, что начальники Петрушины все примеривались: как здоровье Елизаветы Петровны. Чуть ей хуже, они командуют: "Стой на месте!"

Петр Федорович, наследник-цесаревич, будущий император Петр III, был от Фридриха без ума, и каждый понимал — случись что с императрицей, сразу же замирение будет, войне конец. А сыну моему настоящая, полководческая война грезилась, где, как говорят французы, — à la guerre comme à la guerre — уж ежели воевать, то по-настоящему. И случилось так в сражении при Грос-Егерсдорфе — пруссаки нас опрокинули, полное поражение нас ожидало, а Петруша взял два казачьих полка, да по непроходимым болотам пробрался и в самый важный миг во фланг противнику ударил. В штыки! Смешались ряды пруссаков, вспять обратились они, и виктория оказалась за нами. Вот каков был мой сын! Ну, его сразу в генерал-майоры. А лет-то ему было от роду тридцать два годика! То-то радость нам была! А я все твержу про себя, будто молитву творю: еще не то увидите! Верно угадал в свое время Петрушино будущее Петр Алексеевич — воин! Вот как писалось о моем сыне в реляциях 1757 года: "Молодой граф Румянцев устроил кавалерийские полки, неоднократно посещал их, наблюдал за их занятиями, производил отбор людей, отличал готовых к походу от неготовых. Из подвигов его приметно взятие Кенигсберга, участие в битве при Куненсдорфе, за что награжден был орденом Александра Невского и двумя тысячами червонцев от Марии-Терезии, императрицы Австрийской".

* * *

В 1761 году после долгой осады был взят город Кольберг, величайший оплот Пруссии — опять Петруши заслуга! В тот же самый день скончалась благодетельница наша, императрица Елизавета Петровна. Оплакивали ее всенародно, дщерь Петрову, последний корень моего Петра Алексеевича. На престол вступил племянник усопшей Петр Федорович, сын сестры Елизаветы Петровны, Анны Голштинской. Продолжая милости покойной государыни, Петрушу моего он вызвал из армии в Петербург, пожаловал ему орден Андрея Первозванного, произвел в генерал-аншефы и приказал — готовить армию в пятьдесят тысяч человек для похода против Дании, отвоевывать родное герцогство Голштинское. Оценил, значит, государь способности моего сына.

В Данциге встретил Петруша некую особу. То ли черт тут вмешался, то ли купидон — не разберешь. Только Петенька мой едва ума не лишился. Тут приходит новое известие в Данциг: Петра III на престоле уже нет, скинули. Воцарилась воспитанница моя, императрица Екатерина II. Получил сын мой абшид: от армии освободить, велено проживать, где захочет. Вот он и стал амур свой тешить в славном городе Данциге.

В 1768 году вспомнила Катенька, императрица наша, моего Петра Александровича, вызвала в Петербург. Казалось бы, раз зовут — шапку в охапку и скорей в столицу, не мешкая. Ан нет, нашел время характер показывать! Не торопится ехать граф Петр Александрович Румянцев, и все. А мне-то каково встречаться с императрицей? Нет-нет, да спросит:

— О графе Румянцеве что слыхать? Когда к нам, в Петербург, собирается? Не занемог ли?

Наконец, решился мой гордец, отбыл из этого проклятого своего Данцига. Ехал, ехал, прибыл, слава Богу, в целости и сохранности.

При дворе сразу разговоры пошли, что это Григорий Орлов его вытащил, и прибавляли еще, что он де со своим надменным нравом и характером долго не удержится, и былые виктории ему не помогут!

А мудрая государыня — я говорила, ума ей не занимать — при себе его и держать не стала. В Малороссию послала, правителем! Вспомнила я деда своего, как тот при царе Алексее Михайловиче надзор за приказом Малороссийским держал, и мужа своего, который в Малороссии интересы державы российской блюл. Пусть, думаю, по старым следам и сын пойдет.

Петр Александрович императрице не перечил, поехал — и что же? Будто он этим краем век управлял. Только обнищал там народ, еще с Миниха повелось. Если поход какой военный случался, то Малороссия армию содержать должна была, закон такой. И второе — военное управление у них было, хоть страна уже на мирное положение перешла. А тут что ни город, то свой полковник: ни управы, ни чинов гражданских. Петр Александрович этот порядок переменил, стала Малороссия жить по-мирному. Тут бы семейную свою жизнь наладить, да куда там! То съедутся, то разъедутся. Не желал он с ней жить, не лежало у него сердце к жене, и пришлось ей, бедной, хозяйством да детьми заниматься. Все-таки трое сыновей. Их вырастить надо. Уж я сына и так и эдак уговаривала — не слушает. И невестку свою, и ребят я привечала, чем могла, ее старалась утешить, только какое тут утешение! День и ночь мой Петр Александрович в работе. То в один город, то в другой, там судью нового поставит, там полковника снимет. Правда, народ его очень уважал. Сказалась кровь отцовская!

В то время живописец Антропов мой портрет писал. Нашел старуху! Где они были, живописцы, когда я молодостью да красотой блистала? Но сделал хорошо. Сразу видно, что графиня: сижу такая важная, а на груди медальон с портретом Елизаветы Петровны, весь в бриллиантах.

* * *

Фамилия наша к тому времени состояла из меня, графа Петра и трех моих дочерей. О старшей, Леонтьевой, я уже говорила. Другая дочь, Дарья, в первом браке графиня Вальдхейм, во втором — княгиня Трубецкая. Не знаю, в кого, но только уж очень богомольной она была, да и вокруг нее все монахи да монашки… Говорят, даже схиму приняла, хоть в монастыре не живала. Третья дочь, Прасковья, самая младшая, была замужем за Яковом Брюсом, тоже графом, много старше ее, — денег куры не клюют. Избаловалась до крайности. Решила, похоже, что Дарья, ее сестра, за нее все грехи отмолит. Сдружилась с бывшей подопечной моей, Екатериной Алексеевной, императрицей будущей. Водой не разольешь! Та все: Брюсочка да Брюсочка, на записках своих писала: "Другу моему, графине Брюс, которой можно сказать все, не ожидая последствий". Ох, попрыгунья! Думали, что я про их проказы не знаю. Все знала, обо всем догадывалась, от меня никакая шашня не скроется. У обеих мужья. У одной старик, у другой — и вовсе к делу мало пригоден, вот они и куролесили. Обе молодые, красивые, кровь играет — все понятно, только ума не теряй!

Был такой Корсаков. Опасный человек, "муж всех жен" его называли. Дуэлянт, с нашей сестрой обходился грубо и дерзко. Мужчины его боялись, а женщины — что про них говорить! Хвостом за ним ходили. Познакомила Екатерину с Корсаковым моя Брюсочка. До того сдружилась она с императрицей, что, когда замуж выходила за Брюса, на свадьбу из дворцовых кладовых выдали все нужное — утварь, посуду. Понравился Корсаков императрице. Любила она эдаких. Да вся беда в том, что и моя туда же. Влюбилась — и все. И он, негодяй эдакий, не отвернулся. Привык с несколькими зараз... О чем моя Прасковья думала — не ведаю. Влюбиться в фаворита ее величества! До того забылись, что государыня их обоих в своих покоях застала. Ну, конечно, фаворита — вон, и с моей дурой дружба врозь. Вот тебе и Брюсочка! Дочь была у нее от Корсакова. Что ж, ее дело.

* * *

Теперь опять о сыне.

В 1768 году Турция снова нам войну объявила, а раз война — тотчас снова моего Петра Александровича за бока. Первой армией назначили командовать Голицына, второй — Румянцева, а третьей — Олица. По первым действиям недовольны остались Голицыным и передали первую армию моему Петруше. Сражался он удачно, турок бил, как пруссаков в свое время, и заслужил высокую награду — Георгия первой степени. А потом, уже за Дунаем, при реке Ларге, случилось такое дело. Турок собралось там сто пятьдесят тысяч, из коих сто тысяч кавалерии. Наших было много меньше. Развернулось сражение, янычары ударили во фланг, со своими кривыми саблями смяли нашу пехоту, рубят, кричат не своими голосами: "Алла, Алла!" Наши не выдержали, побежали. Румянцев был с принцем Брауншвейгским, увидел это, сказал ему: "Теперь настало наше время!" И бросился к бегущим.

Битва по всему была уже проиграна. Но Румянцев, не взирая на опасность, своим примером воодушевил войска, солдаты опомнились, и с такой силой ударили на турок, что разгромили их начисто. Нам досталась богатейшая добыча: пушки, обоз, три великолепных шатра, множество пленных. Думаю, тут отчаянность Петрушина помогла. Когда видел крайнюю опасность, бросался, не жалея себя, и побеждал! Тут ему и награда достойная: звание генерал-фельдмаршала в сорок пять лет получил. Ну, и мне почет, что такого сына породила. Обер-гофмейстериной назначена была. В общем, в 1770 году за один месяц мой сын, Петр Александрович, три громких победы одержал — при Рябой могиле, Ларге и Кагуле.

Война продолжалась. Румянцев Яссы взял, на зимовку расположился. Опять заботы, и вот что мне удивительно: характер отважный, это ладно, это само собой, но ведь как он о солдатах своих заботился! Из России к нему обоз за обозом шли — сапоги, холст, сукно, палатки, все обмундирование, упряжь для лошадей. Готов был еще воевать, хоть до Стамбула. Недаром внука государыни Константином нарекли — Константинополь уже государыне снился!

Не выдержали турки, дрогнули, пошли на мир. И подписали они его в местечке Кючук-Кайнарджи. Так и стал мир прозываться — Кючук-Кайнарджийским. По всему свету сын мой прославился. Россия получила свободный выход в Средиземное море. Крым — независимость от султана, под покровительство России перешел. За нами остались Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн — вся Таврия стала российской! и вся южная Россия навеки от татар избавилась!

Государыня в рескрипте на имя Румянцева так писала: "Этот мир — знаменательная услуга Ваша перед нами и отечеством, что Вами одолжена Россия на мир славный, выгодный, какового по известному упорству Порты Оттоманской никто не ожидал и ожидать не мог с рассудительной вероятностью. Сама зависть не может оспорить сей истины".

В Москве празднование мира состоялось 10 июня 1775 года. Предполагалось быть торжественному въезду победителя — фельдмаршала Румянцева, теперь уж с прибавкой — Задунайского. А он еще раз показал свой характер — не пожелал таких торжеств. Правда, в шествии в честь виктории в Успенский собор шел впереди всех, в парадном фельдмаршальском мундире. Получил:

1. Похвальную грамоту с перечислением заслуг.
2. За разумное командование — повелительный фельдмаршальский жезл.
3. За храбрые предприятия — шпагу, украшенную алмазами.
4. За подвиги — лавровый венок.
5. За заключение мира — масличную ветвь.
6. В знак монаршего на то благоволения — крест да еще алмазные знаки ордена святого Андрея Первозванного.
7. Медаль в честь ему и поощрение потомству его примером.
8. В дар пять тысяч душ в старостве Гомельском.
9. Для построения дома — сто тысяч рублей.
10. Для его стола — серебряный сервиз.
11. Для убранства дома — картины.
12. Назначен полковником Кирасирского полка имени святого Георгия.

Петр Алексеевич! Слышишь ты там, на небесах, видишь ли, как твой сын твои подвиги умножает?

Мало этого, под начальство Румянцева переходила вся кавалерия государства Российского. Но самое главное впереди. Указом 1775 года Румянцеву было дано высочайшее разрешение писать свое отчество с окончанием "вич". Только через год такое же право было дано гетману Малороссии Разумовскому и князю Потемкину. Вот как умели награждать людей, любезных сердцу ее величества.

Ну и мне, грешной, кое-что перепало: орден святой Екатерины пожаловали, а по чину я и так обер-гофмейстерина — куда ж больше? В Москве были торжества, башню памятную возвели из дерева, назвали Азовской, и торжественный обед дали. За первым столом императрица с графом Румянцевым, а за вторым меня усадили. Довольна я была, ничего не скажу.

* * *

От ратных трудов стал мой сын недомогать, а тут ему новое поручение, очень важное, — так императрица писала, — ехать с наследником-цесаревичем в город Берлин, новую невесту Павлу Петровичу сватать, взамен умершей Натальи Алексеевны. Понимаю так: хотелось ее величеству старому Фридриху II нос утереть. Вот, дескать, какого свата я вам засылаю! Чувствуйте!

Моему сыну это уже не под силу было по причинам здоровья, однако же превозмог себя, поехал.

И вспомнила я, как всего три года назад, в день свадьбы Павла Петровича с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской, которую Натальей окрестили, после церковной церемонии был бал. И тут меня словно бес какой-то под бок — толк. Поднялась я с места, подошла к цесаревичу, сделала книксен по придворному, как во времена блаженной памяти Петра Алексеевича делали, и говорю:

— Ваше императорское высочество! Танцевала я с Вашим прадедушкой, императором Российским Петром Алексеевичем, с дедушкой, герцогом Голштинским, танцевала с Вашим

отцом, блаженной памяти императором Петром Федоровичем. Окажите мне честь, сейчас польский играют, пройдитесь со мной в полонезе, так он сейчас называется. Не откажите!

И что ж, подал мне руку наследник-цесаревич и повел, и бал открыл со мной. Шла с ним, а внутри у меня все пело: сколько лет прошло, а я — танцую! Танцую! И с кем — с будущим новым императором Российским! Значит, жива еще моя душа, умолкните годы!

И вот, двинулся Павел Петрович за новой невестой, пообещал ему многохитрый Фридрих какую-то вюртембергскую принцессу. Отправились, въехали в Берлин восьмериком, в золоченых каретах, народ сбегался смотреть, какой такой из себя победитель турок приехал. Фридрих старался угодить. Желая почтить Румянцева, устроил примерное сражение, подобие Кагульской битвы. Сын мой опять показал свой характер, громко так, чтобы все слышали, спросил:

— Это что нам здесь представляют? Я не так воевал!

Но Фридрих, зная нрав Петра Александровича, на это смолчал.

Измученный вернулся фельдмаршал домой, в родную Малороссию, и стал заниматься там мирными делами, обустраивая эту не тихую провинцию. Писал государыне, поздравляя ее с праздниками, сообщал о происшествиях. Государыня ему отвечала, но чувствовал он — закатывается его звезда. Не воинские подвиги выходили на первое место. Сердце государыни все больше стал занимать Григорий Александрович, светлейший князь Потемкин.

Последний раз я танцевала в 1781 году, восьмидесяти трех лет от роду. Предложил мне руку сын наследника, его императорское высочество Александр Павлович. Ну, думаю, тряхну стариной в последний раз! С праправнуком Великого Петра я сейчас танцевала! При восьми царях жила — не шутка. Со мной вся Россия танцевала!

И вышли мы с танцами своими в мир широкий и блестящий. Это все ты, Петр Алексеевич, Ваше императорское величество, все ты! И сын наш — твой и мой — в первых рядах. Так-то!

Тут и внуки мои подросли, государыня их привечала. В Царском селе они всегда были в первом кругу. Двоих из них, Николая и Сергея, пожаловали камергерами. По ходатайству графа Безбородко определили Николая полномочным министром при курфюрстерском округе Нижнего Рейна с проживанием в городе Франкфурте-на-Майне. Чувствую я, этот Николенька мой большие надежды подает.

Потеряла я двух дочерей. Особенно Прасковью, Брюсочку мою, мне было жалко. Ветер в голове, но, ох, умна! Недаром императрица некогда в подруги ее выбрала. С братом своим, Петром Александровичем Задунайским, они крепко дружили. Видно, родственные души у них были. Но ничего не поделаешь — Бог дал, Бог и взял. Благословенно имя Господне!

…Сама писать уже не могу. Писал Андрюша, холоп мой. В секретари себе выбрала, вот и наговариваю, а он записывает. А, думаете, охота умирать? Пожить бы, узнать, что с нами будет. На внука, на Николая надеюсь... а еще...

На этом рукопись обрывается.

* * *

И прежде чем перевернуть последнюю страницу записок графини Матвеевой, еще раз хочется вспомнить Державина:

"Как солнце тускло ниспущает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает

Румяною зарей в ночи —
Так с тихим взором, взором ясным,
Она оставила сей свет.
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет..."

КОММЕНТАРИЙ

Антропов Александр Петрович (1716-1795) — русский живописец, портретист. Участвовал в выполнении декоративных росписей дворцов в Петербурге.

Елизавета I Петровна (1709-1761) — императрица всероссийская (с 1741), дочь Петра I и Екатерины I. Вступила на престол в результате дворцового переворота, свергнув и заточив в крепость малолетнего Ивана VI Антоновича.

Матвеев Андрей Артамонович (1666-1728) — русский государственный деятель и дипломат, видный сподвижник Петра I. Посол в Голландии, Вене и Лондоне, занимал должности президента Морской академии и Навигацкой школы, президента Юстиц-коллегии.

Алексей Михайлович (1629-1676) — русский царь с 1645, сын Михаила Федоровича Романова.

Матвеев Артамон Сергеевич (1625-1682) — русский государственный деятель и дипломат. Возглавлял Малороссийский приказ, руководил одновременно Посольским приказом. Был близок с царем Алексеем Михайловичем. Руководил составлением "Истории русских государей, славных в ратных подвигах, в лицах". После смерти Алексея Михайловича оказался в опале и был сослан. По возвращении в Москву в 1682 намеревался подавить восстание стрельцов, но пал одной из жертв восставших.

Петр I (1672-1725) — русский царь с 1682, с 1721 — император. Младший сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н.К.Нарышкиной.

Толстой Петр Андреевич (1645-1729) — русский государственный деятель, дипломат. По поручению Петра I содействовал возвращению в Россию царевича Алексея. В 1718 возглавил следствие по его делу.

Алексей Петрович (1690-1718) — царевич, старший сын Петра I от первой жены Е.Ф.Лопухиной. В 1716 году, боясь наказания за противодействие петровским реформам, бежал в Вену под защиту императора "Священной Римской империи", австрийского государя Карла VI (1685-1740). Был возвращен в Россию, где был приговорен верховным судом из генералитета, сенаторов и Синода к смертной казни.

Семилетняя война (1756-1783) — война, в которой участвовали почти все европейские государства. Возникла в результате борьбы Англии и Франции за колонии и столкновения агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России.

Русско-турецкие войны — в описываемый период – войны 1676-1681, 1686-1699, 1710-1713, 1768-1774, 1787-1791 гг.

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725-1796) — русский полководец, генерал-фельдмаршал (1770). Во время Семилетней войны 1756-63 отличился в сражениях с пруссаками при Гросс-Егерсдорфом (1757) и Куннерсдорфом (1759), одерживал славные победы в русско-турецкой войне 1768-1774). Летом 1770 в течение месяца трижды разбил превосходящие силы неприятеля при Рябой Могиле, Ларго и Кагуле, чем обеспечил занятие левого берега Дуная.

Александр I (1777-1825) — российский император с 1801. Старший сын Павла I. Вступил на престол после убийства Павла в результате дворцового заговора.

Румянцев Николай Петрович (1754-1826) — граф, русский государственный деятель, дипломат, сын П.А.Румянцева. С 1801 — член Государственного совета, сенатор. В 1808-14 — министр иностранных дел. С 1809 — канцлер. Собрал ценную

библиотеку и большие рукописные, этнографические и нумизматические коллекции, которые легли в основу Румянцевского музея.

Державин Гаврила Романович (1743-1816) — русский поэт, государственный деятель.

Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская (1729-1796) была выдана замуж за наследника российского престола, будущего Петра III, с 1762 — императрица всероссийская ***Екатерина II Алексеевна***.

Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) (1683-1767) — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии. Во время русско-турецкой войны 1735-39 командовал русскими войсками в Крыму и Бессарабии.

Карл VI (1685-1740) — император "Священной Римской империи", австрийский государь.

Декарт Рене (1596-1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

Людовик XIV (1638-1715) — король Франции из династии Бурбонов.

Скаррон Поль (1610-1660) — французский поэт.

Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635–1719) — вторая (морганатическая) жена Людовика XIV, была замужем за поэтом Скарроном.

Гроссполитик (нем.) — большая политика.

К стр.4

Иван III Васильевич (1440-1505) — великий князь Московский с 1462.

Карл XII (1682-1718) — шведский король, крупный полководец. Совершил "русский поход" (1708-09), закончившийся разгромом шведских войск под Полтавой. Бежал в турецкие владения и из Бендер (крепость на Днестре) в течение нескольких лет пытался организовать координированное выступление турецких и шведских армий против России.

Вильгельм I Завоеватель (Вильям Нормандский) (ок. 1027-1087), будущий король Англии. После покорения Англии (битва при Гастингсе 14 октября 1066 года) в Рождество был коронован в Вестминстере.

К стр.5

Милославская Мария Ильинична (1624-1669), царица, первая жена царя Алексея Михайловича

Рюриковичи — правящая династия князей, потомков киевского великого князя Игоря, считавшегося, согласно летописи, сыном Рюрика., одного из трех братьев, варяжских конунгов, основавших Древне-русское государство.

Гедиминовичи — потомки великого князя литовского Гедимина (ум.1341).

Софья Алексеевна (1657-1704) — царевна, правительница России в 1682-89, дочь царя Алексея Михайловича от брака с М.И.Милославской. После разрыва с боярско-дворцовой группировкой, поддерживавшей Петра I, была заточена в Новодевичий монастырь.

Амант (*фр*.) — любовник.

"Артаксерксово действо" — первая русская пьеса на библейский сюжет, поставленная при царе Алексее Михайловиче.

Хронос ("время") — божество в древнегреческой мифологии

Снейдерс Франс (1579-1657) — фламандский живописец, мастер натюрморта. Учился у П.Брейгеля Младшего и Х. ван Болена.

Кукуй — распространенное в XVII в. название Немецкой слободы в Москве.

К стр.6

Нарышкина Наталья Кирилловна (1651-1694) — вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I.

Морозов Борис Иванович (1590-1661) – государственный деятель, руководитель русского правительства в середине XVII в., боярин. Был воспитателем ("дядькой") будущего царя Алексея Михайловича.

К стр.7

Нарышкин Кирилл Полуэктович — отец Натальи Кирилловны, матери Петра I.

Окольничий — придворный чин и должность в русском государстве XIII- начала XVIII вв. В XVI — XVII вв. часто являлся первой ступенью возвышения царских фаворитов.

Федор Полуэктович Нарышкин – дядя Н.К.Нарышкиной.

Постельничий — в России XV-XVII вв. должностное лицо государева двора. В числе прочих дел часто ведал личной канцелярией государя. Постельничьи обычно входили в число особо приближенных советников государя.

Федор Алексеевич (1661-1682) — русский царь с 1676, сын Алексея Михайловича и М.И. Милославской.

К стр. 8

Хитрово Богдан Михайлович (1615-1680) — ближний боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича.

Студеное море — Белое море.

Валахи — народность, от которой впоследствии произошли румыны, населявшая область между Карпатскими горами и р.Дунаем,

Спафарий — Милеску Николай Гаврилович (1636-1698) — ученый и дипломат, в 1653-1670 находился на государственной службе у молдавских и валашских господарей, являлся сторонником политического сближения Молдавии с Россией. В 1671 был направлен иерусалимским патриархом Досифеем в Москву и остался в России.

Иоанн Дамаскин (ок.675 — между 749 и 753) — христианский богослов, церковный писатель. Родился в Дамаске. Основные сочинение — "Источник знания", "О ересях" и "Точное изложение православной веры".

Гюйгенс Христиан (1629-1695) — голландский физик и астроном.

Скорее всего, речь идет о ***Меркаторе*** (ок.1620-1687), немецком математике и астрономе.

Протопоп Аввакум (1620 или 1621-1682) — один из основателей русского старообрядчества, писатель. Выступал против церковных реформ патриарха Никона, неоднократно подвергался ссылкам. По царскому указу вместе с ближайшими сподвижниками был сожжен в срубе.

К стр.9

Голицын Василий Васильевич (1643-1714) — русский государственный деятель, князь. После стрелецкого восстания 1682 в качестве сторонника Милославских и фаворита правительницы Софьи Алексеевны сосредоточил в своих руках руководство важнейшими государственными делами. Организовал два похода против Крымского ханства 1687 и 1689.

Шенбрунн — дворец в Вене, служивший летней загородной императорской резиденцией.

Дом Линь — баронское, затем княжеское семейство из Южных Нидерландов

К стр.10

Померания — герцогство на побережье Балтийского моря, затем прусская провинция.

Голштиния — русское название Гольштейна, исторической области в Северной Германии.

Огородины — овощи

К стр.11

Лопухина Евдокия Федоровна (1669 – 1731) — первая жена Петра I, мать царевича Алексея. Была сослана в Суздаль, где в 1698 была пострижена.

Гагарин Матвей Петрович (1659(?) – 1721), губернатор Сибирской губернии, казнен за злоупотребления — занижение реальных доходов губернии, взятки за в и н н ы й и пивной откуп, вымогательства, угрозы купцам, присвоение казённых средств и т. д.

К стр.13

Фижмы — юбка с каркасом в виде обруча из китового уса. Была в моде в XVIII — начале XIX вв.

Антон Ульрих – герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский, отец жены царевича Алексея принцессы Софии Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской.

К стр.14

Карл VI (1685–1740), император Священной Римской империи

Прутский поход — поход русских войск против турок в 1711 году, в ходе русско-турецкой войны 1710-1713 гг.

После поражения под Полтавой Карл XII бежал с несколькими спутниками и проживал в ***Бендерах***, в Турции.

К стр.15

Шереметев Борис Петрович (1652-1719) — из древнего русского боярского рода. Военный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал, граф. Во время Азовских походов Петра I командовал армией против крымских татар. Участник Северной войны 1700-1721 (война России против Швеции за выход к Балтийскому морю). В полтавском сражении 1709 командовал всей пехотой русский армии. Во время Прутского похода 1711 возглавлял главные силы русский армии.

К стр.20

Потешные войска возникли из так называемого Петрова полка, который был сформирован царём Алексеем Михайловичем из "малых робяток" для забав царевича Петра

Maîtresse (*фр.*) — любовница

Чернышев Григорий Петрович (1672-1745), русский военачальник и государственный деятель. Один из наиболее близких сподвижников Петра I, принимал участие в Азовском походе. В 1709 отличился в Полтавском сражении. В 1713-14 во главе крупного отряда предпринял поход в Финляндию.

Битва у Лесной — по имени деревни в Могилевской области Белоруссии, в районе которой 28 сентября (9 октября) 1708 во время Северной войны 1700-21 произошло сражение между русскими войсками под командованием Петра I и шведским корпусом. Петр I победу при Лесной назвал "матерью Полтавской баталии".

Фридрих Гессенский — король Швеции с 1720, в пользу которого отказалась от престола его супруга, королева Швеции ***Ульрика Элеонора*** (1688-1741), сестра Карла XII.

К стр.21

Ништ адский мир — мирный договор 1721 между Россией и Швецией, завершивший Северную войну 1700-1721. Подписан в г. Ништадте (Финляндия).

Екатерина I Алексеевна (1684-1727) — вторая жена Петра I, императрица всероссийская (с 1725).

Виллим Монс — камергер Екатерины I, младший брат первой любви Петра I — Анны Монс, дочери виноторговца на Кукуе, в Немецкой слободе в Москве.

Адонис — в древнегреческой мифологии сын Кинира от его собственной дочери Смирны, славился своей красотой; в него влюбилась богиня любви Афродита

Ушаков Андрей Иванович — начальник тайной канцелярии в конце царствования Петра I.

К стр.23

Меншиков Александр Данилович (1673-1729) — русский государственный и военный деятель, генералиссимус. Безотлучно находился при Петре I, сопровождал его в военных походах. Руководил строительством Петербурга, Кронштадта. Принимал участие в Полтавском сражении. Впоследствии был сослан с семьей в Березов.

Анна Ивановна (1693-1740) — российская императрица с 1730. Дочь Ивана V Антоновича, племянница Петра I.

Иван V Алексеевич (1666-1696) — русский царь, сын Алексея Михайловича от брака с М.И.Милославской. Отец русской императрицы Анны Ивановны. Утвержден Земским собором в 1682 в качестве "первого" царя. Его младший брат Петр I стал считаться "вторым" царем. До 1689 фактически правила царевна Софья Алексеевна, затем Петр I.

Хмельницкий Богдан (Зиновий) (ок. 1595-1657) — украинский государственный деятель, полководец, гетман Украины. При нем в 1654 Переяславской радой было одобрено решение о воссоединении с Россией.

К стр.24

Майдан — персидское по происхождению слово, означающее любую открытую площадку или площадь.

(Снять Бирон, где Хмельницкий – ДС) ***Бирон Эрнст Иоганн*** (1690-1772) — граф, фаворит императрицы Анны Ивановны, курляндский дворянин. Имел огромное влияние на императрицу. После ее смерти (1740) стал регентом до совершеннолетия императора Ивана VI Антоновича. Вследствие недовольства его политикой со стороны русского дворянства был арестован и сослан.

К стр.25

Анна Леопольдовна (1718-1746) — "правительница" российской империи при малолетнем сыне Иване VI Антоновиче с 1740 по 1741. Дочь герцога мекленбург-шверинского и Екатерины Ивановны (дочери Ивана V Алексеевича). В 1739 была выдана замуж за принца Антона-Ульриха Брауншвейгского. Стала регентшей в результате дворцового переворота, положившего конец регентству Бирона.

Волынский Артемий Петрович (1680-1740) — русский государственный деятель и дипломат. С 1738 кабинет-министр и вскоре единственный докладчик у императрицы Анны Ивановны. Был обвинен в измене и казнен.

К стр.26

Шувалов Петр Иванович (1710-1797) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, граф, двоюродный брат ***И.И.Шувалова***. Участвовал в дворцовом перевороте 1741.

Шувалов Иван Иванович (1727-1797) — русский государственный деятель, генерал-адъютант, сенатор. Как фаворит императрицы Елизаветы Петровны оказывал влияние на внутреннюю и внешнюю политику России.

Фридрих II (1712-1786) — прусский король династии Гогенцоллернов, крупный полководец. В ходе Семилетней войны 1756-1763 нанес ряд поражений австрийским и французским войскам, но эти успехи были сведены на нет победами русских войск. При Фридрихе II Пруссия выдвинулась в число великих держав..

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728-1803) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, член Государственного совета, граф. Последний гетман Украины. Активно участвовал в подготовке дворцового переворота 1762, возведшего на трон Екатерину II.

Голицына Екатерина Михайловна — дочь фельдмаршала ***М.М.Голицына***

Михаил Михайлович Голицын (1675-1730) — русский полководец, фельдмаршал, князь. Участвовал в Азовских походах, Северной войне, Полтавском сражении.

Репнин Николай Васильевич (1734-1801) — русский военный деятель, генерал-фельдмаршал, князь. Командовал отдельным корпусом в русско-турецкой войне 1768-1774.

К стр.27

Петр III Федорович (1728-1762) — российский император (1761-62). Внук Петра I, сын Гольштейн-Готторского герцога Карла Фридриха и Анны Петровны. В 1742 императрица Елизавета Петровна, тетка Петра III, объявила его своим наследником. В

1745 вступил в брак с принцессой Софьей Фредерикой Анхальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II.

Мария-Терезия (1717-1780) — австрийская императрица с 1740.

Абшид (*нем.*) — отставка.

К стр.28

Орлов Григорий Григорьевич (1734-1783) — русский государственный деятель, фаворит императрицы Екатерины II. Один из активных участников дворцового переворота 1762.

Брюс Яков Вилимович (1670-1735) — государственный деятель, ученый, сподвижник Петра I. Происходил из знатного шотландского рода. Участвовал в Крымских и Азовских походах Петра I, в Северной войне и Полтавском сражении.

К стр.29

Голицын Александр Михайлович, генерал-аншеф, участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774 вместе с П.А.Румянцевым.

Олиц Петр Иванович (ум. 1771) – генерал-аншеф, участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774 вместе с П.А.Румянцевым.

Серия сражений — у ***Рябой Могилы*** 17(28) июня 1770 г., при ***Ларге*** в ночь на 7(18) июля и ***Кагуле*** 21 июля (1 августа) Румянцев наголову разгромил турецко-крымские армии, намного превосходившие его войско по численности. Так, в Кагульском сражении с русской стороны участвовало 27 тысяч человек, с турецкой — 150 тысяч

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 — заключен между Россией и Турцией в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи, на территории Османской империи в результате победоносной для России русско-турецкой войны 1768-74.

К стр.30

Павел I Петрович (1754-1801) — российский император (1796-1801). Сын Петра III и Екатерины II. Был убит в 1801 заговорщиками.

Принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская (ум. 1776) — первая жена цесаревича Павла.

Потемкин Григорий Александрович (1739-1791) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II. Отличился в ряде крупных сражений (под Фокшанами, Ларгой, Кагулом). В 1783 реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получил за это титул "светлейшего князя Таврического".

К стр.31

Безбородко Александр Андреевич (1747-1799) — русский государственный деятель, дипломат. С 1775 — секретарь Екатерины II, составитель манифестов и иных документов. Добился признания Турцией присоединения Крыма к России (1783), подписал Ясский мирный договор.

Подготовил рукопись к изданию и снабдил ее комментариями Дмитрий Симуков

АЛЕКСЕЙ СИМУКОВ
ДМИТРИЙ СИМУКОВ

ПОВЕСТЬ О БРУНГИЛЬДЕ, КОРОЛЕВЕ АВСТРАЗИИ

Оглавление

Краткий исторический экскурс 50
Пролог, который является и Эпилогом 52
Глава первая, ...54
в которой читатель присутствует на уроке по древнеримской литературе и узнает, чем он закончился 54
Глава вторая, ...59
в которой рассказывается о путешествии вестготской принцессы Брунгильды к своему жениху Сигиберту, королю Австразии, о крещении франкского короля Хлотаря I, о хитрой Фредегонде, дочери чесальщика шерсти, и о многом другом 59
Глава третья, ...62
которая повествует о торжествах по случаю бракосочетания Сигиберта и Брунгильды и задумке короля Нейстрии Хильперика. 62
Глава четвертая, ...69
в которой планы Хильперика терпят крах 69
Глава пятая, ...72
в которой побеждает настойчивость и смирение перед Всевышним 72
Глава шестая, ...75
в которой сестра Брунгильды Гальсвинта покидает отчий дом, выходит замуж за Хильперика и знакомится с его сыном, принцем Меровигом 75
Глава седьмая, ...80
в которой рассказывается о епископе Претекстате, его ученике Меровиге, "утреннем даре", кознях Фредегонды и о смерти жены Хильперика королевы Гальсвинты 80
Глава восьмая, ...86
повествующая о назначении Претекстата епископом в Руан и суде над королем Нейстрии Хильпериком 86
Глава девятая, ...89
в которой говорится о попытках Хильперика вернуть себе часть "утреннего дара", осаде Турнэ и мечтах Брунгильды о единой Галлии 89
Глава десятая, ...95
повествующая о торжествах в Витри-ан-Артуа и убийстве Сигиберта 95
Глава одиннадцатая, ...102
из которой читатель узнает о похищении сына Брунгильды Хильдеберта, ее ссылке в Руан и рассуждениях епископа Претекстата о современном мире 102
Глава двенадцатая, ...108
в которой рассказывается о любви Меровига к своей тетке, королеве Брунгильде, закончившейся их венчанием 108
Глава тринадцатая, ...114
рассказывающая об изгнании Брунгильды, аресте и суде над Меровигом и епископом Претекстатом 114
Глава четырнадцатая, ...122
повествующая об успешном побеге Меровига и планах Фредегонды "изловить дичь" 122
Глава пятнадцатая, ...128
о том, как честолюбие может привести к гибели, и об убийстве короля Хильперика 128
Глава шестнадцатая, ...136
повествующая о смерти Претекстата, разгуле зла в Галлии и суде над Брунгильдой 136
Эпилог, переходящий в Пролог 140

Послесловие.....143

Краткий исторический экскурс

Неподготовленному читателю может показаться достаточно сложным враз окунуться в стародавние времена и разобраться в их реалиях. Чтобы лучше понять все, что происходило с героями этой повести, попытаемся мысленно перенестись в эпоху "Великого переселения народов"[3], заката Западной Римской империи и создания в V–VIII вв. на ее территориях варварских королевств. Так зарождалась современная Европа. Через несколько столетий на территории Галлии, одной из самых больших и богатых провинций Римской Империи, образуется Французское королевство, а там, где были вестготы, будет Испания.

Римляне то враждовали, то дружили с варварами. Это был искусная политика по принципу "разделяй и властвуй". В число варварских германских племен входил народ, называвшийся франками. Название франк происходит от "фреккр" — храбрый, отважный, вольный, свободный Франки появились на римской территории задолго до падения Империи. Они нередко поступали на службу к римским императорам, принимали участие во внутренних делах государства.

Жили франки сначала вдоль нижнего течения Рейна на границе с римской Галлией. Из-за столь близкого соседства с гало-римлянами франки даже внешне заметно отличались от многих других германцев: все франки носили одежду из ткани, а не из выделанных звериных шкур, как было принято, например, у готов или лангобардов. Франки Они были искусными воинами: враги особенно боялись их боевых топориков, называемых франциски[4], которые те с огромной силой и точностью бросали их в цель.

Франки, обосновавшиеся в северной Галлии, в бассейне Луары, говорили на франкском наречии, но так как многочисленное коренное население, состоявшее из романизированных галлов, вестготов и бургундов[5], говорило на латыни, то франки постепенно усвоили этот язык. Соединение латинского языка и франкского наречия послужило основой для появления старофранцузского языка.

Особенно усиливаются франки при короле Хлодвиге I (481–511), который стал первым настоящим франкским кролем, а не просто конунгом (то есть племенным вождем), и одновременно первым христианским монархом в Европе после падения Римской империи. По легенде одним из предков королей династии Меровингов был вождь франков Меровей, которому Меровинги обязаны именем своей династии.

Внуки Хлодвига после смерти своего отца Хлотаря I (520-567) получили в наследство: Хариберт — удел с центром в Париже; Гонтран — Орлеан и Бургундию (центр этого удела затем переместился в бургундский Шалон-на-Соне); Сигеберт — Австразию со столицей в Меце; стольным городом Хильперика стал Суассон. После смерти не имевшего сыновей Хариберта в 567 г. братья разделили между собой его земли, но Париж, чтобы никого чрезмерно не усиливать, остался общим владением.

Наименование Австразия происходит от древнегерманского "австр" — восток, где она и находилась, Нейстрия — означала "не-восток", то есть прямое противопоставление ее

---

[3]"Великое переселение ародов" — условное название совокупности этнических перемещений в Европе в IV—VII вв. германцев других племен на территории Римской империи.

[4]Франциска (francisca) — боевой метательный топорик франков с двумя лезвиями на короткой, короче длины руки, рукояти — секира. Франциска для рубки насаживалась на метровой длины рукоять, поскольку предусматривали рубку как одной, так и двумя руками

[5] Готы, лангобарды ("длиннобородые"), бургунды — германские племена; галлы — представители кельтских племен, обитавшие на территории современной Франции.

Австразии, и находилась на северо-западе, и Бургундия — на юго-востоке современной Франции. Природным рубежом между Нейстрией и Австразией был Шарбоньерский лес, а Вогезский лес был линией раздела между Австразией и Бургундией.

Франкские короли свято верили и неукоснительно придерживались того принципа, что королевская власть и право на ее наследование сохраняются за представителем рода Меровингов только до тех пор, пока у него были нестриженые волосы. Остричь их — означало потерять престол. У франков длинным волосам вообще придавался сакрально-магический смысл.

Соединение невероятной грубости с самой утонченной жестокостью, когда не уважаются ни божеские, ни человеческие законы, служили в тот страшный период отличительной чертой не только царствующего дома, но и всего народа. При разрешении конфликтов люди скорее применяли силу, чем обращались к органам правосудия. Именно поэтому главной заботой франкского законодателя было разорвать порочный круг кровной мести. Французский писатель, правовед и философ Шарль Луи де Монтескьё[6] писал, что "франков… не поражали насилия и грабительства их королей, потому что они сами были такими же грабителями и насильниками".

И вместе с тем франки принесли с собой свое искусство, наиболее ярко проявившееся в декоративно-прикладных произведениях. Украшения из золота или бронзы в виде разнообразно переплетающихся лент, перевитых шнурами или геометрических узоров с условными изображениями животных с вкраплением крупных гранатов или альмандинов[7]. Черты звериного и геометрического стилей сливались с позднеантичными мотивами. Этот стиль, получивший название "звериного", был создан потомками варваров, и из него стало развиваться все европейское искусство.

Распространена была плоскорельефная резьба по камню (саркофаги), рельефы из обожженной глины для украшения церквей, изготовление церковной утвари и оружия, богато отделанного золотыми и серебряными вставками и многоцветными драгоценными камнями. Характерны фибулы[8], поясные пряжки, детали конской упряжи.

В это время усиливается роль монастырей в качестве очагов культуры и торгово-экономических центров. Здесь переписывались книги, причем широко использовалась книжная миниатюра, велась регистрация наиболее значительных событий, в монастырских школах обучали чтению и письму.

* * *

---

[6] Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755)

[7] Разновидность граната

[8] Фибула (*лат*. fibula – шпилька, застёжка), металлическая застёжка для одежды, одновременно служившая украшением. Ф. разнообразных форм были распространены с бронзового века до раннего средневековья.

Пролог, который является и Эпилогом

Из низкой, полуразвалившейся хибары доносились стоны. В ее углу, на куче грязной соломы лежала женщина в изодранном платье, чуть прикрывавшем израненное тело. Ее лицо тускло освещал лунный свет, проникавший сквозь щели в крыше. Когда-то оно было красивым, даже очень. Годы, страсти и страдания наложили на него свой отпечаток, но следы былой красоты были видны и сейчас. Каждое движение приносило ей боль, когда она пыталась хоть на секунду найти удобное положение и забыться.

Дверь тихо скрипнула. Женщина напряглась. Неужели и ночью ее не оставят в покое?

Вошедший, которому пришлось пригнуться из-за низкой двери, приблизился. Это был высокий старик в длинной, похожей на монашескую, одежде.

— Это я, госпожа моя королева, — прошептал он, — я, Годвин, верный слуга и спутник всей твоей жизни…

— Мы попрощались с тобой, мой верный Годвин, — отозвалась женщина, — даже опять успели поспорить — последний раз на этой грешной земле. Что же сейчас тебе нужно от меня?

— Я принес тебе освобождение, госпожа моя королева, — произнес Годвин.

— Освобождение? — Женщина сделала попытку приподняться. — Ты раздобыл сокровища, что смягчили сердца баронов, бросивших меня после пыток сюда, в эту грязную овчарню?

— Твои бароны долго спорили, какую смерть для тебя избрать — ответил Годвин. — Наконец они пришли к единому мнению. Решение принято только что. Это будет непростая смерть. Прежде, чем жизнь покинет тебя, ты испытаешь страшные муки. Так не казнили женщин. Тебе выпала мужская судьба.

— Значит, я буду первая среди женщин, принявших такую смерть? Брунгильда Первая! Каково? — И она хрипло рассмеялась.

— Оставь суетные мысли, госпожа моя королева. Думай о том, что тебе предстоит и как избавиться от лишней муки, — настаивал Годвин.

— И что же это за освобождение, которое ты мне несешь, брат Годвин? — как бы с легкой насмешкой отозвалась женщина.

— Вот. — Годвин вынул из складок своей одежды маленький пузырек. — Один глоток — и ты свободна. Душа твоя покинет тело. С телом могут делать все, что угодно, а душе твоей предстоит новая, вечная жизнь.

— Моя душа благодарна тебе за заботу о ней. — В словах женщины прозвучала ирония.

— Ты не веришь? — В волнении Годвин повысил голос. — Поверь! Один глоток из этого пузырька — и ты разом освободишься от всех земных забот! Вслед за тобой разреши и мне допить остаток.

— Ты не хочешь больше жить?

— Зачем мне жить, когда тебя не будет? — тихо отозвался Годвин.

Последовало минутное молчание, которое было прервано словами женщины.

— Велика твоя преданность, брат Годвин!

— Ты разрешаешь уйти вместе с тобой?

В ответ снова наступило молчание.

Приняв его за согласие, Годвин продолжил:

— Когда мы прощались с тобой, я не смел признаться тебе в тайне, которую пронес через всю свою жизнь.

— Какой тайне?

— Сделай глоток. Ты узнаешь ее со своим последним вздохом.

— Говори сейчас же! Я приказываю тебе!

— Госпожа моя королева… — Голос Годвина прервался. — Сейчас, в эти последние минуты, я осмелюсь открыться тебе. Я любил тебя всю свою жизнь. Страдал, мучился, но любил. Прости мне мою дерзость!

— Ты любил меня — всю жизнь?! — в изумлении переспросила женщина. — И еще тогда, в родительском доме?

— И когда ты выходила замуж, и когда я воспитывал твоего сына, а потом и твоих внуков!

— Но ведь мы часто спорили с тобой?

— Я любил тебя и желал тебе добра!

— И ни одного слова за все эти годы всю жизнь, ни единого словечка…

— Вспомни, кем была ты, и кем был я...

— И ты предлагаешь мне свободу сейчас — вместе с тобой?

— Могу я надеяться, госпожа моя королева, что хоть в эти минуты я буду с тобой рядом?

— И мы будем носиться с тобой там, между звездами, а тела наши останутся здесь, и пусть с ними делают, что хотят?

— Да, и там я смогу тебе рассказать, какие муки я испытывал всю жизнь, находясь рядом с тобой и не смея сказать тебе о своих чувствах.

— Ты — сильный человек, брат Годвин. — Женщина взяла пузырек и посмотрела на него. — Освобождение... Мы заслужили его, не правда ли?

— Да, да! Ты согласна, госпожа моя королева? Один глоток — и земля уходит куда-то прочь, унося с собой все мирские заботы и несчастья. Исчезает без следа!

— Без следа... — повторила женщина. — А мы уйдем своей дорогой...

— Да, — подтвердил Годвин, — ведь свобода в наших руках.

— А не будет ли это просто бегством, предательством по отношению к близким, к памяти о них, ко всему делу моей жизни… — Женщина как бы вдумывалась в предложение Годвина. — Ты знаешь, я хотела уничтожить зло, брат Годвин! Зло, которое несли эти тупорылые, злобные, ничтожные твари, которые не имеют даже права называться людьми!

— Да, госпожа моя королева, — отозвался Годвин. — Ненавидеть зло должен каждый честный человек, но...

— Опять "но"? Опять ты споришь со мной? Сколько раз я слышала от тебя это проклятое "но"!

— Госпожа моя королева, — смиренно возразил Годин, — я говорю "но" только потому, что в своей ненависти к злу, в стремлении его уничтожить ты невольно становишься его же орудием…

— Такой же тупорылой, ничтожной?

— Нет-нет, ты меня не так поняла, — в отчаянии попытался ее убедить Годвин.

— Мои франки, мои галлы — разве я мало для них сделала? Я уничтожала тех, кто не считал их людьми! — настаивала женщина. — В своей борьбе я утверждала их право на жизнь! Я дралась за каждого маленького человека! Я хотела, чтобы они понимали и любили меня, видели во мне свою защиту. Помнишь то золотое ожерелье в виде цепи, которое я подарила малышу, когда выходила замуж? За каждого своего подданного я хотела стоять, как за самое себя!

— Да... за самое себя... — покорно повторил Годвин, — но...

— Ты опять мне перечишь?

— Нет, я только хотел…

— За самое себя… — задумчиво повторила женщина. — Вот тебе мой ответ! — Она выхватила из его рук пузырек и выплеснула его содержимое на пол.

— Что ты наделала? — в отчаянии воскликнул Годвин. — Ты уничтожила мою мечту, нашу будущую жизнь, нашу свободу!

— У каждого из нас свой долг, — ответила женщина. — Я приму смерть, какой бы она ни была! Ты же напишешь обо всем, что происходило со мной и в королевстве так, чтобы люди далеких поколений поняли, за кем была правда! Чтобы все зло, творившееся на нашей земле, было проклято ими во веки веков!

— Я опишу все так, как ты сказала, моя королева. Я поведаю людям, какой ты была в моих глазах все это время... Но неужели жизнь тебя ничему не научила? Или твоя гордыня не позволяет тебе даже после нашей смерти стоять рядом со мной?

— Ступай! — резко приказала она. — Все равно тебе меня не понять!

— Ты даже не хочешь узнать, какую казнь тебе назначили? — Годвин был потрясен. — Если бы ты знала, ты бы выпила весь пузырек без остатка.

— Не желаю знать! Прощай!

Дверь тихо скрипнула.

— Пора, — послышался чей-то голос.

Годвин в отчаянии припал к руке женщины.

— Иди! — мягко оттолкнула она его.

Годвин последний раз взглянул на нее. Глаза его были полны слез.

— Прощай, госпожа моя королева, моя любовь, мое божество! Я исполню твое приказание!

Шатаясь, он двинулся к выходу.

— Толедо... юность моя... — чуть слышно прошептали губы женщины.

Глава первая,
в которой читатель присутствует на уроке по древнеримской литературе и узнает, чем он закончился

А теперь вернемся от описываемых в Прологе событий лет на шестьдесят назад, примерно в 552 год от Рождества Христова.

Мы в Толедо, столице королевства вестготов[9], бывшей римской провинции Иберии, по-нынешнему Испании. В небольшом атриуме — внутреннем дворике дворца, построенному по римскому обычаю портиками, — за изящным столиком сидят трое: две девушки и юноша — судя по скромному одеянию — монастырский послушник. Девушки внешне совсем разные. Одна, лет восемнадцати, поражает ослепительной своей красотой. Ее лицо как бы озарено каким-то внутренним светом больших синих глаз. Линия бровей резко очерчена, роскошные белокурые волосы тяжелой волной ниспадают на плечи. Вторая, чуть постарше, — более скромная внешне, но именно эта кротость, говорящая о мягкости характера, сообщают придают ее облику какую-то особую, нежную прелесть.

---

[9]Вестготы — (везиготы, тервинги, *лат*. Visigothi) — германское племя, представлявшее собой одну из двух главных ветвей племенного союза готов (второй ветвью были остготы). После разгрома Рима готы пришли в Аквитанию, где основали свое государство, столицей которого стала Тулуза. В дальнейшем, спустя почти сто лет, вестготы были разбиты Хлодвигом — в 507 году, который вынудил их переселиться в Испанию. Их столицей с середины VI века был г. Толедо.

— Как прекрасен Цезарь! Я будто вижу его перед собой! — восклицает красавица и читает наизусть стихотворные строки:

А у Цезаря было не столько
Чести и славы вождя, сколь доблести той, не умевшей
Смирно сидеть, был единственный стыд — не выигрывать битву.
Неукротим и смел, он вел легионы, куда их
Гнев иль надежда влекли, никогда не зная пощады;
Множил успехи свои, божество вынуждал на подмогу,
Все разрушал, что ему на дороге помехой стояло[10].

Решительным жестом, подчеркивающим смысл последних слов, она заканчивает рисующуюся ей картину.

— Тебе бы легионы Цезаря, сестричка, — улыбается вторая девушка, что постарше, — ты бы весь свет завоевала!

— А что? — задорно восклицает поклонница Цезаря. — И завоевала бы, и божество заставила бы мне помогать, чем ему без дела сидеть!

— Брунгильда, — с легким упреком обращается к ней старшая, — как ты можешь так говорить о Вседержителе, Творце всей Вселенной?

— Гальсвинта, дорогая моя сестрица, я имела в виду римские божества! — хохочет в ответ Брунгильда. — Никто не обижает твоего боженьку!

— Моего? Он и твой покровитель, Господь Бог, отец наш, — с укоризной говорит ее сестра. — Да святится имя его...

— Знаю, знаю! — прерывает Брунгильда, обнимая и целуя ее. — Бог велик, Бог славен, он повелевает всем сущим на земле!

— Ой, ой, ты меня задушишь, — со смехом отбивается от ее объятий Гальсвинта. — Давай лучше вернемся к нашему уроку! Терпению брата Годвина тоже есть предел!

— Вы как всегда правы, принцесса Гальсвинта, — с поклоном откликается послушник, все это время молчаливо внимавший шутливой пикировке сестер. — А принцессе Брунгильде не мешало бы последовать примеру вашего благочестия!

— Бедная Брунгильда! Все шишки на нее, — шутливо жалуется проказница.

— Нет, нет! Я всегда твоя защита! — в свою очередь обнимает ее Гальсвинта. — Пусть все шишки валятся на мою голову!

— Я знаю, дорогая сестрица, ты всегда готова защитить меня, — целует ее Брунгильда. — У-у, противный Годвин, вечно он читает мне нотации!

— Лучше это сделаю я, чем ваш отец, король Атанагильд! — смиренно отвечает Годвин, исподволь любуясь своей шаловливой ученицей. — Он следит, чтобы все внимательно изучали великих классиков!

— Есть ему время следить! — не сдается Брунгильда. — Целый день государственные дела! Вот и сейчас у него сидит какое-то посольство. То ли просят помощи, то ли уговаривают послать своих воинов на соседа, обещая легкую победу.

---

[10]Отрывок из эпической поэмы Лукана "Фарсалия", посвященной гражданской войне между Цезарем и Помпеем. Перевод С.Филатова. Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 2. Н.Ф. Дератани, С.П.Кондратьев, Н.А. Тимофеева. Римская литература. Учпедгиз, М., , 1949, с.463
Марк Анней Лукан (39-65 гг. н. э.), племянник Сенеки, родился в Испании, но с детства жил в Риме.

— Прошу прощения, принцесса Брунгильда, вернемся к нашей теме! — говорит Годвин. — Сегодня займемся чтением и разбором произведений Сенеки. Луций Анней Сенека[11], — продолжает он уже другим, "учительским" голосом, который мало подходит его возрасту, — родился в городе Кордубе.

— Это у нас, в нашем королевстве! — восклицает Брунгильда. — Он был вестгот?

— Нет, принцесса, — отвечает Годвин, — Сенека был чистокровным римлянином. Его отец занимал высокий пост здесь, в Иберии. Тогда она была римской провинцией. Сам Сенека был поэт, драматург, крупный государственный деятель, последователь философии стоиков[12]. Между прочим, он известен тем, что был приглашен императором Октавианом[13] для воспитания молодого Нерона[14].

— Ух ты! — не выдерживает Брунгильда. — Хорошего же ученика он воспитал!

— Так сложилась судьба, — разводит руками Годвин.

— Судьба? — живо откликается Брунгильда.

— Добро и зло — все в руках Господа! — назидательно произносит Гальсвинта.

— А тогда что же такое судьба, если все зависит от Господа? — бросает ей Брунгильда. — Он там наверху переставляет на шахматной доске пешку, куда ему вздумается, а пешка — это я? А я хочу сама ходить своими фигурами, куда захочу!

— Остановись, Брунгильда! — в ужасе говорит Гальсвинта. — Наш Спаситель играет в шахматы! Это ж надо такое выдумать! С кем?

— С самим собой. Кто же еще осмелится сесть с ним за доску? Разве что из-под стола кто-нибудь его руку подтолкнет...

— Кто? — осаживает сестру Гальсвинта. — Кто осмелится?

— Известно, кто — враг рода человеческого, дьявол!

— Надо же такое придумать! Дьявол, а? — Гальсвинта укоризненно качает головой.

— Дорогие принцессы, — вступает в разговор Годвин, — не забывайте, что у нас урок римской литературы, а не богословские прения. Вернемся к Сенеке.

— Погоди! — обрывает его Брунгильда. — Вот живем мы вместе, при родителях, дружим крепко, а ведь придет пора, раскидает нас в разные стороны, и ничего не сделаешь?! Судьба?! Кто-то просто двинет пешку...

— О чем ты говоришь? — забеспокоилась Гальсвинта. — Кто посмеет нас разлучить? — Она крепко обнимает Брунгильду. — Нет-нет, я даже представить этого не могу! Мы — королевские дочери! Наш отец, король Атанагильд, не даст нас в обиду!

— А вот увидишь! — настаивает Брунгильда. — Пришлет посольство какой-нибудь принц или король, и отправят нас — тебя, скажем, к саксам, за море, в Британию, а меня — и вовсе в Африку! Нужно будет нашему государству — отдадут, не беспокойся! Ты верно сказала: мы королевские дочери. Мы себе не принадлежим. Посватает нас какой-нибудь король, и если от этого союза будет выгода вестготам — отдадут!

— Ой... — охнула Гальсвинта, — и правда... А я думала мы всегда будем с тобою вместе...

---

[11] Сенека Луций Анней (ок.4 до н.э. – 65 н.э.) – римский философ, писатель.

[12] Стоики – последователи одного из философских направлений Древней Греции.

[13] Октавиан (Август, 63 до н.э. – 14 до н.э.) – римский император.

[14] Нерон (37 – 68) – римский император; репрессиями и конфискациями восстановил против себя различные слои римского общества.

— Это уж как судьба нам выпадет... — глаза Брунгильды затуманиваются, голова ее никнет, но вдруг она выпрямляется. Глаза вновь сияют торжествующим блеском: у нее появилась идея!

— Слушай... — быстро говорит она Гальсвинте. — Твой Бог все может?

— Все, — не вникая в ход мыслей Брунгильды, отвечает Гальсвинта. — Но почему опять он только мой? А твой?

— Ладно, ладно... и мой тоже! Попросим его, чтобы нам не разлучаться!

— А как же это?

— Чтоб выдали нас куда-нибудь недалеко от дома. Или за двух братьев, к примеру. Вот было бы здорово! Мы бы с тобой в гости друг к другу ездили, детей своих показывали, а?

— Ты хочешь, чтобы Бог оторвался от своих великих дел ради нас? Да кто мы для него? — в негодовании повышает голос Гальсвинта, готовая защищать своего Господа от суетного, на ее взгляд, предложения Брунгильды.

— Кто? — грозно отвечает Брунгильда. — Насчет себя помолчу, а уж ты — и говорить нечего! Кто раздает деньги нищим, когда мы ходим в церковь? Кто заботится о бедных в нашей столице? Ты. Ты и только ты! Недавно девочку вылечила — помнишь, у вдовы Онре, кто бы это сделал с таким искусством? Уж для кого, а для тебя-то на месте нашего Вседержителя я бы постаралась!

— Тебе все шутки, — Гальсвинта пытается охладить полемический пыл сестры.

— Скажи прямо: ты не веришь, что Бог сможет для нас это сделать? — напирает Брунгильда.

— Нет, нет! Он все может! Все!

— Так почему же ты против?

— Я... я не знаю... может, ты и права...

— Так давай вместе помолимся, пусть он сделает так, чтобы нас не разлучили! Чтобы отдали за братьев! — с жаром предлагает Брунгильда.

— Сейчас?

— А почему нет?

— Годвин, выйди! — приказывает Годвину Гальсвинта.

— Почему? Разве мы просим о чем-то тайном, недозволенном? Наша мольба чиста! Пусть остается,— сопротивляется Брунгильда.

— Тебя не переспоришь! — говорит ей сестра. — Хорошо, давай помолимся. Только будь серьезна. Станем на колени, отринем все земное, суетное...

Она становится на колени, Брунгильда следует ее примеру.

— Принцессы, — пробует в последний раз подать голос Годвин, — как же я отчитаюсь за наши занятия перед вашим отцом? У нас же урок римской литературы!

— Ты хочешь помешать нашей беседе с Господом? Молчи! — приказывает Брунгильда. Наступает молчание. Обе сестры сосредоточены.

— Господи! — говорит Гальсвинта. — Прости моей сестре ее затею. Она это сделала из лучших своих чувств. Мы очень дружны с ней, и нам не хотелось бы расставаться.

— Боже! — говорит Брунгильда. — Дай нам почувствовать, что мы тоже что-нибудь значим в жизни, сделай так, чтобы мы не разлучались никогда. Если нас будут отдавать замуж, то поблизости друг от друга — за братьев или хотя бы за родственников!..

— Сделай так, Господи! — прибавляет Гальсвинта — Обещаем тебе пожертвования на церковь...

— Хорошими деньгами! — вмешивается Брунгильда. — Пожалуйста, не забудь нас!

Гальсвинта делает глубокий поклон. Брунгильда следует ее примеру.

— Луций Анней Сенека, — быстро перехватывает инициативу Годвин, — в своей трагедии...

Но уроку, по-видимому, не суждено продолжиться. В атриум быстро входит женщина в накидке из зеленоватой ткани с собольими хвостиками. Ее облик, одежда указывают на высокий титул. Она взволнована. Это супруга короля Атанагильда, мать сестер, королева Гоисвинта.

Жестом она удаляет Годвина. Низко поклонившись, тот скрывается.

— Дорогие мои дочери, — говорит Гоисвинта прерывающимся голосом и вдруг начинает плакать.

— Что с вами, матушка? Что случилось? — бросаются к ней дочери, пытаясь успокоить мать.

Чуть успокоившись, Гоисвинта продолжает:

— Послы, которых принимает сейчас ваш отец, особые. — И вдруг, обернувшись к Брунгильде и обняв ее, снова разражается слезами.

— Скажите же, мама! — требует Брунгильда.

— Молва о твоей красоте распространилась далеко за Пиренеи, дочка, и достигла Галлии. И вот посольство от имени Сигиберта, короля Австразии, приехало просить твоей руки. Говорят, Сигиберт не ест, не пьет, дожидается согласия твоего отца, — говорит сквозь слезы королева. — Только не по закону все это! Младшую — раньше старшей!

— И что ж отец? — старается сохранить спокойствие Брунгильда, но ей это плохо удается. — Кто такой этот Сигиберт? Что он за человек?

— Он младший сын короля Хлотаря, повелителя Галлии, которую его отец, король Хлодвиг, отвоевал у Рима. Их четыре брата, и вот младший, Сигиберт, прислал послов.

— Так что же отец? — настойчиво повторяет Брунгильда.

— Сидит, думает со своими советниками.

— А что, австразийцы эти, они христиане?

— Я слышала, что дед короля Сигиберта, король Хлодвиг, крестился сам и с ним вся его дружина. Но, говорят, что христианство не оказало на него никакого облагораживающего воздействия, и он умер в душе язычник-язычником.

— Да-а-а…— тянет Брунгильда. — Кстати, а меня спросили — хочу ли я выходить за этого Сигиберта?

— Что ты, дочка! Разве о таких вещах дочерей спрашивают? Это дело государственное. Отец к тебе придет, он все тебе расскажет, — старается успокоить дочь Гоисвинта.

— Их четыре брата? — раздумывает Брунгильда. — И холостой только Сигиберт?

— Да, он молод, красив собой, говорят.

* * *

В атриум входит король Атанагильд, сопровождаемый вельможами, и направляется к Брунгильде.

— Дочь моя! — обращается он к ней. — Выслушай меня внимательно. Речь пойдет о тебе. Свое детство и юность ты провела с нами, это были счастливые годы, не правда ли? Но время идет, ты становишься взрослой. Вам, королевским дочерям, надлежит оказывать помощь в делах государственных. Так повелось издревле. Пришел и твой час. Спокойствие и благосостояние нашего государства, королевства вестготов, зависят от наших отношений с соседями. Там, за Пиренеями, на равнинах Галлии, завоеванной у Рима германскими племенами под водительством короля Хлодвига, требуется утвердить наше присутствие и обеспечить наше влияние. Один из четырех франкских королей, Сигиберт, прислал к нам своих послов и просит

твоей руки. Что ты на это скажешь? Я заявил, что без твоего согласия не смогу дать положительного ответа. За этим и пришел к тебе. Скажи, согласна ли ты выйти замуж за Сигиберта, короля Австразии?

Наступает молчание. Брунгильда смотрит на Гальсвинту.

"Вот и все, сестричка. Как в воду глядели", — говорят ее глаза.

— Я жду твоего ответа, дочь моя, — настаивает Атанагильд.

— Я в вашей воле, отец, — отзывается наконец Брунгильда. — Моей воли здесь нет.

— Я знал, что ты так ответишь. Но мне нужно от тебя другое. Скажи, *ты* согласна отдать свою руку королю Сигиберту?

— Я уже сказала, отец, — произносит Брунгильда. — Ваша воля — мое согласие...

— Вот и прекрасно, — говорит Атанагильд. — Поклянись же теперь на святом писании… — он находит среди своей свиты пресвитера с евангелием, — что ты всегда будешь радеть о наших интересах.

— Клянусь! — глухо произносит Брунгильда, кладя руку на книгу.

— Пригласите послов, — приказывает Атанагильд.

Через несколько минут атриум наполняется людьми, одетыми в непривычные для вестготов одежды. Это австразийское посольство. Его сопровождают приближенные короля.

— Герцог, — обращается Атанагильд к одному из австразийских вельмож, герцогу Гундовальду с тяжелой золотой цепью на груди. — Вот моя дочь, принцесса Брунгильда, решения которой ждет ваш король. Объявляю: она согласна!

Атриум оглашается радостными возгласами. Для вестготского уха они кажутся грубыми и резкими, и женщины непроизвольно жмутся друг к другу, как бы ища защиты.

Франкский герцог склоняет колено перед Брунгильдой, своей будущей королевой.

— Я счастлив донести до короля сию благую весть, ваше высочество, — произносит он с почтением.

За стеной трубят трубы.

— Известить народ о нашем решении! — приказывает Атанагильд своим вельможам.

Так окончился урок римской литературы.

Глава вторая,
в которой рассказывается о путешествии вестготской принцессы Брунгильды к своему жениху Сигиберту, королю Австразии, о крещении франкского короля Хлотаря I, о хитрой Фредегонде, дочери чесальщика шерсти, и о многом другом

В те далекие времена путь из Толедо в Мец, столицу австразийского королевства, был долог и труден. Проехав Испанию, надо было перевалить через Пиренеи, спуститься на равнины Галлии, а затем проследовать на север, к границам Австразии.

Брунгильда, страдая от непрерывной тряски на горной дороге, от которой не могли избавить даже многочисленные подушки на сиденьях ковровой повозки, время от времени, чтобы размять ноющее тело, пересаживалась на коня, которого вели рядом. Она была большой любительницей лошадей и с ранней юности привыкла к верховым прогулкам: в окружении природы ей было легче сосредоточиться на своих мыслях.

Вот и сейчас она вспоминала сцены прощания с родителями, с Гальсвинтой, с местами, столь дорогими ей с детства. Сейчас напоминанием о покинутом доме были лишь тяжелые повозки и телеги, набитые ее богатым приданым. Тут были золотая и серебряная посуда, роскошные украшения, одежды из дорогой материи и многое, многое другое. Повозки надсадно

скрипели на каменистой дороге. Их охраняли воины, прибывшие с австразийским посольством. Время от времени Брунгильда посматривала на группу вестготов, следовавших с ней до Меца, отыскивая среди них Годвина. При прощании с родителями она попросила отставить его в числе ее приближенных.

В дороге Брунгильда часто беседовала с герцогом Гундовальдом, главой франкского посольства. Ее интересовало все, связанное с ее будущей жизнью, — страна, ее обычаи, люди, язык, но больше всего разговору было о ее будущем муже, короле Сигиберте.

Красота, ум принцессы, умение вызвать в собеседнике неожиданную для него самого откровенность очаровывали ее спутника. Он без устали рассказывал о своем народе, и его не смущали неожиданные вопросы: Брунгильду, например, интересовало — глубоко ли укоренилась христианская вера среди франков?

Гундовальд уверял ее, что франки — весьма ревностные христиане. Хлодвиг I, дед нынешнего короля Австразии, покорив Галлию и будучи язычником, понял, что сильному государству необходимо христианство с его единым Богом, хозяином Вселенной. Таким же хозяином на земле посчитал себя и сам Хлодвиг, ставший единым властителем всей Галлии. Однажды, когда он невредимым возвратился после войны с алеманнами[15], он, уступив уговорам королевы, принял таинство крещения в Реймсе. Произошло это в канун Рождества в 498 году. Вместе с королем тогда крестились три тысячи его воинов. Епископ Ремигий, совершая обряд крещения, сказал Хлодвигу, который когда-то разрушил и сжег реймский храм: "Поклонись тому, что сжигал, и сожги то, чему поклонялся!"

— Как просто сказано, и какой в этом глубочайший смысл, — восхищенно заметил Гундобальд. — Говорят, когда после крещения король вышел из церкви, к нему подбежала маленькая девочка и протянула букет из трех белых лилий. Король поднял ее на руки[16].

— Народ воспринял это как доброе знамение — продолжал герцог свой рассказ. — Вскоре Хлодвиг ввел христианство повсюду в своих владениях и начал усердно помогать становлению молодой церкви. Сейчас в крупных городах у нас сидят епископы, пользующиеся большим авторитетом среди населения, а церковь владеет большими богатствами.

— Вера в загробную жизнь и простые, доверительные отношения с Богом, святыми и великомучениками очень популярны у франков, — рассказывал далее Гундовальд, воодушевленный огромным вниманием, с которым его слушала Брунгильда. — Вот, к примеру, брат нашего короля Сигиберта Хильперик, король Нейстрии. Желая добраться до своего врага, который, спасаясь от преследования, отдался под покровительство святого Мартина[17] и спрятался в базилике его имени, Хильперик написал доверительное письмо этому святому и положил его на крышку усыпальницы, где покоился его прах. В письме король просил святого разрешить ему нарушить закон неприкосновенности святой обители, который до той поры неуклонно соблюдался. Хильперик привел многочисленные доводы, по которым ему необходимо было это сделать. Ради удобства святого к письму прилагался чистый лист пергамента, на котором святой тот, как полагал Хильперик, должен был изложить свое мнение относительно просьбы короля.

---

[15] Алеманны, аламанны — германское племя.

[16]Спустя почти пять веков изображение трех лилий стало во Франции королевской символикой, начиная с династии Капетингов и заканчивая Бурбонами

[17]Святой Мартин Турский (Мартин Милостивый, 317 или 337–397), архиепископ Тура, один из самых почитаемых во Франции святых

Спустя трое суток посланные королем приближенные нашли пергамент нетронутым. Значит, посчитали они, святому было некогда, и потому он не дал ответа. Решили подождать еще сутки. И вот что тогда обнаружилось: письмо Хильперика было закапано воском, причем капли шли наискось, как бы перечеркивая его, а край письма — обуглен.

Доложили королю. Тот стал думать, что бы это значило — или свеча упала на письмо и оставила след, или святой таким способом выразил свое отношение к просьбе короля? Видимо, решил Хильперик, святой Мартин отрицательно отнесся к его желанию покарать врага в базилике и не воспользовался чистым листом для ответа.

Брунгильда внимательно посмотрела на Гундовальда — шутит он или говорит всерьез? Но благородное лицо вельможи оставалось непроницаемым.

Видимо, чтобы удовлетворить любопытство Брунгильды о родственниках ее будущего мужа, Гундовальд поведал еще об одном случае из жизни Хильперика. Тот в свое время был женат на королеве Аудовере[18], от которой имел трех сыновей и дочь. Вот она-то и стала причиной развода короля.

Однажды Хильперик отправился в поход на саксов и, пока воевал, королева родила ему дочку. Когда пришла пора ее крестить, выбранная для этого крестная мать заболела. Служанка же Аудоверы Фредегонда, уже имевшая в то время с королем любовную связь, чтобы как-то разрешить эту проблему, не без умысла подсказала королеве самой передать ребенка на руки епископу: не оставлять же дитё некрещеным. Аудовера так и сделала. А когда вернулся Хильперик, выяснилось, что королева нарушила церковный закон, самолично исполнив обязанности крестной матери при крещении и стала, вследствие этого, кумой королю, а кума не имеет права делить с кумом ложе, — так гласит этот закон. Король наказал епископа, но подчинился закону церкви — развелся с Аудоверой. Фредегонда добилась своего, разрушив этот брак заняв ее место.

— Так он что, церкви послушался или Фредегонды? — спросила Брунгильда.

— Церкви, — по-прежнему невозмутимо отвечал Гундовальд. — Но так для него было удобнее. Нет женщины в королевстве, которая не стала бы жертвой его домогательств. Королевское сладострастие не знает границ. Но Фредегонда всегда остается Фредегондой. — Гундовальд быстро свернул эту тему, словно испугавшись, что и так наговорил много лишнего — женщинам о женщинах лучше вообще ничего не рассказывать.

Брунгильда спросила о двух других братьях Сигиберта — Гонтране и Хариберте.

Гонтран, владетель Бургундии, был ответ, нерешителен, боится резких, скоропалительных действий. Правда, по просьбе своей жены, которая, заболев, никак не могла поправиться, он, недолго думая, обезглавил пользовавших ее лекарей. Хариберт же, после смерти жены, которая не оставила ему наследников, живет уединенно и мало общается с братьями.

Сигиберт же, продолжал свой рассказ Гундовальд, резко отличается от братьев. Он хорош собой, смел, удачлив в бою, добродушен в жизни, словом, во многом напоминает своего деда, великого Хлодвига I, завоевателя всей Галлии.

Брунгильда задумалась, потом подозвала Годвина. Она вкратце пересказала ему то, что поведал ей Гундовальд. Про себя Брунгильда уже решила, что Годвин, которому она безгранично доверяла, будет ее советником во всех делах. Потом оба незаметно перешли к разговору о только что покинутом Толедо, об их занятиях с Гальсвинтой, об уроках римской литературы. Особенно припомнился им тот последний урок, на котором Годвин рассказывал

---

[18] В некоторых российских источниках – *Одовера.*

сестрам о Цезаре, Лукиане, Сенеке… Кто бы знал в тот момент, что молитва о нерасставании сестер, которую вдруг придумала Брунгильда и заставила Гальсвинту присоединиться к ней, обернется вот такой действительностью…

Жизнь вносит свои поправки, — думала Брунгильда про себя, вздыхая. — Мы просили у Бога помочь нам выйти замуж за братьев, чтобы не разлучаться… Вот, пожалуйста, — у моего будущего мужа есть братья… Но какие! Один жену в монастырь сослал, другой неповинным людям головы поотсекал, третий — затворник… Чтобы за кого-нибудь из них, да моей сестре замуж?! — Ее даже всю передернуло от этой мысли. затрясло, когда она на секунду это представила.

После длительного молчания, Брунгильда приказала Годвину читать вслух записки Цезаря о покорении Галлии, чтобы немного отвлечься от нахлынувших на нее раздумий мыслей.

А Гундовальд в это время вновь прокручивал в голое все, что рассказал принцессе о короле Хлодвиге I и его потомках — не переоткровенничал ли? В частности, с рассказом о Фредегонде? Ведь принцесса должна была проникнуться величием момента предстоящей династической свадьбы, так что все негативные моменты нужно бы попридержать — пусть сама когда-нибудь узнает, а не от него. Ведь головы может стоить неосторожное слово…

Чуть пришлось покривить душой, когда сравнивал Сигиберта с его дедом Хлодвигом — все дал в превосходной степени: и смел, и удачлив в бою, и добродушен… То есть сам-то Сигиберт всеми этим качествами обладает в полной мере. Но вот его дед, особенно в плане добродушия… Все же в королевстве еще помнили тот случай с Суассонской чашей, когда овладев городом Реймсом, франки разграбили храм костел и захватили золотую чашу редкой работы. Реймский епископ Ремигий попросил Хлодвига вернуть чашу в костел. Хлодвиг пообещал сделать это. Раздел добычи происходил в соседнем городе Суассоне. По законам и обычаям германцев воин получал свою долю по жребию. Хлодвиг попросил, чтобы ему отдали чашу без жребия. Воины, хорошо знавшие нрав короля и боявшиеся его, согласились. Но один молодой воин возмутился нарушением обычая и воскликнул: "Ты получишь только то, что тебе достанется по жребию!" Он выхватил меч и разрубил чашу пополам, чтобы король не смог забрать ее один. Хлодвиг промолчал. А год спустя, во время смотра войск, он подошел к тому воину и, обвинив его в том, что тот плохо содержит свое оружие, бросил его меч на землю. Воин нагнулся за мечом, и тут король ударом боевой секиры разрубил ему голову, сказав при этом: "Так же, как ты разрубил чашу в Суассоне,— сказал Хлодвиг".

Осторожность и еще раз осторожность, — подумал про себя Гундовальд, мысленно подводя итоги этому дню путешествия.

Глава третья,
которая повествует о торжествах по случаю бракосочетания Сигиберта и Брунгильды и задумке короля Нейстрии Хильперика.

Король Сигиберт с группой приближенных ждал свою будущую супругу на окраине селения Викторинум, неподалеку от Меца. Вокруг толпились горожане и крестьяне из ближайших местечек и деревень, желавшие увидеть и приветствовать невесту своего молодого короля.

Сигиберт слез с коня, кинул поводья оруженосцу и в нетерпении стал ходить взад и вперед по обочине дороги. Он был высок и строен, его красивое лицо, обрамленное длинными, ниспадавшими на плечи волосами, выражало мужество и отвагу.

А народ все прибывал. В толпе можно было видеть нескольких женщин с совсем еще маленькими детьми.

— А малышей зачем притащили? — спрашивали старики.

— Чтоб запомнили, — отвечала одна из матерей.

В толпе вдруг зашумели: едут, едут…

Вдали показался долгожданный кортеж, добравшийся наконец до родных пределов.

В один миг Сигиберт взлетел на коня и поскакал навстречу. Народ кинулся за ним. Уже можно было видеть вытягивающуюся из-за леса длинную вереницу повозок, телег, конных воинов. Впереди ехал герцог Гундовальд с гордым видом человека, успешно выполнившего важное королевское поручение. За ним следовала запряженная четверкой лошадей повозка Брунгильды в окружении ее личного сопровождения, состоящего, в том числе и из челнов австразийского посольства. Позади них тяжело колыхались повозки с приданым невесты, ехали воины, охранявшие этот ценный груз.

Кортеж остановился.

Гундовальд слез с коня, подошел к повозке. Сигиберт тоже спешился. Он был переполнен чувствами: наконец он увидит ту, о которой столько слышал. Ему не верилось, что этот момент настал.

Гудовальд открыл дверцу повозки, подал руку вышедшей из нее Брунгильде. Она похудела, побледнела за месяц пути, но это ничуть ее не портило. Ее глаза сверкали ярче прежнего. Сигиберт застыл на месте. Действительность превзошла все его мечты. Вздох восхищения прокатился по толпе.

Ах, как хороша была Брунгильда!

— Вот ваша нареченная, сир, — сказал Гундовальд, с поклоном отойдя в сторону.

Двое молодых людей остались стоять друг против друга.

Брунгильда была не в силах заговорить, задохнувшись от первых впечатлений. Сигиберт сразу ей понравился. Она протянула ему руку.

Он схватил ее, хотел поцеловать, но смутился и чуть отпрянул. Рука Брунгильды повисла в воздухе, а Сигиберт, опомнившись, вновь бережно взял ее и поднял вверх, как бы демонстрируя толпе редкую драгоценность.

— Добро пожаловать, — только и вымолвил он.

Брунгильда ласково улыбнулась в ответ.

Толпа разразилась приветственными криками. Одна из матерей подняла своего сынишку над головами людей, чтобы, как она объяснила стоявшим рядом, он запомнил свою новую госпожу королеву. Ребенок радостно залопотал что-то, замахал ручками.

Брунгильда заметила его. Быстро подойдя, она поцеловала малыша, тот сразу же занялся золотой цепью с драгоценными камнями, украшавшей ее шею. Она сняла цепь и надела ее на шею мальчика. Восторг толпы свидетельствовал, что первый шаг на австразийской земле был ею сделан правильно.

— Народ признал свою королеву, — указывая на окружающих, произнес герцог Гундовальд.

Нарушая этикет, Сигиберт схватил Брунгильду за плечи и прижал к себе так крепко, что у нее перехватило дыхание. Он не знал, как еще выразить бушевавшие в нем чувства. Ее полуоткрытые губы были рядом. Он впился в них поцелуем, который сразу заставил гордую принцессу забыть обо всем. Этот поцелуй открывал ей новую жизнь. Она приникла к Сигиберту, своему первому мужчине, с которым она отныне будет делить и ложе и все, что откроет перед ними судьба.

Народ ликовал. Счастливую мать с ребенком окружили любопытные. На шее мальчугана ярко сверкал королевский подарок.

Видевший все это Годвин покачал головой: принцесса оставалась верна себе — порыв, эмоции…

Так состоялся ее въезд на землю франков.

* * *

В день свадьбы на всех площадях и улицах сколачивали столы, чтобы угощать народ. Предместья готовили шествия необыкновенной пышности. Церкви украшались гирляндами из еловых веток, во дворце был приведен в порядок двухсветный зал,

Раздался гром фанфар. Толпа заколыхалась, раздались здравицы в честь преславной госпожи и королевы Брунгильды, в воздух взлетели колпаки. Сигиберт с невестой ехал впереди своей кавалькады. У Брунильды трепетало сердце от торжественности момента. Ее Сигеберт был в роскошном плаще, с огромным мечом на перевязи, эфес которого был настоящим произведением искусства, и таким же огромным охотничьим рогом на поясе. Без шлема, с волосами цвета спелой ржи, рассыпанными по панцирным плечам, он был неотразим. Король милостиво улыбался, собственноручно и с щедростью разбрасывал золото и серебро толпящемуся народу.

Торжественное бракосочетание было совершено епископом Меца в главной базилике города. После завершения церемонии он обратился к Брунгильде и Сигиберту, теперь уже супругам, с торжественной речью на латыни, на которой шла вся служба. В ней были поздравления с совершившимся браком, пожелания счастливого супружества, благочестия и верности их общей матери церкви. Речь изобиловала изысканными оборотами римского красноречия, цитатами из сочинений святых отцов. Брунгильда благодарила про себя отчий дом за уроки римской литературы, позволившие ей с легкостью воспринимать все словесные изыски епископа.

В базилике толпились приглашенные на торжество гости. Кого тут только не было! Пестрая смесь одежд, языков, самого внешнего облика присутствующих являли собой всю историю Галлии за последнее столетие. Представители галло-римской культуры смешались с выходцами из зарейнских краев — алеманнами, баварами и тюрингами[19]. Гость в пышных римских одеждах косился на какого-нибудь вождя-конунга[20] из далеких лесов, с наброшенной на плечи в виде плаща выделанной медвежьей шкурой, с длинными белокурыми или рыжими грязными волосами, заплетенными в косы и свисавшими ему на грудь. В длинных волосах, считали германцы, таилась магическая сила, кроме того, они были признаком благородного происхождения.

Затем в залах королевского дворца для гостей был устроен пир. По всем четырем углам каждой залы, согласно древним германским обычаям, стояли открытые бочки с вином и пивом. Столы ломились под тяжестью золотых и серебряных блюд, кубков, награбленных в очередном походе.

---

[19] Алеманны, бавары, тюринги – германские племена.

[20] Конунг – военный вождь.

По древнему обычаю после венчания молодая супруга должна была преподнести мужу кубок любви. Из рук сенешаля[21] графа Годегизеля Брунгильда взяла серебряный поднос с драгоценным кубком, наполненным византийским вином, и направилась с ним к Сигиберту, который шел ей навстречу.

"Benedicite..." — грянул хор. Король, по традиции, положил на поднос Брунгильды бисерный кошель с золотыми солидами и, протянув руку за кубком, отпил из него. Снова раздалось оглушительное "Benedicite"[22]..

Спустя некоторое время благочестивая атмосфера, приличествующая торжественному бракосочетанию, сменилась пиршественным шумом. За столами слышались резкие голоса конунгов, перебрасывавшихся грубыми шутками. При этом они старались не утратить своего горделивого вида, стремясь показать всем окружающим, что истинные воины — это исключительно они. Это они разбили легионы всяких там цезарей и хотят, чтобы все об этом помнили. Кое-где за столами германцы уже начали азартно играть в кости — свое любимое развлечение, когда, бывало, проигрывались не только целые состояния, но и свобода и даже жизнь родных. Поеживаясь от таких манер, римские аристократы отвечали варварам вежливо-льстивыми улыбками.

Столпотворение столь не похожих друг на друга гостей дополнялось не меньшим разнообразием предложенных им яств: за тончайшей гастрономией римской кухни — рыбой и птицей, приправленными ароматными тонкими соусами, следовали блюда, приготовленные по нехитрым рецептам германцев из добычи охотников из диких лесов севера Галлии — зажаренные на огромных вертелах кабаны, туши быков, лосей, оленей. Словом, здесь была представлена вся дичь, которой славились галльские леса.

Герцоги, графы, палатные мэры, или, как их еще называли, майордомы[23], маркграфы[24], наместники провинций сидели за столами вперемешку со знаменитыми вождями-конунгами. Они то и дело поднимали тяжелые кубки и рога диких туров, наполненные вином, и провозглашали здравицы в честь молодых супругов.

Молодой король был подстать своей красавице супруге: его тщательно расчесанные волосы ниспадали на длинную пурпуровую тунику, на плечи был накинут золотистый плащ, обшитый по краям и вороту узкой светло-пурпуровой каймой и скрепленный крупной золотой застежкой в виде броши с яркими альмандинами. На боку висел меч в тонко изукрашенных орнаментом кожаных ножнах. На ногах были башмаки также пурпурового цвета. Все это великолепие венчала корона с высокими зубцами, в которых светились драгоценные камни.

На Брунгильде была длинная белоснежная туника из льна, отороченная голубой каймой. Поверх нее на плечи было накинуто манто — легкий плащ светло-синего цвета, подбитый куньим мехом. Ее волосы были схвачены на лбу золотым обручем тонкой работы, по которому рельефно переплетались побеги плюща, искусно сделанные из золота и серебра. Весь ее наряд

---

[21] Сенешаль — (или сенешалк, от *лат*. Senex и древнегерманск. Scalc — старший слуга) — одна из высших придворных должностей со времён Меровингов. Первоначально сенешаль был стольником, чьи обязанности сводились к наблюдению за подачей блюд во время обедов и пиров. Со временем, однако, он превратился в одного из высших сановников, заведовавшим внутренним распорядком при дворе

[22] Benedicite, parcite nobis — (*лат*. Благослови и помилуй нас)

[23] Майордом, или палатный мэр – управляющий дворцом, высшая административная должность. В VII в. майордом стал занимать первое после короля место.

[24] Маркграф – управляющий административным пограничным укрепленным округом.

был подобран так, чтобы его стиль и цвет еще больше подчеркивали красоту белокурых волос, синеву глаз и саму молодость Брунгильды[25].

Сигиберт, сам не свой от нахлынувшего счастья, не расцеплял своей руки с рукой Брунгильды. Это сокровище теперь его и будет с ним всю жизнь. Молодые обходили столы пирующих, обмениваясь с приглашенными любезностями. Общий восторг вызывала красота Брунгильды, ее умение держать себя, вовремя сказать что-то приятное собеседнику.

Праздник удался, это признавали все — и галло-римляне и франки. На свободном месте в каждом зале показывали свое искусство жонглеры, акробаты, шуты. Отовсюду звучала музыка: музыканты старались на славу, играя на виолах, лютнях, рожках и других музыкальные инструментах.

Среди присутствующих находился Венанций Гонорий Клементий Фортунат. Это была чрезвычайно любопытная фигура. Поверхностного ума, но приятный в обращении, он был одним из последних представителей римской культуры. Как поэт, он пользовался большим успехом в домах родовитых франков и галлов, в жилах которых теперь текла также и кровь старых германских родов, завоевавших страну и породнившихся с коренными жителями римской Галлии. Им было лестно слушать стихи Фортуната с упоминанием о деяниях римских богов, которые они отождествляли со сражениями и победами, одержанными ими самими или их отцами. Это возвышало их в собственных глазах. Так и кочевал поэт из дома в дом, пользуясь предоставляемым ему кровом и обильным угощением. Заполучить Фортуната к себе в гости считалось хорошим тоном: он воспринимался как тонкий десерт, завершающий пиршество.

Вот и сейчас приглашенный на свадьбу поэт не раз поднимал заздравный кубок и вдохновенно читал стихи, сочиненные специально для этого торжества. Чего только не было в этих виршах! Он вспомнил, кажется, всех богов Рима, прибегнул в своем обращении к новобрачным к сложным поэтическим образам, тонким сравнениям, короче, использовал все богатство языка римской поэзии. Он не декламировал, он вещал, как пророк, он возносил своих слушателей вместе с собой к поэтическим небесам, и восхищенные гости, с трудом продираясь сквозь смысл его изысканных виршей, думали: вот он, Рим, вот его недавнее великолепное прошлое! С театральной страстью поэт восклицал:

Ты не Брунгильда, о нет!
В тебе пробудилась Венера,
К нам снизошла,
Горный покинув Олимп.
Счастья тебе, Сигиберт!
В объятьях ты держишь богиню.
Стрелы пускает Амур,
Огонь зажигая в сердцах![26]

---

[25] Марина Бобкова. История Франции для детей. М., РИА "Мой мир" и ЦТР МГП ВОС, 1999, с.97

[26] здесь и далее автором "виршей Фортуната" является А.Д.Симуков

Далее Фортунат в стихах столь же звонких, сколь и пустых, обратившись ко всему великолепию образов древней мифологии, вовлекал слушателей в спор, который затеяли боги, чтобы выяснить, кто же среди них первый, и в конце своей эпиталамы[27] утверждал:

Дочь королей, богоравная дева Брунгильда,
Нет средь богов равных тебе красотой.
Новый Ахилл — Сигиберт, в бою одержал он победу,
Ты для него и страны радость навек принесла!

Стихи Фортуната тонули в хоре голосов, славящих поэта, который сумел так блестяще по мнению гостей пропеть величальную здравицу молодой чете.

Тосты следовали один за другим. Какой-нибудь варвар в экзотическом одеянии из шкуры дикого животного в виде плаща, скрепленного богатой пряжкой, возносил хвалу новобрачным и, схватив огромный рог с вином, принимался пить его с таким остервенением, будто это была кровь его врага. Галло-римляне боязливо жались по сторонам, вынужденные терпеть общество этих наглых завоевателей, но усердствовали не менее в своих здравицах в честь молодого короля и королевы.

На Сигиберта и Брунгильду действительно было приятно смотреть. Молодые, влюбленные друг в друга, счастливые… Брунгильда — потому, что все происходившее вокруг намного превзошло ее ожидания, Сигиберт — от сознания, что эта красавица, дочь короля, теперь его, на всю жизнь.

Он, наверное, впервые ощутил, что такое любовь, и по-прежнему не выпускал из своей руки руку Брунгильды.

Среди почетнейших гостей самыми почетными были братья Сигиберта — Гонтран, король Бургундии и Хильперик, король Нейстрии. Третий брат, Хариберт, не приехал в Мец из-за болезни. Гонтран был доволен всем — и вкусной едой, и разнообразными сортами вин, в изобилии подававшихся на столы, и испытывал особое удовлетворение, глядя на жену брата. Брунгильда чрезвычайно ему понравилась. Вот это настоящая королева, думал он. Ее безыскусная приветливость, манера, с какой она приглашала отведать то или иное блюдо, сразу обнаруживали ее королевское происхождение.

Что касается Хильперика, то он мрачнел с каждой минутой. И когда Сигиберт, попеняв брату за его невеселый вид, спросил, чего тому не хватает — вроде все получилось хорошо, Хильперик буркнул в ответ:

— Да, все хорошо. — И, не выдержав, прибавил: — Даже слишком...

Счастливый Сигиберт похлопал его по плечу, не замечая двусмысленности реплики, и отошел, чтобы приветствовать новых гостей.

* * *

Хильперика же одолевала мучительная зависть к брату. Пышность брачной церемонии в базилике, пир во дворце — все было прекрасно, великолепно, замечательно, но...

Хильперик был далеко не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Он пробовал писать стихи для собственного удовольствия, но понимал, что они жалки и бесформенны, и в то же время ему было приятно, что придворные расхваливали их.

---

[27] Эпиталама (*греч.*) – стихотворение или песня в честь свадьбы.

Он считался знатоком в архитектуре. Пытаясь строить дворцы в своем домене[28] по своим задумкам, он сверялся при этом с эскизами известного римского архитектора прошлого Марка Витрувия. Хильперик выслушивал многочисленные восторги придворных в отношении "полета его фантазии", но в душе понимал, что все это с его стороны было не более, чем слабое подражание великим римским образцам.

Он любил высмеивать жадность как порок, видя, как богатела в его королевстве церковь и как наживались ее священнослужители, и придумывал жестокие шутки и розыгрыши, но при этом сам был до крайности жаден.

В его душе, с одной стороны, кипели первобытные страсти дикаря, и одновременно его постоянно тянуло к чему-то более высокому, пока еще ему недоступному. Этот внутренний разлад бесконечно раздражал и мучил его[29].

Единственно, где он ощущал себя всевластным господином, владыкой, богом, всецело повинуясь позывам своей низменной дикарской натуры, были женщины, его добыча. Все мало-мальски привлекательные девушки при дворе становились жертвами его неистовой похоти. Некоторых из них он возносил своими милостями на вершину королевского Олимпа, но вскоре охладевал к своим пассиям и принимался охотиться за очередной жертвой.

Наиболее постоянной его привязанностью была лишь одна служанка, дочь франка-простолюдина, чесальщика шерсти, которую звали Фредегондой. Красота ее была какой-то хищной и грубой, и именно это влекло к ней короля. Умная, ловкая, хитрая, умевшая в нужный момент уйти в тень, чтобы еще сильнее привязать к себе своего повелителя, она искусно носила привычную маску придворной служанки, когда была еще при бывшей королеве Аудовере, ныне сосланной в монастырь. Фредегонда спокойно переносила появление временных пассий Хильперика, всячески ухаживала за ними, узнавала их тайные недостатки и привычки, и выжидала, чтобы к месту вставленным словом в один миг уничтожить соперницу. Теперь, когда свою официальную жену король сослал в монастырь, Фредегонда была полновластной хозяйкой в королевском дворце.

И вот на свадьбе своего брата Хильперика впервые охватило смятение. Каким-то сверхчутьем он вдруг понял, что и там, где он мнил себя владыкой, его всевластие не безгранично. До него внезапно дошло, насколько он унижает свое королевское достоинство многочисленными случайными связями.

Сигиберт, этот мальчишка, молокосос, поступил правильно. Он повел к алтарю единственную женщину, выбранную им. И, главное, не просто женщину, а королевскую дочь!

Хильперик вдруг вспомнил, как низко склоняли перед ним головы придворные, демонстрируя тем самым и лесть и раболепие, но он знал, что у себя дома они не стеснялись распускать языки, проезжаясь по поводу его очередной связи с какой-нибудь новой пассией.

О, если б можно было эту галло-римскую знать, мнившую себя потомками римских патрициев, швырнуть на пол и топтать их льстивые морды, пока они не захлебнутся собственной кровью...

---

[28] Домен – в средние века земельные владения короля, на которые распространялась и его политическая власть.

[29] Епископ Григорий Турский (538-594), написавший "Историю франков", именовал Хильперика не иначе, как "этот Нерон и Ирод нашего времени". Но король был не таким уж злодеем, как его представил епископ. Он был компетентен в богословии, строил церкви и сочинял латинские стихи. Даже произвёл реформу латинского алфавита, введя в него три новых буквы (так франкам было удобнее).

Хильперик еще сам не понимал, откуда у него взялись такие мысли. Он не догадывался, что причиной их была молодая жена брата, Брунгильда, поистине высшее существо в глазах Хильперика, которая царила на этом пиршестве. Так вот они какие — королевские дочери…

Древняя кровь германцев заклокотала у него в жилах, в глазах помутнело, сами собой сжались кулаки... Схватить ее в свои объятья...

Нет, нет и нет! Он забывает о своем имени! Он — король! Тут нужно действовать по-другому...

Внезапно его осенила идея. Ему нужно жениться, как и Сигиберт, на королевской дочери и такой же, как эта. Да, да! Хватит с него распутных девок, развратных баб, хватит! Надо засылать послов. Но куда? У кого из этих гордых королей есть дочери на выданье?

О, тогда он сыграет свадьбу вдесятеро пышнее, чем у этого мальчишки Сигиберта! Он покажет этим монархам, что он ничуть не ниже их. Это он настоящий король! И у него Фортунат будет читать свои вирши, которые всех заставят побелеть от зависти! И главное — он удовлетворит свою королевскую страсть! О-о... Берегись гордячка-принцесса, его будущая супруга!

Как человек диких нравов, Хильперик был уже весь во власти этой мысли. Действовать, действовать, и еще раз действовать! Значит, так: сейчас нужно ехать домой, срочно собрать королевский совет и выяснить, у кого из королей христианского мира есть дочери на выданье. Потом выбрать самого знаменитого, самого могущественного из этих властителей и направить к нему послов, тоже знатных, с предложением от имени короля Хильперика его руки и сердца королевской дочери.

"Сейчас я владею одной четвертой частью Галлии, — думал Хильперик. — Тесть поможет мне осуществить заветную мечту: и мой дед, и отец были единоличными властителями всей Галлии. Кто же мешает мне пойти по их стопам? Женитьба на королевской дочери — первый шаг к этой желанной цели... Скорей домой!". И быстро покинув Мец, он уехал к себе в Суассон.

Глава четвертая,
в которой планы Хильперика терпят крах

В толедском королевском замке царило оживление. Туда из Меца прибыл Годвин. Он скакал и днем и ночью, преодолевая кручи Пиренеев, с посланием от Брунгильды, в котором та горячо благодарила отца за его мудрое решение и писала, что Сигиберт стал ей очень близок.

И действительно, за короткий срок один уже не мыслил себе жизни без другого. У них обнаружились общие интересы. Оба понимали толк в лошадях. Бок о бок, на двух сарацинских скакунах, они носились по лесным просторам окрестностей Меца. Они любили ездить без свиты, обоих увлекала возможность отдаться свободному бегу благородных животных, перебрасываясь друг с другом короткими репликами. Чтобы не привлекать к себе внимания людей из окрестных селений, они одевались по-простому: на Сигеберте были брэ — холщовые штаны темного цвета длиною чуть ниже колен, шенс — рубашка с длинным рукавом, с цветной каймой по вороту, подпоясанная узким цветным кожаным ремнем. С боку на перевязи висел изящный франкский меч. За плечами развевался короткий плащ — сагум — из шерстяной ткани. Обут он был в мягкие кожаные сапоги.

Брунгильда также надевала шенс, но более тонкой выделки, с вышивкой, и светлое покрывало, накидывая его на голову и скрепляя на груди золотой брошью с изображением животных. Ее талию перехватывал тонкий плетеный пояс из цветного бисера[30]. Когда какой-

---

[30]Марина Бобкова. История Франции для детей. М., РИА "Мой мир" и ЦТР МГП ВОС, 1999, сс.93-97

нибудь крестьянин, идя за плугом, вдруг становился свидетелем бешеной скачки этой красивой пары, он еще долго, словно завороженный, стоял и глядел им вслед.

Если о Брунгильде далеко шла слава, как о первой красавице тогдашнего мира, то Сигиберт нисколько не уступал ей. Высокий, с резкими чертами юношеского лица, он был весь порыв, весь движение. Он не мог наглядеться на свою молодую жену. Верхом ли на коне, дома ли, или когда та общалась со своими подданными — везде она была лучшая, первая, сверхпрекрасная!

Заехав, бывало, в чащу леса, Сигиберт и Брунгильда спешивались и долго сидели под каким-нибудь развесистым деревом, прижавшись друг к другу, внимая голосам природы. Птицы пели свою нескончаемую песню, сердито всхрюкивал кабан, неожиданно наткнувшись на эту парочку, олень застывал на месте, почуяв их присутствие. Но они сидели рука об руку в немом восхищении от своего слияния с природой.

Или, проезжая краем лесного озера, чуть подернутого утренней туманной дымкой, они, не сговариваясь, словно угадывая мысли друг друга, бросали лошадей и мчались к песчаной кромке, на ходу сбрасывая с себя одежды, и с размаху кидались в прохладную чистую воду. Начиналась шутливая возня, смех, они брызгались как дети, плавали взапуски, а потом, утомленные, растягивались на песке под теплыми лучами солнца, или стояли друг против друга в молчаливом восхищении своей красотой — великолепные статуи молодых богов, и только солнце позволяло себе смотреть на их наготу, ничем не оскорбляя их уединения.

Узнав, что Сигиберта никто по-настоящему не учил, Брунгильда с восторгом принялась за его образование, вспомнив свои уроки истории и литературы в родительском доме. Большую помощь в этом ей оказывал верный Годвин. Предварительно разобрав с ним художественные достоинства какого-нибудь произведения римской литературы, она затем уединялась с Сигибертом, и они оба погружались в глубины творений Лукиана[31], Сенеки, Юлия Цезаря[32].

Увлекшись, Брунгильда с восторгом рассказывала мужу о походах Цезаря, о его "Записках", посвященных Галльской войне. Ведь именно Цезарь положил начало галло-римской культуре, создал огромный, непобедимый Рим, один владел государством. И дед Сигиберта, Хлодвиг, отвоевавший спустя четыре века у римлян Галлию, тоже владел ею самолично, равно как и отец Сигиберта и трех его братьев король Хлотарь.

Однако привыкшей в отцовском доме к занятиям литературой, к общению в своем окружении с поэтами и учеными мужами, Брунгильде не хватало этой атмосферы в Меце. И тут до нее донеслись слухи, что стараниями одного провансальского аристократа созданы и успешно действуют литературные кружки в Арле, Авиньоне, Вьене, Бордо и Пуатье, в которых их участники обсуждали богословские и философские труды классиков древности и современников. Брунгильде захотелось узнать о них подробнее, она даже думала одно время поехать в Авиньон и самой поприсутствовать на тех дебатах, но каждодневные дела отвлекали ее все больше, и вскоре ей пришлось оставить свои благие намерении.

"Братья… Ух, сколько их — целых четыре: Сигиберт, Хильперик, Гонтран и Хариберт...", — думала Брунгильда, понимая, что отныне все свои мысли и действия ей придется подчинять требования государственной политики. Она научилась быть достаточно осторожной в

---

[31] Лукиан (ок. 120 или 125 – ум. после 180) – древнегреческий сатирик.

[32] Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н.э.) – римский диктатор, полководец.

высказываниях и в своем письме отцу ничего не писала о братьях своего мужа. Зато в письме Гальсвинте она дала волю чувствам:

"Хильперик-то, — писала Брунгильда сестре, — отправил свою жену Аудоверу в монастырь, а у самого четверо детей от нее: дочь и три сына! Теперь в женихах ходит, — ничего себе женишок! Он был у нас вместе с братом Гонтраном на свадьбе. Сам невысок, а руки длинные-длинные, как будто он что-то захватить хочет, глаза под лоб спрятались, шея короткая, словом, тот еще красавец! Все время вспоминаю нашу молитву, когда мы просили у Господа нашего милости — дать нам двух мужей-братьев! Нет уж, пусть лучше Вседержитель забудет о нашей просьбе, чем тебе выпало бы счастье заполучить вот такого же урода в мужья!"

* * *

А сам "урод", король Нейстрии Хильперик, в это время перебирал со своими советниками списки невест известных ему царствующих домов. С учетом положения, знатности рода, богатства, что для Хильперика было совсем не лишним, они остановились именно на принцессе Гальсвинте, дочери короля Атанагильда, старшей сестре Брунгильды. "Само Провидение расчищает мне дорогу! Близкое родство с королевским домом — кратчайший путь для осуществления всех моих задумок", — предавался мечтам Хильперик.

После всех расчетов и прикидок было решено отправить к королю Атанагильду посольство с предложением его дочери руки и сердца Хильперика, короля Нейстрии..

Посольство было незамедлительно составлено и тут же тронулось в путь.

* * *

"...А что про него рассказывают! — не зная о готовившихся событиях, продолжала свое письмо Брунгильда. — Ни одной женщины не пропускает, когда едет по своему королевству, сейчас же к себе в постель тащит. А еще у него есть постоянная любовница, Фредегонда, — из простых, но чем-то его взяла, она всегда подле него. Даже странно, что у моего Сигиберта такой брат. Впрочем, остальные два не лучше. Зная теперь такое, даже корю себя за то, что настояла тогда на совместной с тобой молитве Господу о нашем неразлучении. Бог лучше нас с тобой знает, кому что даровать. Даст и тебе хорошего спутника жизни, а что не брат он будет моему Сигиберту — разве нашей дружбе это помеха? Все равно будем мы всегда вместе, как и были. Не задерживай Годвина. Он — мой, и хотя мы часто с ним спорим по разным вопросам, без него все-таки какая-то пустота. Целую тебя крепко. Твоя Брунгильда".

* * *

Годвин торопился обратно в Мец, но Гальсвинта задерживала ответ сестре: она вновь и вновь переживала поведанное ей, подробно расспрашивала обо всем Годвина. Тот также подтверждал слова Брунгильды: Сигиберт хорош, не то, что его брат Хильперик. Тот внешностью совершенный козел, только рогов не хватает.

— Вот, — сказал Годвин, — недаром говорят: нельзя утруждать Господа нашими суетными просьбами. Не послушал он вас тогда, а что было бы, если бы внял? Пришлось бы вам стать женою этого мужлана!

— Нет, нет! — твердила Гальсвинта. — Наш Спаситель добр, просто он отнесся к нашей мольбе, как к глупой дерзости двух юных дев. Но все, тем не менее, свершится по его замыслу. Вот у Брунгильды красивый и добрый муж. Верю, что и меня Спаситель не обойдет своей милостью!

Во дворе замка неожиданно затрубили трубы. Кто-то приехал! Гальсвинта увидела, как ворота распахнулись, пропуская отряд пышно разодетых людей. Судя по чужеземному платью, они прибыли издалека. Кто они? Какое-то посольство? С какой целью явились?

Все выяснилось чуть позже. В Толедо прибыло посольство из Нейстрии, франкского королевства за Пиренеями. Нейстрийский король Хильперик просит у Атанагильда руки его дочери Гальсвинты.

Как?! Этот урод с паучьими лапами, похотливый развратник, брат Сигиберта просит ее руки? — Письмо Брунгильде осталось незаконченным.

"Боже! — билась перед иконой Заступника рода человеческого несчастная Гальсвинта, потрясенная неожиданным сватовством. — Неужели ты воспринял всерьез нашу полудетскую просьбу? Нет, нет, не такого брата я ждала в женихи! Забудь, отмени свое решение, мы, грешницы, умоляем тебя!"

Атанагильд крепко задумался. Он, конечно, хотел укрепиться в Галлии. Брак еще одной дочери предоставлял ему эту возможность. Но слухи о развратном образе жизни новоявленного жениха, этого недостойного христианина уже давно гуляли по Толедо, и это смущало королевское сердце. Такому человеку отдавать родную дочь, даже учитывая королевские интересы в Галлии…

Посоветовавшись со своей супругой Гоисвинтой, король принял решение. Он отказал прибывшим послам, сославшись на нехристианские поступки Хильперика, который нарушил церковный закон о браке: единственная женщина для государя — его супруга на троне.

Послы пробовали уговаривать короля, но тот был тверд. Хильперику было отказано в сватовстве.

После этого Гальсвинта наконец закончила ответ сестре:

"Боже! Благодарю тебя. Ты — добр, ты — милостив! Ты внял моей мольбе! Спешу сообщить тебе, сестрица, что отец отказал послам — меня не отдадут твоему свояку! Я жертвую на церковь сто солидов и прошу тебя, дорогая Брунгильда, сделать то же самое. Значит, и вправду наш Вседержитель добр, добр, добр!"

Закончив письмо, Гальсвинта отдала его Годвину. Тот спрятал послание Брунгильде в сумку и, полный новостей, умчался обратно в Мец.

Глава пятая,
в которой побеждает настойчивость и смирение перед Всевышним

Узнав, что его послы вернулись ни с чем, Хильперик пришел в ярость. Ему, королю Нейстрии, властителю четвертой части Галлии — отказано! И из-за кого? Из-за женщины! Как может *женщина*, пусть и королевских кровей, помешать акту государственной важности, каковым является королевская женитьба? Да еще его обвинили в нехристианстве, его, Хильперика, который, случалось, сам правил службу в соборе, который одаривал своих епископов землями и людьми?!

Он с позором изгнал послов из королевского замка и стал думать, как ему быть дальше. Но тут Хильперика отвлекли важные дела: умер его брат Хариберт, не оставив наследников. Нужно было часть его земель разделить между тремя оставшимися братьями.

Съехались, сговорились: Париж, где жил Хариберт, не делить, оставить достоянием всех трех братьев. Теперь уже Хильперик владел третьей частью Галлии, и в его голове засела лишь

одна мысль: надо во что бы то ни стало добиться согласия короля Атанагильда на брак с его дочерью, чтобы укрепить свое могущество и финансовое положение. Надо торопиться.

Лавры его деда Хлодвига, объединителя Галлии, не давали Хильперику покоя. Однако он понял, что кавалерийским наскоком здесь дело не решишь, надо действовать тоньше. Прежде всего, заботясь о восстановлении своего доброго имени благочестивого христианина, Хильперик изгнал из королевского замка всех молодых женщин и сообщил Фредегонде о своем решении порвать с нею. Та же еле упросила своего повелителя оставить ее, пускай самой последней служанкой у будущей королевы. Нехотя, Хильперик согласился. Затем он явился в собор и в присутствии архиепископа, положив руку на усыпальницу святого мученика Мартина, произнес торжественную клятву, что отныне он будет неукоснительно выполнять христианские законы и будет любить и почтить лишь одну единственную свою законную супругу.

И еще, правда, не без колебаний, Хильперик решил в качестве "утреннего дара"[33] после первой брачной ночи отказать своей будущей супруге в вечное владение пять городов — Бордо, Кагор, Лимож, Беарн и Бигор — и сделать так, чтобы весть об этом широко разнеслась по всему королевству и за его пределами. Потом он отобрал в новое посольство самых настырных, самых хитроумных вельмож и, приказав без согласия на брак не возвращаться, вновь отправил посольство в Толедо к королю Атанагильду.

* * *

На этот раз Атанагильд оказался в весьма затруднительном положении. Послы привезли письмо Суассонского епископа, в котором тот писал о чудесном перерождении короля Хильперика — из закоренелого грешника он, по словам епископа, превратился в праведника, давшего над усыпальницей святого Мартина клятву верности будущей супруге и обещание навсегда изгнать всех женщин из королевского замка. Самолюбие Атанагильда тешило и обещание передать будущей жене в качестве "утреннего дара" пять галльских городов. Немаловажным был и тот факт, что Хильперик владел уже не четвертой частью, а одной третью всей Галлии. Значит, у двух его зятьев — нынешнего Сигиберта и, возможно, будущего зятя, находилось бы уже две трети галльской территории! Это, как говорится, стоит обедни…

Однако, думая обо всех этих заманчивых перспективах в плане усиления своего собственного влияния, король не забывал о своей дочери — родная же кровь, какие уж тут обедни… Послав за принцессой, он долго беседовал с нею и, заканчивая разговор, окончательное решение оставил за Гальсвинтой.

Бедная Гальсвинта! Она поняла, что это не воля отца, нет! Это все-таки воля Всевышнего, к которому так неосторожно обратились в свое время сестры, моля не разлучать их. О, почему она не остановила тогда легкомыслие младшей сестры и сама пошла у той на поводу? И вот теперь Бог предстает перед ней суровым судией, не терпящим колебаний в определении людских судеб. К нему обратили молитву — он сделал так, как просили. Чего же от него хотят теперь?

Дни проходили в жарких молитвах Гальсвинты и ее матери, королевы Гоисвинты, которая и слышать не хотела об этом браке. Она любила свою дочь любовью самой верной, самой трогательной, и ей была ужасна сама мысль отдать Гальсвинту этому дикарю, этому развратнику, чтобы там ни пели о нем новые послы.

---

[33] "утренний дар" (Morgengabe) представлял собой по традиции дар, который муж вручал своей жене на следующее утро после свадьбы

А они тем временем не оставляли Атанагильда в покое, расписывая в своих медовых речах картины будущего, одну краше другой. Имея двух дочерей-королев, он будет влиять на всю политику Галлии до самых далеких берегов Рейна, до самых дальних пределов на северо-востоке, где начинались земли приморских славян. А "утренний дар"?! Пять городов — в полную собственность будущей супруге, и каких городов!

Атанагильд старался не поддаваться этим соблазнительным перспективам, уверяя послов, что последнее слово — за его дочерью.

Королева Гоисвинта настаивала:

— Скажи "нет", и разговоры будут окончены.

А Гальсвинта горячо молилась в это время, прося у Господа помощи.

И вот Он явил ей помощь свою. Гальсвинта, вдруг поняла глубину и мудрость божественного Промысла. Она сама поможет себе, Господь уготовил ей Деяние, избрал ее орудием своей Воли. Ей предназначено свыше свершить великое подвижничество — вывести этого заблудшего грешника на путь истинный, сделать из него ревностного христианина. Ей, слабому, беззащитному существу уготовано великое испытание — и она принимает его.

С этой минуты отчаяние ушло. Она поняла, что Бог в своей великой премудрости ответил на их полудетский призыв, и она наконец покорилась его воле.

С полным спокойствием в душе Гальсвинта пошла к отцу и сказала, что согласна. Мать едва не лишилась чувств, услышав ее решение. Атанагильд долго молчал, глядя на нее, потом крепко обнял: она сняла камень с его души.

На все вопросы матери — отчего такая перемена — Гальсвинта отвечала коротко:

— Так угодно Господу.

Нейстрийское же посольство незамедлительно отправило гонца в Суассон, чтобы сообщить Хильперику об успехе своей миссии.

Во дворце Атанагильда начались сборы к отъезду дочери. Отбирали наиболее сильных лошадей, самые крепкие повозки, в которые грузили богатое приданое Гальсвинты. Королевская казна по повелению Атанагильда не поскупилась.

* * *

Загнав лошадей, весь в пыли, измученный, гонец, когда прискакал в Суассон, только и успел вымолвить королю "Согласились!" и как замертво упал от усталости. Хильперик торжествовал. Он еще раз убедился, что все, чего он захочет, сбывается. Он король Нейстрии! Его воля — глас судьбы.

Он еще раз проверил, все ли готово к появлению новой королевы. Ни одной женщины не должно было остаться во дворце — таков был строгий приказ короля. И, несмотря на мольбы Фредегонды, в первую очередь приказ относился к ней.

Хильперик долго готовился к встрече с Фредегондой, все откладывая разговор, но понимал — его не избежать. Наконец такой разговор состоялся, и он сообщил ей свое окончательное решение. Оба молчали. В конце концов Хильперик вымолвил:

— Ты понимаешь меня?

— Я повинуюсь, — был ответ.

— Но скажи, я прав в этой ситуации? — пытался оправдаться перед нею король.

— Ты — осел, и скоро в этом сам убедишься!

— Но-но, не забывайся!

— Уж как-нибудь не забуду…

— Ты уже собралась?

— А тебя это волнует?

— Куда ты поедешь?

— Мест разных много.

— Я… я буду помнить тебя!

— Твое дело.

Тяжелый вздох любовника. Она позволила на прощанье обнять себя. Оба на секунду замерли в поцелуе — и все. Фредегонда исчезла.

* * *

В Толедо же королева-мать не могла успокоиться. Она просила нейстрийцев не торопиться и все откладывала отъезд Гальсвинты, стремясь продлить последнее дни общения с дочерью. Она не скрывала своего горя, разделяли его все и во дворце, но Гальсвинту будто кто-то подменил. На все выражения сочувствия у нее был один ответ:

— Так хочет Бог. Да будет святая воля его.

Она нашла в себе силы всячески утешать свою мать. Когда глава посольства решился напомнить, что пришло время отъезда, он был поражен видом двух женщин, застывших в немом объятии. Отъезд он задержал еще на два дня.

Глава шестая, в которой сестра Брунгильды Гальсвинта покидает отчий дом, выходит замуж за Хильперика и знакомится с его сыном, принцем Меровигом

И вот наступил день прощания. Тяжело груженые повозки одна за другой покидали дворец Атанагильда. Вооруженные всадники следовали за ними. Сам Атанагильд верхом сопровождал кортеж, Гоисвинта ехала в повозке и также провожала свою дочь.

Добравшись до моста через реку Тахо, король последний раз обнял свою дочь. Но мать не могла расстаться с Гальсвинтой. Она пересела к ней в повозку, договорившись с главой посольства, что проедет до следующего привала. Так, не выпуская друг друга из объятий, они доехали до очередной остановки на отдых. Когда пришло время двигаться дальше, Гоисвинта вновь заявила сопровождающим, что хочет побыть с Гальсвинтой еще хоть немного.

Так, от города до города королева-мать не могла расстаться со своей дочерью, и это вызывало почтительное удивление у непривычных к подобным чувствам нейстрийцев.

Они добрались до перевала через Пиренеи, и тут наступил момент окончательного прощания. Гоисвинте нужно было возвращаться домой. Оставаясь, казалось бы, спокойной на протяжении долгого пути, Гальсвинта не выдержала. Все ее чувства, которые она старалась подавить в себе, вырвались наружу. Не сдерживая рыданий, она приникла к матери, словно ища у нее последней для себя защиты. Окружающие застыли, потрясенные этим трагическим порывом.

С мукой оторвавшись от материнских объятий, Гальсвинта вновь обрела присутствие духа. Она в последний раз посмотрела долгим взглядом на мать, словно стараясь на всю жизнь сохранить в памяти ее образ — и они расстались. Навсегда.

* * *

Перевалив через Пиренеи, посольский кортеж вступил в пределы Нейстрии. По приказу Хильперика в каждом городе Гальсвинту ждала торжественная встреча. На центральных площадях толпились горожане, здесь же присутствовали нейстрийская знать — графы,

представители городской власти, управляющие провинций. Звучали торжественные речи, читались стихотворные приветствия.

Каждый раз всем сопровождавшим невесту короля приходилось менять походную одежду на парадную. Так же на парадную менялась и сбруя у лошадей.

Гальсвинта из своей повозки переходила в колесницу, походившую, скорее, на высокую башню, всю отделанную серебром и предназначенную для церемониальных торжеств. Фортунату была заказана приветственная ода, которой должны были встретить невесту короля в Руане, где предполагалось венчание. В ней поэт в присущем ему высоком стиле описывал великолепие колесницы Гальсвинты. Потом, словно спохватившись, он с удвоенным красноречием воздал хвалу и бесчисленным достоинствам самой невесты.

После пышной церемонии освящения брака в соборе состоялся еще один церемониал, придуманный Хильпериком. Желая выразить Гальсвинте особое почтение, он собрал перед королевским замком всех свободных франков города и окрестностей — от знатного сеньора[34] до простого воина, в полном вооружении. Выстроившись полукругом, они разом выхватили свои мечи из ножен и, трижды отсалютовав ими, громко провозгласили древнюю языческую клятву на верность своей новой королеве, посулив смерть каждому, кто эту клятву нарушит.

В подкрепление этого зрелищного церемониала, Хильперик публично повторил свое обещание соблюдать постоянство и супружескую верность. Вновь, как бы в подтверждение слов короля, засверкали мечи воинов. Но Хильперику хотелось произвести еще большее впечатление на гостей и Гальсвинту. Он подошел к массивному каменному кресту с изображением святого мученика Мартина, находившемуся в нише стены, и, прикоснувшись к нему рукою, повторил свою клятву: он никогда не покинет своей супруги и, пока она будет жива, не возьмет себе другой жены.

А затем в королевском замке началось свадебное пиршество. Приглашенные на свадьбу отметили про себя непривычное отсутствие женской прислуги в замке. Все делалось мужскими руками, но торжество, несмотря на это, вышло на удивление пышным и роскошным. Пиршественный стол ломился от разнообразнейших яств.

Среди высоких гостей был и брат Хильперика, король Сигиберт с супругой Брунгильдой. Той удалось урвать у Гальсвинты минуту-другую для разговора. Задыхаясь от внутренних рыданий, душивших ее, Брунгильда просила прощения у сестры за свою дерзкую просьбу, таким вот образом исполненную Господом. Но Гальсвинта твердо стояла на том, что ее замужество ниспослано как испытание, и она надеется с честью выдержать его.

Хильперик же с ужасом убедился, что его первое впечатление от красоты Брунгильды не только не угасло в ходе свадебных хлопот, но, напротив, усилилось, и его еще больше потянуло к этой женщине.

Гальсвинта во время свадебных торжеств поразила всех присутствующих своей кротостью, добротой и ласковостью по отношению к гостям. Она обходилась с каждым из них так, как будто была знакома с ним раньше. Одним она преподносила подарки, к другим обращалась с ласковыми и благожелательными словами. Все ее уверяли в своей преданности и желали ей долгой и счастливой жизни. Эта свадьба показалась гостям не менее пышной, чем свадьба Сигиберта с Брунгильдой. Но самый торжественный момент наступил на другой день.

---

[34] Сеньор (от *лат*. senior – старший) в Зап. Европе в средние века феодальный земельный собственник, имевший в подчинении зависимых крестьян, а часто и горожан.

Поутру, выйдя вместе с супругой из своих брачных покоев к толпившимся у дверей гостям и придворным, Хильперик, следуя древнему германскому обычаю, преподнес ей обещанный "утренний дар", сопроводив это особым обрядом. Взяв своей правой рукой руку Гальсвинты, и повернув ее ладонью вверх, левой рукой он бросил на нее соломинку, затем принял от советника пергаментный свиток и громко зачитал:

— Так как Господь повелел, чтобы человек оставил отца и мать своих и прилепился к жене своей, дабы оба они были едина плоть, и так как нельзя разделить тех, кого Господь соединил, то я, Хильперик, король франков, славный муж, преподношу Гальсвинте, любезной жене моей, с которой я сочетался браком, в качестве "утреннего дара" города Бордо, Кагор, Лимож, Беарн и Бигор со всеми их землями и жителями и желаю, чтобы отныне она владела ими, как своей личной собственностью. Воля моя закреплена этой грамотой, которую я передаю своей супруге и которая подтверждает то, что я свершил по старинному обряду.

* * *

"Милая моя сестрица, — писала Гальсвинта Брунгильде, — не знаю, когда попадут к тебе мои письма. Буду писать впрок, гонцов от нас в ваше королевство пока не предвидится, так что ты извини меня, если новости будут не очень свежими. Я часто вспоминаю наши дни в Толедо, какие мы были глупенькие — даже не представляли себе, как сложится наша судьба. Я не жалуюсь, нет, Господь в своей великой заботе обо мне, грешной, правильно начертал мой путь, но как же мне не хватает тебя…

Муж мой старается, чтобы мне было хорошо, я вижу это и понимаю, что ему тоже нелегко. Уж очень мы с ним разные. Детей его я покуда не видала. То, о чем ты меня предупреждала, я пока не чувствую. Фредегонды в замке нет, как и вообще нет никакой женской прислуги. Так он распорядился из-за меня.

И вот какой недавно произошел забавный случай. Однажды утром я решила осмотреть дворец, где сейчас живу. (Честно говоря, он больше похож на угрюмый замок — куда ему до дворца нашего отца!) Оделась попроще, как мы привыкли с тобой в Толедо, и отправилась в путешествие. Замок большой, но нелепо построенный, не знаешь, где вход, где выход. Только я вышла во внутренний двор замка, как вдруг дорогу мне преграждает какой-то мужчина и грубо так заявляет: "Откуда ты здесь взялась, женщина? Разве ты не знаешь, что король приказал, чтоб и духу вашей сестры здесь не было? Прочь отсюда!" И гонит меня!

Я ему говорю, что мне можно оставаться во дворце, что я — новая королева! Он сперва не поверил, стал насмехаться, говоря, что король каждую потаскушку называл королевой, а потом вдруг догадался, кто я, и что он слишком распустил свой язык, — и стал просить прощения, умолял, ползая передо мной на коленях, не рассказывать королю о своей ошибке. Насилу его успокоила.

Но на этом мои приключения не закончились. Иду дальше. Вижу — дверь. Отворяю ее, издалека слышится лай, и вдруг в залу вырывается огромнейший пес — и на меня! Я кричу, что есть силы, мне и правда стало страшно — такая громадина, вот-вот разорвет! Но все в руках Божьих. На мои крики откуда-то выскакивает мальчик лет двенадцати, бросается к псу, оттаскивает его и кричит: "Назад, Гукель! Назад! Это же своя, своя, ты что — не узнал?!" И пес сразу стих, совестно ему стало, что ли? Мальчик гладит его, уговаривает, и чудовище это до того смилостивилось, что даже лизнуло мне руку. Я поблагодарила мальчика, моего спасителя, спросила, как зовут. Он ответил — Меровиг[35]".

---

[35] В некоторых российских источниках также *Меровей, Меровег*. Это имя было довольно широко распространено среди франкских королей. Традиция называть мальчиков из знатных родов этим именем пошло от того, что самого первого легендарного франкского короля звали именно так.

— Так это, наверное, средний сын брата! — воскликнул Сигиберт, которому Брунгильда рассказала об этом случае с сестрой. — Оттого и собака его послушалась. Ты же писала сестре, что у Хильперика от бывшей жены Аудоверы трое сыновей: старший Теодеберт, средний Меровиг и младший Хлодовиг.

— Собака и мальчик, — с горечью произнесла Брунгильда, — единственные во дворце, кто признал Гальсвинту своей. Бедняжка! Да поможет ей Бог! Попрошу сестру поцеловать их обоих: и собаку и мальчика, — улыбнувшись, добавила она.

— Правильно! — одобрил Сигиберт. — Только поцеловать сперва надо парнишку. Он все-таки сын короля.

* * *

"…Новый человек появился у нас в Суассоне, — записал в своем дневнике епископ Претекстат, духовник короля Хильперика. — Даже удивительно, какую жену нашел для себя наш король. И скромна, и мила, и с именем Божьем на устах — такой королевы после Аудоверы у нас еще не было, да и были ли они у нас вообще после нее? Но для нашего короля такая жена — большое испытание. Как-никак, это королевская дочь. Из далекой Иберии, римское воспитание, образованная. Во имя этого брака король решил изменить весь быт в замке. Теперь у нас введены особые звания — шталмейстера (для конюшего), ловчего — для королевской охоты, сенешаля, то есть глашатая за пиршественным столом, королевского виночерпия, камергера-хранителя королевской опочивальни, плащеносца, натягивателя королевских штанов, только что главного сморкателя не хватает… Все это призвано придать королевскому титулу бóльшую значимость. Даже обыкновенные слова приспособили для этого: короли, оказываются, не просто ходят, а шествуют, не едят, а вкушают или, в крайнем случае, приемлют пищу. Если б наш король еще думал о том, что, вводя такой строгий чин при дворе, надо начинать с самого себя!..

Вот, к примеру, такой случай. Был в замке обед. Пригласили на него двух военачальников и поэта Фортуната — он у нас после свадьбы задержался. (При его ремесле покоя не жди: за гостеприимство надо отплачивать виршами!) Ручаюсь, что до обеда он уже побывал на кухне, вызнал, что нынче подают к столу. Обед, или, вернее, как теперь у нас принято говорить, королевская трапеза, началась в назначенный час. По новому чину король и королева сидят отдельно, на возвышении, остальные перед ними, за столом, и я в том числе. Впервые на обеде на дальнем конце стола присутствовали королевские дети.

Глашатай торжественно возвещает начало обеда. Трубят трубы. Под музыку появляется блюдоносец. На высоко поднятых руках он вносит первое блюдо. Глашатай объявляет: "Первое блюдо: оленьи почки под брусничным соусом".

Кажется, чего проще? Разноси и вкушай. Но недаром здесь присутствует Фортунат — зря, что ли, он получил образование, не где-нибудь, а в самом Риме. Он поднимается и, помогая себе классической жестикуляцией, не произносит даже, а почти поет:

Боги! Дивитесь — пируют так знатные франки.
Почки оленя! Брусника! Аромат источает подлива.
Это ведь только начало, и немало нас ждет угощений.
Вкус — вот главнейшее блюдо на королевском столе!

Король был чем-то омрачен, но, услыхав оду оленьим почкам, одобрительно кивнул: этикет за обедом соблюдался. Виночерпий с поклоном стал обносить вином, начиная с короля, хозяина дома. Тот поднес наполненный кубок к губам, и вдруг лицо его исказилось гримасой.

Муха, что ли, попала в кубок? В гневе он выплеснул содержимое кубка прямо в лицо виночерпия. Это было сделано в обычной для короля манере поведения. Он даже не замечает этого. Но королева в ужасе отшатнулась. Наверное, у них в Толедо с такими нравами были не знакомы. Видя ее реакцию, младший сын короля Хлодовиг, известный шалун и пересмешник, передразнил испуг королевы. Вышло забавно. Старший сын, Теодеберт, захохотал, а средний, Меровиг, украдкой дернул младшего — нарушаешь, мол, церемонию, невоспитанно себя ведешь. Тот сразу же в рев, нарочито. Король спрашивает — в чем дело? Младший указывает на Меровига — дерется!

"И это за столом короля?! Когда вас впервые позвали присутствовать на королевском обеде?! Вон!!" — ревет король.

Меровига словно ветром сдуло со своего места, и он исчез за дверью. Королева просит за него короля. Король смягчается.

"Вернись! — кричит он мальчику. — Сама королева просит за тебя!"

Но Меровига и след простыл.

"Никак не могу приучить этих волчат вести себя за столом прилично", — пожаловался тут Хильперик поэту, но тот сразу ему в ответ:

Все шло, как и должно, король.
Ты — закон и хранитель традиций.
Благо тебе, как отцу. Ты порядок умеешь держать.

Не знаю, удастся ли королеве внушить королю, что первый нарушитель приличий — он сам. Дело это весьма нелегкое. Посмотрим".

* * *

Если бы Претекстат знал, что Хильперику в тот момент было совсем не до таких мелочей… Он всецело был во власти бешеной страсти, бушевавшей в его сердце, которую пробудила в нем красота Брунгильды еще тогда, в день ее свадьбы с братом. И эти чувства занимали все его мысли, отодвигая Гальсвинту куда-то в тень, в даль, в небытие. Вместе с тем разумом он понимал, что женитьба на королевской дочери, сестре предмета его вожделений, ни на шаг не приблизила его к заветной цели — заиметь больше земель и Брунгильду в придачу. Единственное, что он мог сделать в этой ситуации, чтобы как-то дать выход затаенным чувствам, это как можно пышнее обустроить свой двор, чтобы хоть так почувствовать себя выше Сигиберта.

Хильперик понимал, что его тяга к Брунгильде — это нечто большее, чем животное вожделение наброситься на нее и удовлетворить свою похоть. Ее красота пробуждала у Хльперика давнишние мечты о гармоничном, идеальном, возвышающем его в собственных глазах и в мире. Но такой мир был абсолютно чужд его природе. Он страстно желал стать настоящим, как он себе представлял, королем, с важной поступью, с взвешенной изящной речью, с мудрыми поступками. Женитьба на Гальсвинте, получившей с детства именно такое воспитание, вроде бы давала ему возможность приблизиться к своему идеалу, но…

Как мучительно, как изнурительно было для Хильперика это раздвоение, эта постоянная борьба с самим собой. К буре чувств, терзавших его, примешивалась еще и не потухшая страсть к Фредегонде. Что за чары были скрыты в этой женщине! Ее отсутствие все больше и больше заставляло Хильперика вспоминать о ней. Какой изощренный у нее умом обладает эта женщина! Как легко ей удалось отстранить от него его бывшую супругу Аудоверу! Но церковь

выступила тогда против узаконивания его связи с Фредегондой. Слава Богу, браком с Гальсвинтой святые отцы, кажется, удовлетворены. На что уж суров его духовник Претекстат — наставник и учитель Меровига, и тот вроде доволен. Усердно помогает новой королеве в ее заботах о бедных, всячески благоволит ей. И она тоже входит в дела церкви, в дела наставника Претекстата — интересуется уроками, которые тот дает Меровигу. Только уж больно набожна, во всем обращается к Всевышнему. Но ничего! Пусть кто-нибудь посмеет сегодня заикнуться о былом разгуле короля. Сказать-то теперь и нечего! И народ поуспокоился со своими сплетнями. Народ, он любит, когда король живет с одной женщиной, особенно королевской крови! Кроме того, разве он не стал чуть ли не вдвое богаче после женитьбы? Едва ли не каждый день посещает он свои подвалы, обозревая сокровища, которых не пожалел для своей старшей дочери король Атанагильд! Нет-нет, все хорошо, он доволен своим браком, очень доволен, очень, очень! Только…

Глава седьмая,
в которой рассказывается о епископе Претекстате, его ученике Меровиге, "утреннем даре", кознях Фредегонды и о смерти жены Хильперика королевы Гальсвинты

"Стараниями нашей королевы все у нас только и говорят о красоте королевы Австразии, ее сестры, — продолжал свой дневник Претекстат. — О Брунгильда уже слагаются песни, о ней известно среди саксов Британии, и в Херсонесе, что на Понте Эвксинском[36]. Ходят слухи, что при дворе самого византийского базилевса[37] осведомлялись о ней — упустили невесту для наследника трона! Но Гальсвинта, эта простая душа, не понимает, что ей нужно поменьше говорить о сестре, а лучше вообще ничего не рассказывать, дабы не тревожить воображение мужа. Ведь поговаривают в замке, *каким* взглядом смотрел король на Брунгильду уже в день ее свадьбы с Сигибертом. А Гальсвинта, в простодушии своем, словно нарочно, все об одном: Брунгильда то, Брунгильда это… Поневоле воображение короля распаляется все больше, и встает перед ним эта Брунгильда, как живая!

Ну ладно, у короля свои дела… Но ведь и весь королевский двор находится под впечатлением добродетелей Брунгильды, щедро расписываемых ее сестрой. Я заметил, что даже маленький Меровиг и тот слушает, как завороженный, даже не рассказы Гальсвинты, а ее сказки, целые предания, легенды о Брунгильде! Это же себе во вред она делает, себя убивает, не ведая в святой простоте своей, что творит!"

* * *

Между тем Хильперику быстро наскучило свое вынужденное добродетельное поведение. К сожалению, и Гальсвинте, этой умной, образованной, чудесной женщине не удалось затронуть хоть какую-нибудь душевную струнку этого жадного, необузданного в страстях, в чем-то даже дикого человека, чтобы наставить его на путь истинный. По отношению к ней он исполнял свой супружеский долг — и только.

А ведь он привык совсем к другому! От каждой встречи с новой женщиной он жаждал райского ли, адского ли наслаждения, но чтобы оно непременно опустошало бы его до одури, до беспамятства. И только две женщины, Брунгильда — воплощение для него высокого духа, но одновременно и тайного вожделения, и Фредегонда — заманчивая плоть могли, как ему казалось, подарить такое блаженство.

---

[36] Понт Эвксинский (*греч.*) – Черное море.

[37] Базилевс (*греч.*) – царь.

Кроме того, он проклинал себя за непростительную для короля поспешность, когда, желая эффектно покрасоваться перед гостями на свадьбе, подтвердил "утренний дар" Гальсвинте — целых пять городов, да каких! Бордо, Кагор, Лимож, — пусть Беарн и Бигор поменьше — все равно, это города богатые, торговые, в них много жителей. И чего это он так расщедрился?

Природная скупость Хильперика теперь взяла свое, и его королевский жест стал причиной еще большего недовольства самим собой.

* * *

Настала пора рассказать и о самом Претекстате и его маленьком ученике, Меровиге. Галл по происхождению, как и большинство епископов, Претекстат отличался от франкского населения глубокой образованностью, что было характерно именно для галлов. Это помогало ему при решении запутанных житейских вопросов, с которыми к нему обращались прихожане.

Рукоположен в архиепископы Руана он был в 549 году. По своему положению епископ хранил целибат — был верен обету безбрачия. Он совершал церковные обряды, молился со своими прихожанами, исповедовал их, отпускал им грехи, крестил, венчал, отпевал, участвовал в разрешении многочисленных житейских проблем, мирил людей, управлял своей епархией, старался ладить с королем. Но в потаенном уголке своего сердца он страстно мечтал проявить заботу о маленьком человечке.

И неожиданно для него такое произошло.

Претекстат совершал обряд крещения второго сына Хильперика и Аудоверы — Меровига. Когда он погружал маленькое трепещущее тельце в купель, что-то дрогнуло в его душе, словно этот ребенок был его родным сыном. И вот он, его сын во Христе!

С той поры повелось, что до заключения Аудоверы в монастырь Претекстат пользовался любым поводом, чтобы повидаться со своим духовным сыном, узнать о его здоровье, о его успехах.

После пострижения его матери епископ окружил Меровига поистине отеческой заботой и любовью. Ведь все три королевских сына вырастали без материнской ласки, под злобным взглядом Фредегонды. Претекстат так привязался к Меровигу и так хотел, чтобы тот рос в атмосфере всеобщего добра и благожелательности, что если кто-нибудь из знакомых знатных богомольцев преподносил епископу от полноты чувств какой-нибудь дар, то тот старался тут же отдарить этого прихожанина. При этом он просил оказывать всяческое внимание и его духовному сыну Меровигу, растущему без материнского ухода и приязни. Претекстат, формируя душу своего воспитанника, одновременно был обеспокоен его будущим, поскольку считал этого красивого, одаренного мальчика слабым по характеру, что в те суровые времена могло осложнить тому жизнь.

Чтобы немного скрасить свое одиночество, восполнить нехватку общения с людьми своего уровня, Претекстат начал вести дневник, поверяя тому свои мысли и суждения, и прилежно отмечая большие и малые события в жизни королевского замка. По вечерам, зажегши свечу, он доставал из тайничка свой дневник и начинал скрипеть пером, и тогда все округ исчезало: он полностью уходил в события, о которых писал. В отличие от официальных хронистов эти записи были полны эмоций и нелицеприятных оценок.

Вот одна из них:

"Мы занимались с Меровигом наукой о движении чисел. Неожиданно нас посетила королева Гальсвинта. Пес Гукель, лежавший у наших ног, поднял было уши, но, почуяв знакомый запах, успокоился.

Королева извинилась, что помешала нам, но обещала, что отвлечет только на минуту. Казалось бы, что тут такого? Однако столько прелести было в ее манерах, столько доброты в голосе, что мое сердце сразу рванулось ей навстречу.

"Моя сестра, королева Брунгильда, — сказала она, — просила меня поблагодарить тебя, Меровиг, и твою собаку за то, как вы меня встретили — помнишь, тем утром, когда я испугалась? Ты назвал меня тогда своей, и пес лизнул мою руку. Сестра передает вам свой поцелуй. За вашу доброту!" С этими словами Гальсвинта поцеловала Меровига и, нагнувшись, бесстрашно коснулась губами влажного носа собаки.

Меровиг, который до этого стоял, как в столбняке, вдруг сорвался с места и выбежал из комнаты. Собака последовала за ним.

"Что это с ним?" — спросила королева.

"Я понимаю его, — ответил я, — он не выдержал взрыва своих чувств и застыдился этого. То, что королева Брунгильда среди всей своей славы и общего поклонения вспомнила о них — о мальчике и его собаке — слишком глубоко взволновало его. Ему нужно было остаться одному".

Королева задумалась.

"Я сорвала вам урок. Простите меня, — сказала она и добавила, — это хорошо, что мальчик чувствует так глубоко. Только каково ему будет, когда он вырастет? Думаю, наше время не для людей с такой тонкой душой. Ну да впрочем..." — и, махнув рукой, она вышла.

После этого визита королевы я заметил, что на Меровига произвело глубочайшее впечатление внимание Брунгильды, наложившееся на восторженные рассказы Гальсвинты о своей сестре. Свидетельством тому стало следующее.

Как-то раз я потерял его и никак не мог найти. Бродя по замковому подворью в поисках мальчика, я очутился у старых конюшен и обнаружил в уголке около стены выцарапанное на камне изображение женщины с короной на голове и исходящими от нее лучам, символизирующими, надо полагать, божественное сияние.

Я был знаком с рисунками Меровига, знал, как он изображает царственных особ, парадные выезды двора. На рисунке, сделанном, несомненно, его рукой, была королева Австразии Брунгильда. Видимо, ее прекрасной образ так глубоко запал мальчику в сердце, что о своих тайных чувствах он решил поведать лишь камню.

Почему я так люблю этого мальчика? Когда я крестил его, мне так захотелось прижать к себе это крохотное тельце, почувствовать биение его сердечка!

Даже странно, что у короля Хильперика с его характером и задатками мог вырасти такой сын, способный к глубоким человеческим переживаниям, эмоционально отзывчивый. Но в то же время я постоянно задаюсь вопросом: а принесет ли человеку радость такое движение души в наш век постоянных междоусобных войн, сопровождающихся жестокостью, предательством, коварством?"

* * *

Так прошел год с небольшим. Не выдержав разлуки, Гальсвинта попросила у мужа разрешения навестить сестру. Хильперик отказал ей. Что за глупость! Соскучилась! Много свободного времени, что ли? Навестить сестру! Ты — королева, у тебя у самой полно обязанностей, не забывай этого!

Прошло еще полгода. Гальсвинта объявила мужу, что она пригласила Брунгильду с Сигибертом навестить их, и те ответили согласием. Хильперик сперва опешил — такие визиты у братьев не были в обычае, и, кроме того, жена это сделала, не согласовав с ним, — а потом

даже обрадовался. Он покажет брату и его жене порядки, какие он завел у себя в Суассоне. Пусть увидят настоящий королевский обиход!

Вскоре о предполагаемом намерении посетить Суассон сообщил ему и Сигиберт. Была назначена дата приезда. Что поднялось в замке! Все приближенные, не зная ни дня ни ночи, все ремонтировали, чистили, приводили в порядок. Королевские дети были удалены — они главная причина нарушения благочиния, полагал Хильперик. Старший, Теодеберт, уже находился в армии, Меровига отослали к матери, в Манс, младшего, Хлодовига, спровадили куда-то еще. На кухне изобретались какие-то сверхъестественные, небывалые блюда. В общем, Суассон готовился показать себя в полном блеске. К тому же Хильперик задумал приурочить к приезду брата проведение ежегодных "Мартовских полей" — военных смотров, на которые собирались все взрослые свободные мужчины, чтобы продемонстрировать свое умение владеть оружием. Этот смотр, по мысли Хильперика, должен был произвести на Сигиберта большое впечатление.

Наконец австразийские король и королева прибыли. Гальсвинта и Брунгильда бросились навстречу друг другу и крепко обнялись. Хильперик встретил брата, как ему казалось, со всем королевским величием, но, на самом деле, он был сражен, убит, уничтожен — так на него снова подействовала красота невестки. Она же, ничего не замечая, вела себя с ним запросто, по-родственному. Но Хильперик разом потерял покой, все время сравнивая свою жену с ее сестрой, Брунгильдой. Вот кто в его глазах была настоящей королевой!

Сестры проводили время, не разлучаясь, они как бы заново переживали пору своей юности в Толедо. А Хильперику все никак не удавалось улучить минуту, чтобы остаться наедине с Брунгильдой, дать ей понять, как дорог ему ее приезд, какой восторг она у него вызывает. А тут еще этот дурацкий случай: Брунгильда, страстно увлекавшаяся лошадьми, затеяла верховую прогулку. Сигиберт, как вежливый кавалер, подсадил Гальсвинту на коня. Хильперик, решив не отставать от брата, попытался в свою очередь помочь Брунгильде. Но секундное прикосновение к ее телу вызвали в нем такой прилив страсти, что его руки отказались повиноваться ему, и вместо того, чтобы галантно помочь австразийской королеве сесть в седло, он упустил ее, и Брунгильда оказалась на земле.

К счастью, падение было неопасным, и Брунгильда, весело рассмеявшись, сама вскочила на коня и пустила его вскачь. Свита тактично отвела глаза от этой сцены, отчасти щадя самолюбие своего короля, но более всего из-за опасения, что тот может припомнить им невольное свидетельство своего конфуза. Ну, как же! Властитель Нейстрии, человек, славившийся, как он сам считал, своим куртуазным обхождением с женщинами, — и вдруг так постыдно опростоволоситься, да еще на глазах приближенных! Побагровев от досады и гнева, Хильперик взял коня в шпоры, догнал Брунгильду, стал как-то оправдываться перед ней, но та на все его объяснения лишь заливалась смехом и продолжала нестись вперед.

Однажды вечером, накануне отъезда Сигиберт развлекал Гальсвинту в гостевой зале каким-то рассказом. Брунгильда на короткий миг оказалась в своих покоях одна. Хильперик решил воспользоваться этим моментом и, войдя в ее покои и забыв все приличия, сразу же выпалил:

— Я хочу тебя, сестрица! Потому-то я и уронил тогда тебя, помогая сесть на лошадь. Мои руки дрогнули, как только я прикоснулся к тебе. Умоляю, ответь на мои чувства! Один раз — и все! Один только раз!..

Брунгильда сперва не поняла его. А когда до нее дошел смысл сказанного, то она сперва думала возмутиться, а потом расхохоталась: так нелепо выглядел вспотевший от напряжения,

красный, словно рак, Хильперик. Она так смеялась, что Хильперик почувствовал себя не мужчиной, а ничтожеством, пылью, никем… Такого унижения он никогда еще не испытывал. Подошедшие к ним Сигиберт и Гальсвинта захотели узнать причину такого веселого смеха Брунгильды, на что та мгновенно выдумала какую-то смешную историю, и продолжала заливаться смехом. Она поняла, что случившееся — тайна, которую она должна скрывать от всех, и в первую очередь от Гальсвинты и Сигиберта.

Прощание сестер даже трудно описать. Брунгильда была в полном отчаянии: она поняла, в каком аду будет теперь жить ее сестра. И как помочь ей — неизвестно. А Хильперик замкнулся. Обида, нанесенная ему Брунгильдой, жгла сердце. Ему отказали! На его страсть ответили смехом!

* * *

Прошло еще полгода.

Полный тяжелых мыслей, Хильперик возвращался однажды после охоты в Суассон. Он ехал один, свита немного отстала. Он был даже доволен — ему хотелось побыть наедине с самим собою. Все последнее время его терзало оскорбленное самолюбие: его чувства отвергнуты, и кем?! Женщиной, которой он признался в самом сокровенном! Душа его отныне была опустошена, и в голове билась лишь одна мысль — отомстить!

Прикрыв глаза, он вызвал в своем воспаленном мозгу образ Фредегонды. Он понял, что тоскует по ней, что ему ее не хватает. Внезапно впереди под деревом он заметил какую-то одинокую фигуру. Женщина! Он подъехал поближе и вздрогнул: это была Фредегонда. Хильперик не стал задаваться вопросом, как она здесь очутилась, откуда прознала, что он будет возвращаться с охоты именно этой дорогой.

— Где пропадала? — хрипло вырвалось у него.

— А что, искал? — с вызовом резанула она в ответ.

Он тотчас же назначил ей встречу в неприметном домике рядом с провиантским складом, который использовался для отдыха королевских гонцов после их длительных поездок.

Приехав в замок, Хильперик был оживлен, показывал охотничьи трофеи, но, общаясь с Гальсвинтой, весь был уже там, где условился увидеться с Фредегондой.

Улучив минуту, он помчался на место свидания. Ее не было! Он ждал в нетерпении — она не приходила. О, сладостное проклятие! И как все это время он мог существовать без нее?! Ведь они оба предназначены для вкушения райских наслаждений, и сейчас для него Фредегонду никем не заменить. Даже мысль о мести гордячке Брунгильде отошла куда-то на второй план.

Фредегонда так и не появилась, словно провалилась сквозь землю. Король рвал и метал, слуги жались по углам, стараясь не попадаться ему под руку, Гальсвинта не могла понять, что происходит с супругом.

"Милая сестрица, — писала она Брунгильде, — чем-то прогневила я Господа. Никак только не пойму, чем. Что-то сердится мой муженек. Вчера придрался, что я не даю ему заснуть, а я молилась перед сном, как всегда. Теперь хочет спать отдельно, в другой опочивальне. Не могу понять — почему?"

Через неделю Хильперик снова увидел Фредегонду — она пересекала внутренний двор замка. На этот раз он не дал ей ускользнуть. Затащил в какой-то сарайчик и дал волю своим страстям. Расслабленный, он смотрел потом сквозь дырявую крышу на звезды и ему казалось, что он вернулся в свой уютный, обжитой дом, каждый угол которого дышал чем-то привычным, близким. Мысли о достойной мести Брунгильде как дурной тяжелый сон снова куда-то исчезли.

— Ну что — спросила его Фредегонда, — стоит *это* короны?

Он молча зарылся лицом в ее тело. Она же, гибко выскользнув из его объятий, накинула платье и в одного мгновение растворилась в ночи. Казалось, что она просто дразнит его своими исчезновениями, доводит до исступления от неутоленной страсти, заставляет ради нее пойти на что угодно.

От этих постоянных поисков Фредегонды Хильперик распалялся все больше, его прошлые душевные терзания, связанные с домогательством Брунгильды, стали казаться ему просто блажью. Чего он добивался, о чем мечтал? Ведь вот же рядом желанная женщина, и без нее ему нет жизни! И она же придаст силы, чтобы отомстить Брунгильде за его унижение.

В это время Гальсвинта писала сестре: "Не знаю, что и подумать. Советовалась о своих отношениях с супругом со святым отцом Претекстатом. Его совет — потерпеть".

А Хильперик вновь выследил Фредегонду. И, как в прошлый раз, почувствовал себя в ее объятьях на вершине блаженства, которое затем погружает мужчину в состояние сладостной полусмерти.

— Ну, так что? — жестко прозвучал в этот момент ее вопрос.

В ответ он едва не задушил ее в объятиях.

— Тогда *думай*! — прошептала она, и ее слова прозвучали для него приказом.

Он стал думать. С Гальсвинтой все не просто. Она — королевская дочь. Он не может сослать ее в монастырь, как Аудоверу. И какой бес тогда его толкнул — подавай ему королевскую дочь! Вот и распутывай теперь этот Гордиев узел, который сам же и завязал!

Тем временем отношения с Гальсвинтой становились все хуже и хуже. После встречи с Фредегондой Хильперик шел на супружеское ложе, как на плаху. И вдруг он понял: Гальсвинта Фредегонда — вот тот удар по Брунгильде, которого жаждала его душа! Смертельное оскорбление ее сестры лишит гордую красавицу покоя. И сделать против него она ничего не сможет! Эта мысль придала ему новые силы. Последние нити, связывавшие его с Гальсвинтой, рвались.

Между тем послания сестре от его несчастной супруги становились все отчаянней: "Он ненавидит меня и как бы торжествует в своей ненависти!" — писала она Брунгильде. Но чем та могла ей помочь? Написать правду о Хильперике невозможно. Да и что бы это дало?

Брунгильда металась в своем дворце, часто одна садилась на коня и уносилась далеко за пределы своего замка, предаваясь тяжелым мыслям. Сигиберт терялся в недоумении: что случилось с его любимой супругой? А она лихорадочно думала, что же ей делать. Рассказать все мужу? Но, зная об уважении, которое питал ее муж к старшим братьям, она понимала, что это бессмысленно.

Бог, исполняя просьбу, выраженную в ее совместной с сестрой молитве о том, чтобы не разлучаться, так закрутил их родственные узы, что впору было повеситься.

"Я просила у мужа, раз я ему не нужна, — было в следующем письме Гальсвинты сестре, — чтобы он отпустил меня в Толедо, к родителям. Мое приданое пусть остается здесь, только бы меня отсюда выпустили! Я готова принять свой позор. Боже, прости меня! Я оказалась недостойной твоих замыслов, я не сумела... Спаси меня!.."

В одно из последних свиданий с Хильпериком Фредегонда, еще не дав тому даже приблизиться к ней, требовательно подняла брови:

— Ну и что?

— Я все решил. Но что мне нужно делать и, главное, как?

— Будь ласковым с женой!

— Ласковым?!

— Так надо!

Скрепя сердце, Хильперик повиновался приказу Фредегонды, начав оказывать внимание жене. Он даже вернулся на супружеское ложе. И немедленно в Мец полетело письмо:

"Милая Брунгильда! Забудь все, что я тебе до сих пор писала. Господь внял моим мольбам. Мой муж снова очень обходителен и нежен со мной. Мне стыдно за мои слова о нем. Я возношу хвалу Господу нашему за все, что он для меня сделал! Буду писать тебе еще и еще!".

Это было последнее письмо Гальсвинты сестре. С очередным гонцом оно было немедленно переправлено в Мец.

А вскоре Хильперик получил от Фредегонды новый приказ: отправляться на охоту с ночевкой. Прощаясь с женой, он не подозревал, что видит ее живой в последний раз.

На следующий день, когда король к вечеру вернулся с охоты, весь двор был в потрясении — утром королева не поднялась со своего ложа. Спустя некоторое время испуганные слуги осмелились заглянуть в ее покои — Гальсвинта была мертва.

Какое бы отчуждение ни испытывал Хильперик по отношению к своей супруге, но он содрогнулся при виде ее мертвого тела. Молнией пронеслась мысль: он сообщник преступления! Глаза покойной оставались открытыми, и казалось, что их потухший взор смертельным укором обращен к королю. Нетвердой походкой он приблизился к одру Гальсвинты и смежил ей очи.

Отправив гонцов с известием о внезапной кончине Гальсвинты в Толедо и Мец, Хильперик, чтобы сохранить лицо, тут же во всеуслышание отдал приказ начать дознание. Стража и ближайшие слуги королевы были немедленно арестованы. На допросе охрана показала на слугу, который имел беспрепятственный доступ в покои королевы и потому не вызывал у охранников каких-либо подозрений. Тот, видимо, воспользовавшись своим положением, проник в опочивальню королевы и там задушил ее.

Слугу схватили. Под жестокими пытками он не проронил ни единого слова о том, почему он это сделал, и, главное, кто стоял за этим убийством. Сочтя, что в него просто вселился дьявол, слугу приговорили к мучительной казни. Когда убийцу уже тащили к месту ее проведения, он увидел в толпе любопытствующих зевак Фредегонду. На секунду она уловила его торжествующий взгляд, который как бы говорил ей одной: "Ты была моей, ты, королевская шлюха! Я принимаю эту жестокую расплату за миг наслаждения с тобой!"

Спустя всего восемь дней после гибели Гальсвинты Хильперик сделал Фредегонду своей официальной супругой и королевой Нейстрии.

Глава восьмая, повествующая о назначении Претекстата епископом в Руан и суде над королем Нейстрии Хильпериком

Похороны Гальсвинты были организованы по самым строгим церковным канонам. Суассонский епископ служил одну заупокойную мессу за другой. Король приказал казне раздать бедным большую сумму. Всем казалось, что он безутешен.

Проститься с Гальсвинтой собралось множество народа. Ее успели полюбить, ценили за ласковое отношение к простым людям. Толпа приглушенно гудела, люди тихо переговаривались, недоумевая, зачем понадобилась лишать жизни эту кроткую, столь

отзывчивую на чужие страдания женщину, их королеву? И тут же у людей, которые хорошо знали истинный нрав своего правителя, зародилось твердое убеждение: виновники смерти королевы — Фредегонда и Хильперик.

Того же мнения придерживался и Претекстат. Строки его дневника полны гнева: "Внешний чин был соблюден — никто не мог придраться: слуга, повинный в смерти королевы, был схвачен и казнен, но все понимают — тут действовала рука Фредегонды с благословения короля.

На наших уроках Меровиг — бледный, напряженный, смотрел на меня в ожидании — что я скажу? Но я молчал. Голословно обвинять его отца? Я не мог этого сделать. Не мог!

А мальчик все понял сам. Он вдруг исчез. Нашли его только на третьи сутки в лесу. Он был оборван, взгляд безумен, его всего трясло. Я уложил его в постель, стал отпаивать травами.

"Меровиг! — сказал я ему, когда он пришел в себя. — Бывает в жизни так, когда на зло нельзя отвечать таким же злом. Сейчас у нас нет прямых доказательств, чтобы схватить настоящих убийц за руку. Копи силы, сын мой, воспитывай в себе твердость духа. Закон должен покарать истинного преступника. В этом я твой верный помощник". — Он вскочил. Глаза его засверкали. "А там, — и он указал рукою вверх, — знают?" — "Там знают все, — был мой ответ. — Зло будет наказано".— Он горячо припал к моей руке.

Я молился долго — один, выпрашивая у Всевышнего прощения. Я не мог сказать правды этому подростку!

После убийства прошло уже два месяца. На днях состоялся разговор короля со мной. Старательно избегая моего взгляда и сам пряча глаза, он стал распространяться о моих достоинствах, много говорил о том, как высоко я ценил добродетели покойной (тут его голос дрогнул), о моих уроках с его сыном, о том, какие высокие основы нравственности заложены мною в его молодую душу... Я все ждал, чем он закончит.

Под конец аудиенции король объявил, что за все мои заслуги я достоин более высокого поста, и назначаюсь епископом в Руан. Не выдержала у человека совесть! Не смог он держать при себе безмолвного обвинителя!

Король замолчал в ожидании от меня потока благодарностей.

Молчал и я. Принять это высокое назначение или отклонить? Оставить Меровига в обществе убийц? Но чем я смогу ему помочь? Может, из Руана мне легче будет это сделать? Ведь мальчик растет. Вскоре ему не понадобятся мои уроки. И я решился. Поблагодарив короля за лестную оценку моих трудов, я сказал, что согласен на свой перевод в Руан. Бедная Гальсвинта! Я предал тебя!

А в народе шепчутся о чуде, случившемся в часовне, где она нашла свое вечное успокоение. Лампада, подвешенная над ее гробницей, внезапно сорвалась с крюка и упала, не разбившись, на пол, выложенный светлыми плитами из песчаника. Вытекшее из нее масло, глубоко впиталось в камень, и контуры этого пятна в точности повторили профиль покойной королевы, словно силы небесные стремились навечно запечатлеть образ злодейски погубленной жертвы".

* * *

Весть о смерти Гальсвинты, достигнув ее родителей, потрясла их. Они были вне себя от горя. Атанагильд даже намеревался в какой-то момент двинуться в Нейстрию с войском — добывать правду о кончине дочери. Супруга его, Гоисвинта, не в силах перенести смерти дочери, с которой она, словно предчувствуя беду, так не хотела расставаться, в безутешной тоске стала чахнуть и вскоре угасла.

Для Брунгильды же смерть сестры была подобна удару бича. Перед ее глазами проносились картины их безоблачного детства под крылом заботливых родителей, совместные занятия с Годвином, на которых они постигали ученые премудрости и упивались римской поэзией, наконец, их молитва, обращенная к Всевышнему, на которой настояла она, Брунгильда. Все это свилось в единый горький комок, который давил, не давал дышать. Словно разъяренная львица предстала она перед Сигибертом с требованием немедленно поднять войско в поход против Хильперика, чтобы тот страшной казнью заплатил за совершенное злодейство.

Будучи весь во власти чар своей красавицы жены, Сигиберт не стал долго раздумывать, кликнул клич своим воинам, вскочил на коня и двинулся в поход на Нейстрию. Но тут вмешался их третий брат, Гонтран. Напуганный угрозой братоубийственной войны, он выехал навстречу войску Сигиберта и стал того увещевать решить дело судом на основании древней "Салической правды"[38], не беря в руки меч мстителя.

Впечатляющая картина "народного собрания", которое будет состоять из сотен свободных франков Австразии, Нейстрии и Бургундии, собравшихся на холме с обнаженным оружием, как того требовала древняя традиция, увлекла воображение молодого короля, и он дал согласие на такой суд. Сорок дней потребовалось, чтобы разослать гонцов и собрать будущих судей — от простого воина до вельможного сеньора — рахинбургов ("добрых людей")[39], которые должны были вынести свой вердикт относительно виновности короля Нейстрии.

Узнав о решении Сигиберта, Брунгильда была вне себя.

— Вы варвары, дикари! — кричала она мужу. — Что гласят ваши салические законы? Они принижают человеческую жизнь, приравнивая ее к горсти солидов! Я видела эти позорные расчеты: кто кому ухо оторвет — с того пятнадцать солидов, нос — тот уже на сорок пять тянет. А за убийство раба только самый малый штраф — вергельда не заслужил! За франка — двести солидов вергельда, а за лицо, допущенное к королевскому столу, — шестьсот, и так далее! Милую, кроткую Гальсвинту, королеву, погубленную низкими убийцами, менять на деньги?! Позор!

— Чего же ты хочешь? — спросил ее Сигиберт.

— Зло необходимо уничтожать повсюду, где только можно, но перед этим оно само должно пройти все муки ада, чтобы никому впредь неповадно было его творить!

— Я уже дал свое согласие на суд, — только и сказал ей в ответ Сигиберт.

* * *

Суд собрался не на холме, как это представлялось Сигиберту, а во дворце Гонтрана в Бургундии. Судей было несколько сотен — вельможные сеньоры и суровые, закованные в железо воины с обнаженными, согласно древнему правилу, мечами, готовые вершить судьбы людей, независимо от того, какое место те занимают на земле. На этот раз ответ перед ними

---

[38]Еще король Хлодвиг I, владетель всей Галлии, приказал в начале VI века н.э. записать на латинском языке старинные обычаи франков, и этот сборник уложений назвали "Салическим законом" или "Салической правдой" (от латинского слова "salum" – море, где жили приморские франки). В нем подробно перечислялись штрафы за самые разнообразные преступления – от кражи курицы до убийства человека, за которое полагалось уплачивать не простой штраф, а *вергельд* ("возмещение за жизнь"). Размеры вергельда зависели от того, кто был убийцей, и кто – убитый. Этой же Салической правдой регламентировались и цены на скот: так, "здоровая, зрячая и рогатая" корова, стоила в те времена 3 солида. В конечном же счете, сам король определял, какие обычаи нужно записывать в этот свод законов, а какие – нет.

[39] Rachimburgii Коллегия выборных заседателей на народном судебном собрании у франков в V-VIII вв. Знатоки правовых норм, судебных обычаев франков.

будет держать сам король Нейстрии. Он должен снять с себя обвинения в пособничестве гибели своей жены.

Слушания длились долго. Слуги уже в который раз меняли на стенах выгоревшие факелы, а Хильперик изо всех сил пытался отвести от себя прямые обвинения в организации убийства своей супруги. Но слова его звучали неубедительно, он путался даже в простом изложении случившегося. А уж главным свидетельством его причастности к убийству было его скоропалительная женитьба на Фредегонде. Это был прямой ответ на один из основополагающих вопросов римского права при расследовании таких дел: "Cui prodest?" — Кому выгодно?

Оправдаться королю Нейстрии не удалось. Рахинбург, председательствующий на суде, дал знак воинам, и в зале грянул гром от удара мечей о щиты, предварявший единогласный вердикт: "Виновен!" Далее суд должен был установить размер пени, то есть штрафа, налагаемого на нарушившего Салический закон. Но дело здесь осложнялось тем, что в законе, при перечислении лиц, за смерть которых полагался вергельд, ничего не говорилось о лицах королевской крови. Составителям этого закона и в голову, вероятно, не приходило, что могут найтись люди, которые осмелились бы посягнуть на особу, носящую столь высокий титул. На это упущение в законе Хильперик и рассчитывал.

Но решение суда было вновь единогласным: "утренний дар" Хильперика своей супруге Гальсвинте, а именно, пять городов — Бордо, Кагор, Лимож, Беарн и Бигор — со всеми их землями и жителями, отданные в вечное ей владение, должны ныне перейти из-под власти нейстрийского короля и поступить в вечное и потомственное владение ближайшей родственнице покойной — сестре ее, австразийской королеве Брунгильде.

Снова загремели мечи, подтверждая решение суда.

Хильперик сидел на своем месте, как пригвожденный, будучи не в силах оправиться от решения суда. Такого приговора он не ждал. Отобрали все пять городов! А особенно Бордо, Кагор и Лимож! Он в растерянности стал оглядываться вокруг, словно ища поддержки, но тщетно. Всюду его взгляд наталкивался на суровые, неприступные лица судей. Он поник головой. Пришлось подчиниться суду.

Согласно древнему правилу и подсудимый и председательствующий на суде поднялись со своих мест, приблизились друг к другу и обменялись ветками вечнозеленой туи длинною в локоть, которые держали в руках, в знак того, что решение суда окончательное и оспариванию не подлежит. И вновь раздался гром мечей.

Гонтран был доволен. Он не дал разгореться междоусобной войне между братьями. Был установлен мир…

Глава девятая,
в которой говорится о попытках Хильперика вернуть себе часть "утреннего дара", осаде Турнэ и мечтах Брунгильды о единой Галлии

Чернее тучи вернулся Хильперик в Суассон и заперся у себя в покоях. Свет ему был не мил. На каждом шагу все напоминало о его неудачной затее. Погнался за королевской дочерью?! Вот и кусай теперь локти. Пять городов! Два — так себе, но три других! Будто кусок мяса вырвали из груди. Почему счастье улыбается Сигиберту, а не ему? А теперь еще этот суд…

Брунгильда тоже была недовольна всей этой историей с судом и поведением на нем Сигиберта. Да, он воспитан в почитании старших братьев, в уважении к закону. Он честен, прям, и его не заставишь вступить в противоборство с братьями. Но мир должен знать: нельзя

человеческую жизнь оценивать деньгами. Нельзя совершать злодейства и после этого обмениваться какими-то веточками! И вообще, нужно покончить с этими лоскутными удельными королевствами. Вся Галлия должна быть единым государством с одним человеком во главе — императором Сигибертом!

Эти мысли постоянно гнали ее из замка в лес, в поля, где она в одиночестве, отпустив поводья коня, старалась разобраться во всем, что произошло за последнее время. Иногда она надолго задерживалась, и тогда Сигиберт скакал по знакомым местам в поисках жены. Он находил ее, брал на руки, притихшую, опустошенную и своими поцелуями пытался успокоить.

Время шло. Отношения между супругами становились крепче, нежнее. Помимо совместных верховых прогулок они наслаждались музыкой бродячих музыкантов, небольшими спектаклями, которые разыгрывались молодежью под руководством Годвина. Они смеялись, когда те показывали старую комедию, в которой римские властители сравнивались с ненасытными гарпиями, оскверняющими все вокруг: уж слишком прямые аналогии с современными вельможами вызывала эта пьеса. Они заслушивались чтением вслух римских поэтов. По их приглашению в Меце частенько гостил поэт Фортунат. С большим интересом они ездили смотреть на работу художников-камнерезов, из под рук которых из темно-розового туфа появлялись великолепные по изяществу и выразительности статуи и элементы украшения для строящегося нового собора в Меце.

Но когда Брунгильда родила сына, которого назвали Хильдебертом, обожание супруги у Сигиберта достигло своего апогея. Он повиновался любому ее слову. В отличие от франкских вождей, он много времени проводил у колыбели маленького принца, будущего наследника трона австразийских королей, мечтал с женой о его будущем.

Будущее! Брунгильда строила планы на ближайшую перспективу и делилась с супругом своими мыслями. Сигиберт кивал головой, говорил, что объединенная Галлия под единым началом была бы куда могущественнее нынешних отдельных королевств, но своего уважения к закону, к авторитету старших братьев переступить не мог.

* * *

Так прошли три года.

"Кончается уже третий год, как я в Руане, — отмечал в своем дневнике Претекстат. — Дел оказалось очень много: во всей епархии пришлось наводить порядок. До меня епископа здесь не было четыре года, и всем заправлял некто Мелетий, человек в высшей степени нечистоплотный — взятки, поборы, женщины и так далее, кроме того, по слухам, доверенное лицо (а, может, и не только) Фредегонды.

Что же касается отношений с паствой, то я понял: найти общий язык со своими прихожанами — значит не жалеть себя, вникать в любую мелочь самому, и главное — искать путь к сердцу каждого человека, в каком бы высоком или самом скромном чине он ни был.

Употребляю все силы на устройство семинарии: набрал нужное количество юношей. Надеюсь, что удастся воспитать из них себе помощников. Это главная моя задача — готовить священнослужителей из народа!

Не могу забыть Гальсвинты. Вот кто достойно мог бы занять место аббатисы любого, самого известного монастыря. Но судьбой ей был уготован иной путь. Молюсь за упокой ее души ежечасно. Ее доброе, милое лицо все время передо мною. Ведь она была со мной откровенна, просила совета, терзалась неведением относительно резкого изменения отношения к ней мужа. Мне бы тогда понять, что король не оставил своих амуров с Фредегондой, что от нее может исходить смертельная угроза нашей королеве. Я должен был предупредить это

злодеяние, указать королю, какого демона он приблизил к себе. Это не женщина, а настоящая змея, и она будет требовать себе все новых и новых жертв!

Меровига я видел мельком всего раза два. Он растет, превращается из подростка в юношу. Поговорить с ним не удалось.

Как я люблю этого мальчика! Он занимает мои мысли... "

И снова дневник Претекстата:

"Я так и думал, что Хильперик не смирится с потерей своих пяти городов — штраф за смерть Гальсвинты. Он терпел, терпел — и не выдержал.

Поручив своему младшему сыну Хлодовигу возглавить военный отряд, он послал его, чтобы вернуть себе хотя бы один город. Хлодовиг с отрядом пошел на Бордо. Представляю, как Брунгильда кинулась к Сигиберту: "Твой брат нарушает решение суда! Поднимай войско!"

Но дело кончилось без войны — смехом. Невдалеке от Бордо военачальник Сигиберта, маркграф Сигульф совершал со своим отрядом обычное патрулирование — как говорится, доверяй решению суда, но и проверяй. И, как оказалось, — правильно. Когда ему доложили о приближении непрошенных гостей, он сразу же напал на Хлодовига, причем так напугал его воинов и его самого, что они, как испуганные олени, бросились бежать, не чуя под собой ног. Люди же Сигульфа и впрямь, как на оленьей охоте, начали им вслед трубить в трубы и рога, еще больше перепугав горе-вояк. Так вот закончилась попытка Хлодовига взять Бордо.

Заметив, что Сигиберт не предпринял каких-либо действенных шагов против вылазки Хлодовига, Хильперик снарядил новый отряд все с той же целью — вернуть хотя бы один город. Вести воинов на этот раз он поставил своего старшего сына Теодеберта.

Тот шутить не любил. В походе он оставлял за собой опустошенные деревни, тысячи убитых крестьян, разграбленные дома и осквернённые святыни. Церкви он уничтожал в первую очередь, священников вешал, монахинь насиловал, монастыри сжигал дотла. Недаром Теодеберта сравнивали с преследователем христиан Диоклетианом[40].

Тут Сигиберт понял: быть настоящей войне. Он собрал большую армию, в составе которой, кроме галлов, были воины из полудиких германских племен — свевы, швабы, алеманны[41], а также люди из зарейнских племен, которые были сплошь язычниками, приносившими в жертву своим богам животных и даже людей.

Против Теодеберта Сигиберт направил особый отряд под командой герцога Гундовальда и барона Бозе. Произошла жестокая схватка. Теодеберт был убит — по слухам, бароном Бозе.

Братоубийственная война разгоралась. Было это в 573 году. Армия под водительством Сигиберта одерживала одну победу за другой. Хильперик оказался никуда не годным полководцем, он не единожды просил о перемирии. И когда Сигиберт, веря ему, ослаблял напор, Хильперик снова вероломно нападал на своего брата. Однако, видя, что его войско окончательно вымотано, он потерял всякую надежду на победу и укрылся за крепостными стенами маленького городка Турнэ, думая отсидеться там какое-то время. Но армия Сигиберта обложила город со всех сторон, и король с семьей и своими приближенными оказался в ловушке".

Брунгильда ожидала падения Турнэ со дня на день, и тогда — держись, Фредегонда! Меч правосудия опустится, наконец, на твою голову.

---

[40] Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (243 – ум. между 319 и 316) – римский император.

[41] Свевы – группа германских племен; швабы, алеманны – германские племена.

"Последняя новость! — снова отмечено в дневнике Претекстата. — Поскольку вся нейстрийская армия, за исключением гарнизона в Турнэ, сдалась Сигиберту, нейстрийские сеньоры, из страха перед дикими полчищами армии Сигиберта, решили просить его принять Нейстрию под свою руку".

* * *

Сигиберт приехал в Париж, который в то время назывался Лютецией или Паризиорумом, решив сделать его столицей своего будущего государства. Он хотел посоветоваться с Брунгильдой, которая также собиралась прибыть туда со своими детьми — дочерью и четырехлетним наследником Хильдебертом.

Против этого решения возражал ее верный спутник и советник Годвин. Он считал, что королева пока не должна покидать Мец.

— Но почему? — возражала Брунгильда с раздражением. — Я хочу быть рядом со своим мужем в новой столице, в момент, когда он намерен нанести сокрушительный удар по братьям. Он правильно начал — с Парижа. Я должна быть с ним там!

— Королева должна венчать своим присутствием победу, а не участвовать в ее достижении! — утверждал Годвин. — Не торопитесь!

— Ты вечно противоречишь мне, Годвин! Ты не понимаешь, что королева должна быть всегда рядом со своим королем! Я не хочу выглядеть домашней гусыней, выжидающей время!

— У короля и королевы цель одна, но они разными путями идут к ее достижению! — настаивал тот на своем Годвин.

— Ты не веришь в победу Сигиберта! — с негодованием воскликнула Брунгильда, завершая спор.

— Нет, я верю в нее и желаю вам обоим добра, — кротко ответил Годвин тот.

Прибытие в Париж Брунгильда замыслила превратить в триумфальный въезд будущей повелительницы в свою новую столицу. Она велела погрузить на повозки сундуки с сокровищами, привезенными ею из родной Иберии. Здесь было золото, серебро, драгоценные камни, дорогая посуда, диковинные украшения из восточных стран, тончайшие ткани — все, что, по мнению Брунгильды, должно было поразить воображение парижан и внушить им уважение и трепет перед своей новой властительницей. Под конвоем воинов обоз тронулся в Париж. Впереди, в богато убранной повозке, ехала сама Брунгильда с детьми.

Сигиберт во главе отряда приближенных воинов встретил ее у заставы. Он выглядел мужественным, решительным, и вид его порадовал Брунгильду. К прошлому, когда он выглядел в ее глазах слабым и безвольным, возврата не будет, надеялась она. Сигиберт же с еще большим обожанием глядел на свою супругу, дочь короля и королеву будущей объединенной Галлии. Турнэ, по его сведениям, должен был пасть со дня на день, и тогда…

В мечтах Брунгильды уже загоралась на небосводе звезда нового Хлодвига-объединителя всех земель той Галлии, которые будут избавлены, наконец, от войн, разбоев и всяческого зла, воплощенного в Фредегонде и Хильперике…

Остров франков, на котором находился Паризиорум — Париж, был похож на большую ладью посреди Сены Это был именно город, потому что все прочее на заболоченных берегах — огороды, крестьянские хижины — называлось лишь предместьями.

Брунгильда все рассчитала точно. Появление торжественного кортежа в Париже произвело должное впечатление на встречавших ее горожан. Да, такой и должна быть королева земли

франков. На ней было шелковое платье небесно-голубого цвета с серебряным шитьем, выгодно подчеркивавшее линии ее фигуры, на плечи был накинут плащ глубокого синего цвета с переливами, отороченный горностаевым мехом и украшенный на плече золотой пряжкой в виде льва. Ее красота, уменье себя подать, ласковое и одновременно величественное обращение с населением очаровали их. У них сохранились предания еще с древних времен о блеске и могуществе римских императоров. Роскошно обставленное прибытие Брунгильды в Париж, да еще в сопровождении колонны всадников в сверкающей на солнце чешуйчатой броне и длинного обоза тяжело груженых повозок, как бы возрождало предания этой старины.

Все горожане — аристократы и служилые люди, чины городского управления, церковный клир и ремесленники — по достоинству оценили въезд Брунгильды и укрепились в мысли, что править ими отныне будет чета — Сигиберт и его супруга, прекраснейшая изо всех королев мира.

На встрече не было только прикованного болезнью к постели епископа парижского Германа. Это был человек широко образованный и истинный христианин. Его тонкая натура испытывала огромную душевную боль при виде того, как величественный некогда римский мир находится теперь в руках варваров, истощавших свои силы в кровопролитной междоусобице.

С самого начала война между Сигибертом и Хильпериком глубоко опечалила Германа. Когда Сигиберт прибыл в Париж, епископ долго беседовал с ним, убеждая в необходимости достижения согласия между братьями. Но тщетно!

Усталость и упадок духа повлияли на здоровье Германа. Будучи не в силах встретить Брунгильду, он обратился к ней с письмом:

"Повторить ли те слухи, которые ходят в народе? Они приводят меня в уныние, и я рад был бы не доводить их до сведения вашего благочестия. Говорят, что именно по вашему совету и настоянию славный король Сигиберт так упорно стремится разрушить эту страну".

Не закончив чтение, Брунгильда скомкала письмо.

— Примирители! Уговорщики! — негодовала она. — Посмотрела бы я на них, если бы их брата или сестру лишили жизни! Смерть подлым убийцам!

Она постаралась забыть о письме Германа, посвятив все свое время знакомству с горожанами. Она навещала лачуги бедняков, щедро одаривая их деньгами, которые привезла с собою. Она делала богатые пожертвования парижским церквям. В результате своей бурной деятельности Брунгильда прослыла лучшей из всех королев, которых когда-либо знавал этот город.

Сигиберт между тем беспрепятственно объезжал другие города Нейстрии, оставшейся без своего короля. Решение нейстрийских вельмож пойти за Сигибертом было закреплено в соответствующей хартии и звучало так: "Франки, вассалы[42] Хильперика, решают отдаться под твой скипетр, король Сигиберт, и предлагают провозгласить тебя своим королем, если ты придешь к нам". А простой народ, слабо разбиравшийся в распрях франкских королей, продолжал заниматься своими повседневными делами.

С этой новостью Сигиберт вернулся к Брунгильде, которая бросилась к нему на шею и едва не задушила в объятиях от радости, что все складывается так, как она мечтала. Ночь они провели в упоении, строя дальнейшие планы. Третье королевство, Бургундия, где правил

---

[42] Вассалитет (*франц*. vassalité, от vassal, *позднелат*. vassallus, от vassus — слуга), система отношений личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других (сеньоров) в средние века.

слабый Гонтран, легко перейдет в руки Сигиберта, и тогда вся Галлия будет собрана воедино, с одним королем — Сигибертом! Она настойчиво внушала мужу, что он должен без колебаний принять предложение нейстрийцев.

Брунгильда купалась в своих мечтах, представляя, как по ее приказу сюда в Париж будет доставлена на суд ненавистная парочка — Фредегонда и Хильперик, какую казнь она им придумает, чтобы окончательно искоренить зло. Женская жестокость — особая, далеко превосходящая мужскую по изощренности. Для Фредегонды Брунгильде мыслилась казнь самая страшная, самая небывалая для женщины. Брунгильда уже решила: ту привяжут к хвосту дикой лошади, которая понесется по каменистой дороге!

— Представляешь, — возбужденно говорила она мужу, — как долго будет биться о камни ее тело, как изломаются ее косточки, пока она не испустит свой поганый дух!

Сигиберт морщился, говорил, что такую женщину отправить на тот свет надо проще — отрубить ей голову, да и все тут. Но Брунгильда не соглашалась с ним. Месть за Гальсвинту рисовала ей картины казни куда более страшные. С усилием она заставила себя позабыть на время сладостные мечты о возмездии и отдала Сигиберту всю себя, весь свой пыл, всю страсть.

На следующий день Сигиберт объявил нейстрийцам о своем согласии принять их королевство под свою державную руку. Это решение вызвало радость у представителей нейстрийской знати, но тут же возник вопрос: где проводить подобающее моменту торжество? Для коронации по древнегерманскому обычаю необходимо было найти широкое, ровное место. Ни Париж, ни какой-либо иной город для этой цели не годились.

После обсуждения признали: наиболее подходящим местом будет долина реки Скарп неподалеку от селения Витри-ан-Артуа, что в километрах в пятидесяти от Турнэ. Население Галлии было оповещено о готовящемся событии, и избранные для этого люди стали съезжаться в Витри.

* * *

Хильперик, сидевший за крепостными валами в осажденном Турнэ, был в состоянии близком к помешательству. Он то бился головой о стену, проклиная себя за свою злосчастную затею — женитьбу на королевской дочери, то бормотал обрывки молитв, взывая о спасении. Забыв о совершенном убийстве, он теперь уже обвинял свою жертву, Гальсвинту, в том, что та настроила против него сестру. Разве не по наущению Брунгильды поднялся на брата Сигиберт, призвав из-за Рейна орды полудиких германцев, которые помогли тому одержать его победы? Ведь он, Хильперик, не хотел этой братоубийственной войны, он только сделал попытку вернуть свои пять городов, столь несправедливо отнятых у него. Он послал своего старшего сына Теодеберта на эту войну, не желая сам подымать руку на брата. А теперь и его сына обвиняют в страшных жестокостях, которые он будто бы совершал с языческой свирепостью, но он, Хильперик, не верит этому. И вот Теодеберта нет — погиб в бою от руки австразийского барона Бозе. Он, Хильперик, еще рассчитается с подлым убийцей...

И тут же король возвращался к безвыходному положению, в котором все они находились. Фредегонда только что родила ему сына, маленького Теодориха. В другое время это вызвало бы радость, было бы устроено торжество, но сейчас она и видеть его не хочет. Турнэ вот-вот должен пасть — и тогда все они окажутся в руках Брунгильды, и страшной казни будет предана виновница убийства Гальсвинты.

Нет, нет, надо бороться! Где Меровиг, теперешний наследник короны? Он мало понятен отцу, он не таков, каким был Теодеберт, он склонен к размышлениям — где он? Все на крепостные стены, спасать короля!

* * *

Меровиг действительно был не без странностей на взгляд людей своего века. Он много размышлял о жизни, о себе, о своем пути. Теперь, когда вот-вот падет Турнэ, и они станут пленниками Сигиберта, он не испытывал горечи за поражение Нейстрии, за потерю своей будущей короны. Он ощущал это, как кару небес, решивших рукой Сигиберта покарать убийцу Гальсвинты. Для Меровига Фредегонда, которая, завывая по-звериному, отталкивала от себя новорожденного ребенка, представлялась сейчас каким-то отвратительным чудовищем, которое не сегодня-завтра будет уничтожено, потому что представляет прямую опасность для жизни людей. Он вспоминал слова Претекстата о вмешательстве Провидения в людские дела. И образ Брунгильды, предмета его детского поклонения, вновь предстал пред его глазами, но теперь уже в виде яростной валькирии, разящей своим мечом тех, кто преступил божьи законы.

* * *

Наступил день отъезда Сигиберта в Витри-ан-Артуа. Брунгильда умоляла короля хорошенько охранять Хильперика и Фредегонду, когда тех возьмут в плен, чтобы они, упаси Бог, не покончили бы с собой еще до суда. Обняв на прощание жену, Сигиберт с группой воинов тронулся в путь.

Когда кавалькада миновала собор, путь ей преградил бледный, иссохший человек, еле державшийся на ногах. Это был епископ Герман.

— Король Сигиберт, — обратился Герман, протягивая к тому руки. — Если ты отправляешься в путь без намерения убить своего брата, ты одержишь победу и вернешься живым, но если ты замышляешь иное — ты умрешь, ибо устами Соломона речет Господь: кто роет яму другому, упадет в нее сам.

Но Сигиберт оставил слова Германа без внимания. Все его мысли были заняты предстоящей коронацией. Вздыбив коня, он пришпорил его и во весь опор поскакал в направлении Витри. За ним поспешила его дружина.

Тяжело вздохнув, епископ Герман долго смотрел им вслед.

Глава десятая,
повествующая о торжествах в Витри-ан-Артуа и убийстве Сигиберта

Турнэ все еще держался, но был обречен. Правда, страшных выкриков варваров в медвежьих шкурах, которые окружали осажденный город, в последние два дня что-то не было слышно. Похоже, они готовились к решающему штурму, и тогда… Что будет тогда? Измученная, страшная, со свалявшимися некогда роскошными волосами, Фредегонда даже зажмуривала глаза от ужаса. Она понимала, что конец близок. Мучительные думы — как спастись — иссушили ее мозг, заставляли забыть даже о своем новорожденном сыне. Женщины, ухаживавшие за ним, тщетно упрашивали ее обратить на младенца внимание, спасти от голодной смерти — он уже не кричал, а только сипел.

— Пусть подыхает! — кричала Фредегонда. — Лучше сейчас, чем потом!

"Как спастись? — лишь эта мысль билась у нее в голове. — Говорят, Сигиберт уже тут, не сегодня-завтра его коронуют, а потом… о, эти подлые нейстрийцы, они радуются окончанию войны, они готовы тут же вознести хвалу чужому королю, подлые хари… — Ее пальцы сжимались и разжимались, словно нащупывая горла невидимых врагов. — Брунгильда теперь будет королевой Австразии и Нейстрии… О, эти пришлые королевские дочери, Брунгильда с Гальсвинтой Гелесвинтой! Как их возносили, как обожали ту же Гальсвинту… А я, Фредегонда, простая женщина, дочь чесальщика шерсти, решила — и нет этой королевы! Да, ждет, ждет Брунгильда как бы рассчитаться со мной. Она, наверное, уже и казнь мне придумала… Кровь

стынет в жилах от всех этих мыслей. Спастись… Найти выход…Ну же, ну же… Мозг отказывает… Завтра Сигиберт взойдет на трон… Вокруг — толпы, и хоть бы какая-нибудь случайность: ведь может же человек случайно напороться на сук, запнуться за что-нибудь, упасть — и как раз виском об угол… Так не будет этого… Стоп! А почему не будет? А что, если попытаться? Случай, если его хорошо подготовить, взять в свои руки, может сделаться фатумом[43]… Только он должен случиться в нужное время и нужном месте.

— Женщины! — раздался крик Фредегонды, — где мой сын? Он же голоден! Давайте его сюда!

Женщины принесли ей уже затихавшего младенца, она прижала его к груди и направила сосок в губы, тот яростно принялся сосать, наливаясь жизнью.

— Ты будешь жить! — приговаривала она, целуя его бессчетное число раз. — Ты будешь жить, я нашла выход!

Покормив сына, она распорядилась найти и привести двух парней из своей родной провинции Теруань, которых уже давно приметила. Их рука не должна дрогнуть!

* * *

И вот наступил день торжества Сигиберта. Казалось, сама природа решила его отметить. На небе не было ни единого облачка, ярко светило майское солнце.

Воины-франки, у многих из которых космы были заплетены в седые уже косы, со щитами и мечами, словно сошедшиеся на битву, выстроились на широком лугу на берегу реки Скарп в огромный круг. В его центре собралась знать Австразии и Нейстрии: маркграфы, палатные мэры, городские власти, духовенство. Все ждали выхода Сигиберта. Вот он появился, их король, молодой, улыбающийся. Солнце сияло на его доспехах.

Из круга к нему вышли четверо воинов огромного роста. Они положили к ногам Сигиберта щит, и тот вступил на него. Подняв щит со стоявшим на нем королем, воины стали обходить по кругу собравшихся франков. Процессия сопровождалась приветственными возгласами воинов "Аой!" и громом от ударов их мечей о щиты. То был древний обычай германцев.

Трижды совершив круг почета на щите, Сигиберт ступил на землю. Теперь он уже имел полное право называть себя королем франков как на Остер-реке, так и на Нейсе-реке[44].

Его тотчас же окружили приглашенные на церемонию гости, поздравляли его, приветствовали нового повелителя Нейстрии.

Сигиберт был счастлив, что наступает конец распре, измотавшей народы обоих королевств. Две трети Галлии теперь находятся под его рукой, и не путем вооруженного захвата, а по доброй воле его новых подданных. Турнэ вот-вот падет, и он сможет заняться устройством их жизни.

В Париж поскакал гонец с радостным известием об избрании Сигиберта королем. Получив послание от мужа, Брунгильда опустилась на колени и горячо поблагодарила Божью Матерь за ее заступничество.

---

[43] Фатум (*лат*. fatum), у древних римлян олицетворение воли богов, неотвратимой судьбы.

[44] Остер – река в Лотарингии. Нейсе – приграничная река, разделяющая территории современных Германии и Польши.

— Скажи своему сыну, а моему мужу, — просила она Богоматерь, — что за ним остался последний долг — отдать в наши руки подлых убийц, Фредегонду и Хильперика. Я уповаю на кару небесную для них, но предпочитаю все же поквитаться за свою сестру здесь, на земле.

Из своих сокровищ Брунгильда отсчитала изрядную сумму солидов и пожертвовала их на церковь, в память святого мученика Мартина.

Совершив это, она с нетерпением стала поджидать прибытия Сигиберта, своего нежно любимого мужа. Она мысленно просила у него прощения за резкие слова, которые, бывало, в минуту запальчивости срывались с ее уст. Вся их совместная жизнь как бы заново проходила перед ее глазами Упоенная известием, она в душе клялась Сигиберту в вечной любви, досадуя, что не может подыскать самых лучших слов в мире, чтобы поздравить своего победителя с победой. Ответ ее, переданный с гонцом, был короток: "Жду!"

* * *

В Витри-ан-Артуа праздновали коронацию Сигиберта так, как это умели делать в старину. То тут то там демонстрировали свою удаль в воинственном древнем танце свирепые с виду ратники, перепрыгивая через мечи, которые были воткнуты рукоятками в землю.

Со всей округи сошлись шпильманы и миннезингеры, жонглеры, мимы и гистрионы[45]. Всем им нашлась работа, а на угощение гостей пошли все съестные припасы городка, вино и пиво лились рекой. Но праздник длился только два дня: на третий был назначен окончательный штурм Турнэ новыми силами.

Тем временем у Фредегонды было уже все готово. Приняв парней, которых к ней привели, она обласкала их, поднесла им вина, предварительно подмешав в него какого-то зелья из своих запасов, сказала, что давно приметила их среди воинов и считает, что именно им суждено совершить подвиг, на который она их призывает. Выпитое вино подействовало на юношей именно так, как и ожидала Фредегонда: зрачки их глаз расширились, они были возбуждены и им казалось, что они способны на любое дело, какое им поручит их повелительница.

— Убейте Сигиберта! — прошептала, нет, скорее прошипела она и вытащила два заранее приготовленных кинжала-скрамсакса[46]

— Я смазала их ядом, чтобы удар был наверняка смертельным. Возьмите их и не промахнитесь! Если вы вернетесь живыми, я окружу вас и ваше потомство таким почетом, какого еще не видел мир. Если же вы погибните, я внесу пожертвования на ваше поминовение во все церкви нашего королевства. Молитвы о вас дойдут до Всевышнего!

Спрятав за голенища свое оружие, юноши сумели выскользнуть из осажденного города и отправились в Витри.

Там еще шумел праздник. Злодеи, приблизившись к королевской свите, заявили об имеющемся у них срочном сообщении для короля Сигиберта и потребовали немедленно провести их к нему.

---

[45] Шпильманы – в средние века странствующие актеры-музыканты; миннезингеры – поэты-певцы, трубадуры; гистрионы – исполнители народных песен и танцев.

[46] Скрамсакс. (*нем.*Scramsax) — у германцев короткий меч, явившийся удлинением лангсакса; имел клинок в 6,5 см ширины, с одним лезвием, и от 44 до 76 см длины. Лангсакс (Langsax) кинжал с обоюдоострым клинком шириной около 4 см и длиной до 60 см.

Сигиберт же, упоенный коронованием, охотно откликнулся на просьбу своих новых подданных. Он согласился принять в своей палатке этих двух юношей, для важного, как они настаивали, разговора. Он даже отослал из палатки стражу, поскольку, как ему передали, об этом просили незнакомцы, сославшись на огромную секретность сведений, которые они хотели сообщить королю. После того, как незнакомцев подвели к шатру, их провожатые тут же удалились, исполняя волю короля. Убийцы вошли и опустили за собой плотный полог из опасения, что находившаяся неподалеку стража могла бы помешать задуманному. Ничего не подозревавший Сигиберт сидел в центре палатки и ждал, когда к нему приблизятся гонцы. Но те, выхватив отравленные скрамсаксы, бросились на короля и одновременно вонзили их в его тело. Сигиберт, испустив крик, пал замертво.

Ярость вбежавших стражников была так велика, что, набросившись на убийц, они даже не подумали взять их живьем для допроса, а тут же закололи мечами. Шел 575 год от Рождества Спасителя нашего…

* * *

Как может все измениться из-за смерти одного только человека!

Гибель Сигиберта была подобна внезапному удару стихий — разрушительному землетрясению, наводнению, уничтожающим все вокруг. Буквально через минуту мир стал иным.

Австразийцы, что были на коронации, немедленно покинули Витри, стремясь поскорее добраться до своих границ. Осадой Турнэ больше некому было руководить, и она тотчас же была снята. Полчища диких наемников-германцев потянулись обратно к себе на родину, без разбору грабя и убивая попадавшихся на их пути местных жителей.

Обретя долгожданную свободу, Хильперик поспешил в Витри, чтобы полюбоваться на труп своего брата. Что касается Фредегонды, то она теперь могла полностью посвятить себя своему маленькому, который так забавно дрыгал ножками и пускал пузыри. Она без ужаса не могла вспоминать свое недавнее состояние, когда она отталкивала сына, не желая кормить его, и тем самым обрекала его на голодную смерть. Теперь Теодорих был для нее всем, она уже видела его на троне короля Нейстрии. Он, именно он — наследный принц, и для него должно быть сделано все, что в ее силах!

* * *

Когда до Брунгильды дошла весть о смерти Сигиберта, она сперва не могла этому поверить — настолько диким, невероятным нелепым показался ей такой поворот событий ось ей все это. Как такое могло произойти?! Нет, нет, это невозможно, это просто нелепо, а нелепостям нет места в том стройном мире, о котором она мечтала вместе с Сигибертом. И только осознав, наконец, эту страшную правду, она упала без чувств.

Отчаяние Брунгильды было безграничным. Годвину не удавалось ничем успокоить ее. Мигом улетучились все ее горделивые мысли и мечты о достойном возмездии за убийство сестры, о том, что они с Сигибертом займут трон объединенной Галлии. Кончено, все кончено…

Не так устроен мир, не так… — повторяла она про себя в безысходной тоске, прижавшись лбом к стене. — Не может так быть, чтобы один человек, всего лишь один человек, и так изменял бы мир: он жив — мир предстает одним, нет его — и все по другому… Сигиберт, чистая душа… Ты ведь знал, как много с тобой связано, как я ждала тебя, как жаждали мира все твои подданные, все же шло к лучшему… Почему ты не берегся, почему не удвоил стражу? Почему был таким доверчивым?! Я же знаю: только доложили, что тебя хотят видеть по важному делу — и ты уже весь в делах государственных, ждешь встречи… Дождался… А надо

было наперед думать! Ведь столько людей хотели твоей смерти, такая кровавая междоусобица была!

И Брунгильду снова охватывало отчаяние, не хотелось ни о чем думать, только биться в бессильных рыданиях… — Конечно же, это Фредегонда постаралась, это она подослала убийц, она вложила в их руки кинжалы… Господь наш Вседержитель, ты же все знаешь, ты же все видишь, так неужели ты не мог предотвратить это убийство? Ну почему, почему ты допускаешь такое зло на земле?!

А та, для которой Брунгильда замышляла самую страшную казнь, воспрянув после недавнего ужаса ожидания смерти, испытывала самую буйную радость — все ее существо пело, было преисполнено силой, восторгом, жизнью. Она вновь у себя в Суассоне, она свободна! К тому же теперь в ее руках ненавистная Брунгильда, ее дети…

Фредегонда тут же заявила Хильперику, что детей Брунгильды нужно отдать в монастырь на воспитание, и лицо ее при этом исказилось дьявольской улыбкой. Про себя она шептала имена тех, кто мешал жить ей, а и особенно — ее маленькому Теодориху. О, она расчистит ему путь к престолу, он будет королем!

* * *

А тем временем Хильперик стоял над телом своего брата в Витри. Это был уже совершенно другой человек, совсем не тот, кто еще так недавно в отчаянии ждал своей участи в осажденном Турнэ. Сейчас это был уверенный в себе властитель. Вот перед ним лежит поверженный брат, бывший король Австразии Сигиберт. Его смерть вернула Хильперика к жизни. "Фредегонда мудра, — размышлял он. — Она еще раз доказала: хочешь жить — убивай тех, кто тебе мешает. Забирать Австразию под свое крыло он пока не будет, но свои пять городов, отобранных у него судом, вернет. И никакая Брунгильда ему не указ". И как только он подумал о ней, его охватила мстительная радость: "Посмотрим, как она теперь будет смеяться. Теперь она — его добыча. Что он захочет, то с ней и сделает. Сколько же ей теперь лет? Под тридцать, наверное..." — И наряду с мстительным чувством в нем просыпалось прежнее влечение хищного зверя: — "Да, теперь я полный хозяин над ней. Посмотрим, как пройдет встреча в Париже! Я явлюсь, как король-победитель, со всей своей свитой, со своим сыном-наследником Меровигом, все честь по чести. Кстати, говорят, что она привезла в Париж и свои знаменитые сокровища..."

Распорядившись облачить тело Сигиберта в королевские одежды, Хильперик повелел похоронить его с подобающей королю пышностью, а сам вместе со свитой стал готовиться к отъезду в Париж, приказав Меровигу сопровождать его.

Тут верные люди донесли, что Мерович отказывается ехать в Париж, под предлогом траура в связи с недавней кончиной своего дяди. Это известие вызвало ярость короля: нашел, тоже, причину — смерть дяди! А для меня — это смерть брата, ну и что?! Слишком много позволяет себе этот мальчишка! Он же наследник престола и должен проникнуться пониманием высокой политики! А она требует — никаких чувств, только помыслы о принесении пользы своему государству! Мерович должен вместе с отцом представлять в Париже страну-победительницу — и никаких отказов! Повторить приказ, а если он будет вновь кочевряжиться, — пригрозить суровым наказанием!

Но Меровиг не мог воспринимать жизнь так примитивно и грубо, как это было свойственно его отцу. Случившееся глубоко затронуло его, восемнадцатилетнего юношу. Он уж знал об истинном заказчике убийства — все без обиняков указывали на Фредегонду. "Значит, — спрашивал себя Меровиг, — в смерти дяди повинна не судьба? Значит, это опять козни Фредегонды, которая, чудом избежав заслуженной кары, пошла на новое преступление?!" — Получив повторный приказ отца, Меровиг, скрепя сердце, присоединился к отъезжающим.

* * *

По прибытии в Париж Хильперик назначил место и час их встречи с Брунгильдой, а сам отправился вместе с королевским казначеем в хранилище осматривать и подсчитывать сокровища австразийской королевы, которые он теперь искренне считал своими.

Нейстрийские бароны, явившиеся вместе с Меровигом к назначенному часу, обнаружили, что для встречи с Брунгильдой Хильперик избрал небольшую залу, отнюдь не предназначенную для торжественных церемоний. Неказистость помещения удивила баронов, но еще больше они были удивлены отсутствием самого короля. Хильперик же в тот момент настолько увлекся разглядыванием сокровищ Брунгильды — тончайших изделий из серебра и золота, великолепных украшений из драгоценных камней, — что забыл обо всем на свете.

Бароны в смущении переминались с ноги на ногу, не зная, что и делать. Нервничал и Меровиг, испытывавший противоречивые чувства — он то хотел бежать отсюда, только бы не участвовать во встрече с Брунгильдой, то удерживал себя, мечтая вновь взглянуть на предмет своего детского поклонения. Какая она стала? Наверное, изменилась, постарела, особенно после убийства мужа. Нет, нет, не может быть! Годы не властны над нею!

Внезапно двери распахнулись, и в зал стремительно вошла Брунгильда. В тот же момент Меровиг понял, что погиб. Вместо убитой горем вдовы перед собравшимися предстала женщина невероятной красоты, с горделиво поднятой головой и величественной осанкой. Казалось, никакие невзгоды и страдания не смогли согнуть, раздавить королеву Австразии. Траурное одеяние лишь еще больше подчеркивало какую-то внутреннюю ее силу и неприступность. Меровиг застыл в немом восторге. Именно такой видел он ее в своих детских мечтах, именно такой и предстала она перед ним сейчас.

Брунгильда с недоумением оглядела залу — где же Хильперик?. "Понятно, — молнией промелькнула мысль, — мало того, что король выбрал для встречи какую-то конуру, так и еще больше захотел унизить меня, заставляя себя ждать. Видно, расхожее мнение, что точность — это добродетель королей, не всегда соответствует истине…"[47]

Она решила уйти и сделала шаг к двери. В это время кто-то из нейстрийских вельмож приблизился к ней, пытаясь объяснить, что король, очевидно, занят важными государственными делами, но он вот-вот обязательно появится, а пока, если ей угодно, она может поговорить с присутствующим здесь наследным принцем Меровигом, вот он, перед нею...

"Меровиг... Меровиг...— вспоминала Брунгильда, — откуда мне известно это имя?.. А, вспомнила. Собака, испугавшая ее несчастную сестру, и мальчик, который отогнал пса! Так писала Гальсвинта... В ответном письме я еще просила поцеловать мальчика от моего имени. Только какой же это теперь мальчик?" — Перед ней стоял высокий юноша во всем цвете своей мужественной красоты.

---

[47]Крылатая фраза на французском языке "L'exatitude est la politesse des rois" в дословном переводе на русский означает: "Точность – вежливость королей". Ее аналог на английском языке "Punctuality is the virtue of kings" означает: "Пунктуальность — это добродетель королей", что представляется более точным по смыслу — Д.С.

Брунгильда, на секунду оторвавшись от своих мыслей, взглянула на него — да, хорош, ничего не скажешь. А что он за человек? Каким вырос этот сын Хильперика, с которым так неожиданно познакомилась ее бедная сестра? По ее словам, это был чудесный, добрый мальчик, а кем он стал сейчас? Таким же подлым убийцей, как Фредегонда? Губы ее дрогнули, она поняла, что вот-вот разрыдается, но, пересилив себя, обратилась к Меровигу:

— Моя покойная сестра в свое время писала мне о вас, принц. Вы, кажется, хорошо понимали друг друга? — Больше она не могла говорить. Еще миг — и слезы брызнут из глаз.

— Я... я... — Мерович покраснел и замолк. Слова Брунгильды прозвучали для него дивной музыкой, подобной дыханию майского ветерка, доносящего пение птиц, — с ними сравнил он ее голос.

Минуту спустя в конце залы появился Хильперик. Ему стоило больших трудов оторваться от подсчета сокровищ Брунгильды, но советники настояли — ведь его ждет Брунгильда… Вначале он хотел говорить с ней резко, прямо, но ее вид заставил короля изменить свое намерение. Вот она, Брунгильда, прославленная красавица, — стоит перед ним, всецело в его руках, он может делать с ней все, что захочет. Но до чего же, в самом деле, хороша! Прежняя страсть мгновенно вспыхнула в нем с неугасимой силой. От этого мешались мысли. Хильперик, однако, попытался овладеть собой.

— Здравствуйте, сестрица, — мягко произнес он. — Прошу извинить меня за опоздание, но оно имело отношение к вашей дальнейшей судьбе. — Тут он запнулся: и вправду, как ей сказать, что он решил присовокупить все ее сокровища к своей казне, то есть попросту ограбить ее? Нет, нет, он найдет нужные, убедительные слова. А потом все объяснит, когда останется с ней наедине. Он обязательно должен навестить ее — один, в поздний час, ночью, когда никто не сможет помешать им. Решено.

Стараясь быстрее завершить томительную встречу, Хильперик сказал, что понимает состояние Брунгильды, что скорбит о смерти своего брата и ее мужа, что он тоже потрясен и считает, что для того, чтобы ей прийти в себя, нужно побыть некоторое время одной, совсем одной. Для этого он избрал город Руан, где епископом чудесный человек — его преосвященство отец Претекстат, общением с которым королева будет довольна. Она ни в чем не будет нуждаться. Ее сокровища, учитывая нынешнее неспокойное время, он берет под свою охрану. Детей у нее пока заберут. Дочери определено проживание в городе Мансе, а сын... ее сына он берет к себе, так как понимает, что воспитание мальчика должно находиться в мужских руках, и об этом позаботится он, король.

Брунгильда была вне себя от охватившего ее ужаса. Она попыталась было умолить Хильперика отменить свое решение, но тот был тверд. Разве она, живя в Руане, сможет обеспечить безопасность своего наследника? При этих словах Брунгильда лишилась чувств.

Хильперик же был в недоумении: ему казалось, что доводы его были достаточно убедительными. "Но раз дело оборачивается таким образом, — подумал он, — то сегодня же ночью я обязательно приду к ней, чтобы все разъяснить, успокоить, чтобы она все поняла. А заодно, может…"

Быстро отпустил баронов, Хильперик и сам удалился, не удостоив взглядом сына-бунтаря, остававшегося в зале. О, если бы он только знал, что творилось в душе Меровига! Но отцам редко удается заглянуть во внутренний мир своих детей, а уж в тот момент короля нисколько не занимали чувства его сына. Он думал только о своем.

Глава одиннадцатая,
из которой читатель узнает о похищении сына Брунгильды Хильдеберта, ее ссылке в Руан и рассуждениях епископа Претекстата о современном мире

Той же ночью, увидев свет, выбивавшийся из-под двери опочивальни Брунгильды, Годвин тихо постучал к ней. Он присутствовал на встрече с Хильпериком и понимал, в каком она состоянии.

Заплаканная, прижав руки к груди, она ходила взад и вперед по комнате.

— Злодеи, убийцы, грабители... — повторяла она бессвязно, — и все *она*. О, если бы она попала в мои руки!

— Я скорблю вместе с вами, госпожа моя королева, — сказал Годвин, — и возмущен грабежом Хильперика и тем, что он отнимает у вас детей. Но сейчас надо думать не о Фредегонде. Думать надо о другом.

— О чем же? — остановилась перед ним Брунгильда.

— О вашем будущем!

— Мое будущее? Оно было так близко от меня, это мое будущее, что уже становилось настоящим! Сигиберт — король всей Галлии... Цезарь! И я рядом с ним, моим ненаглядным, мужественным... — И Брунгильда снова зашлась в рыданиях.

— Ваша потеря велика, я вас понимаю, сочувствую, но вам, королевским особам, негоже предаваться отчаянию — судьба вам этого не простит. Я еще раз повторяю, в ваших руках сейчас ваше будущее, и нельзя терять ни минуты!

— Что ты твердишь мне "ваше будущее, ваше будущее"... Где оно? Теперь я — ничто, пыль под ногами, которую в одно мгновение может развеять ветер! Со мной сейчас могут поступить, как им заблагорассудится.

— Когда я говорю "ваше будущее", я имею в виду не вас!

— А кого же?

— Я говорю о короле Австразии Хильдеберте, вашем сыне! — вдохновенно произнес Годвин. — Он ваше будущее!

— О короле Австразии? О Хильдеберте? — Взор Брунгильды обратился в дальний угол комнаты, где, раскинувшись в детской кроватке под балдахином, сладко спал будущий король. — Ведь ему еще только четыре года… Сколько времени пройдет, пока он станет королем…

— Он должен стать им уже сейчас, — голос Годвина звучал как никогда твердо. — Разрешите войти к вам герцогу Гундовальду?

Не успела королева ответить, как в комнату вошел знакомый ей герцог Гундовальд, приезжавший когда-то в Толедо сватать ее от имени Сигиберта.

Гундовальд преклонил колено.

— Простите, королева, что я явился в столь неурочный час. Время не терпит, мои люди там, внизу, готовы. Будите короля. Мы сейчас же увезем его!

— Увезете? Куда? Стража стоит у ворот. Она никого не выпустит. И зачем его увозить? Нет-нет, это последнее, что у меня осталось, мое сокровище, мой Хильдеберт!

— Во-первых, мы позаботились о том, чтобы исчезнуть незамеченными. Окно выходит прямо на Сену, там стражников нет. А, во-вторых, присутствие короля необходимо сейчас в Австразии. Там зреет мятеж. Часть баронов ищет себе нового короля, часть выступает против этого. Необходимо присутствие законного короля, наследующего престол своего отца, короля Сигиберта. Будите сына и одевайте! Не медля ни секунды!

— Отдать его вам? Чтобы мой малютка стал разменной монетой в ваших распрях? Нет, никогда!

— Тогда можете распрощаться с ним навсегда! — В словах Гундовальда зазвучала сталь. — Вы все еще надеетесь, что его оставят с вами?! Нет! Им займется Фредегонда. И, будьте уверены, она позаботится о нем, как "заботится" обо всех, кто ей мешает! Она ненавидит всех, кто стоит на ее пути. Так что соглашайтесь!

— Будите короля! — подал голос Годвин.

— Ночью? В чужие руки?

— Я буду с королем. Он привык ко мне. И потом… Вы верите мне? Сможете доверить мне ваше сокровище? — Взгляды Годвина и Брунгильды пересеклись, и, очевидно, в его глазах было нечто такое, что заставило королеву поверить ему. Более того, она поняла главное: ее сын, маленький человечек, часть ее плоти, мирно спавший сейчас, отныне перестает существовать в таком качестве. Он — король, сколько бы лет ему ни было. Он представляет собой государство. С ним связаны чаяния его подданных. Он уже не принадлежит безраздельно ей, он — вестник будущего! Но ведь будущее касается и ее? Нет, Годвин прав, надо спешить.

— Как вы выедете из дворца? У ворот стоит стража!— уже другим тоном обратилась она к Гундовальду, забыв, что он только что упомянул об окне, выходившем на Сену.

— Вы, вероятно, запамятовали, что я вам сказал. Ну, да это и немудрено в такой ситуации. Мои люди ждут там, где стражи нет, у боковой стены под окном.

— Но ведь здесь так высоко…

— Все предусмотрено. — Гундовальд показал сверток, который держал в руках. — Вот веревочная лестница. После того, как мы спустимся, вы сбросите ее вниз — мы подберем, чтобы не оставлять лишних улик. Будите короля!

— Прямо сейчас? — и вновь голос Брунгильды зазвучал умоляюще: она все еще хотела хоть на один миг отдалить расставание с сыном.

Годвин сделал шаг в сторону спящего ребенка. Брунгильда молнией метнулась к кроватке. Шепча ласковые слова, осыпая сына поцелуями, она осторожно будила его.

— Уже утро? — спросонья пробормотал мальчик.

— Просыпайся, мое солнышко, мой утренний лучик, моя звездочка… — Перемежая слова поцелуями, Брунгильда подняла ребенка с постели.

С помощью Годвина она торопливо одела сына. Потом, бросившись к одному из сундуков, достала оттуда кошель с золотом и дала его Годвину.

— Возьми это. На первое время хватит.

Они прошли в задние покои дворца, где у окна в форме ромба, их поджидал герцог Гундовальд: он уже открыл плотные ставни и оконную раму и сбросил вниз веревочную лестницу.

Шепча слова любви, сжимая в объятиях Хильдеберта, Брунгильда жарко, в последний раз прижалась поцелуем к ребенку и передала его Годвину. Тот, отдав кошель с золотом Гундовальду, привязал к спине широким шелковым поясом мальчика, ступил с ним на подоконник. Протиснувшись в ромбовидный проем, весь затянутый паутиной, они начали спускаться по веревочной лестнице. Гундовальд последовал за ними.

Жадным взором, полным отчаяния, королева следила за группой людей, стоявших внизу. Как только беглецы достигли земли, она сбросила вниз лестницу и все сразу же исчезли во мраке. Потом послышался лишь плеск весел — и все стихло.

Брунгильда ощутила вдруг такую пустоту, какой до сих пор еще не знала. Рухнув на коленИкинувшись к иконе Богоматери, она вознесла стала горячую молитву, обращенную к

Пречистой Деве. О чем? Она не могла себе дать отчета. О сыне? О Сигиберте? О своих погибших мечтах?

Незаметно для себя она заснула.

* * *

Отпустив Хильперика в Париж, Фредегонда буквально на крыльях летала от счастья. Действительно, стоило австразийскому королю испустить дух, как из затравленных, обреченных на неминуемую гибель людей Фредегонда и Хильперик мгновенно обрели свой прежний надменный облик. Море лести, угодничества и низкопоклонства дождем полилось на Фредегонду, что бесконечно тешило ее падкое на подобное раболепие сердце. Она окончательно уверилась в правильности своих действий.

— Все возникающие трудности надо ликвидировать только одним способом, — твердила она самой себе, — следует лишь найти подходящего исполнителя приказа.

Теперь существованию королевской четы ничто не угрожало, и будущее ее маленького Теодориха было обеспечено. Ему должен принадлежать трон Нейстрии, и он будет ему принадлежать! А о тех, кто стоит у него на пути дороге, она уж позаботится! Таких же людей трое: это сыновья Хильперика от Аудоверы. Дочь не в счет. Нужно будет — и с ней разберемся. Старшего, Теодеберта, хвала Господу, уже нет в живых. Он нашел свой конец в бою, пав от руки барона Бозе. Одной проблемой меньше. Бедняга Бозе! Хильперик поклялся отомстить ему за гибель сына, и теперь тот укрылся в базилике святого Мартина Турского и боится выйти оттуда. Надо помочь ему… а вдруг еще пригодится?

Следующий по возрасту наследник престола — Меровиг. Он хоть до военных дел и небольшой охотник, но отец собирается послать его отвоевывать города, отнятые у него по приговору суда. Это правильно — пусть увидит, как сверкают мечи, авось и этот последует за старшим братом, а нет — так у нее найдутся другие надежные средства.

Остается младший, Хлодовиг. Ну и что, что он отрядом командовал под Бордо! Сперва Меровига или устраним, или он сам в бою погибнет, а там и до Хлодовига доберемся!

Но одного трона для ее мальчика мало. Надо думать об Австразии, и она уже все решила: воспитание сына Брунгильды, маленького короля Хильдеберта, она возьмет на себя, Хильперик должен привезти его сюда, в Суассон.

Так, планируя будущее и наслаждаясь настоящим, Фредегонда предавалась занималась своему любимому занятиюделом: перед отполированными до блеска медными щитами, служившими ей зеркалами, она, с накинутой на плечи почти прозрачной туникой, медленно и со вкусом расчесывала гриву своих роскошных густых волос цвета вороного крыла, перекидывая их через голову на лицо и на грудь. Видимый мир исчезал для нее в тот момент, волосы струились между зубцами гребня, и она управляла этими струями, представляя, что это — человеческие судьбы, подчиняющиеся ее руке.

* * *

Большую часть ночи Хильперик провел в жестоких борениях с самим собой. Он даже не ожидал, что мысль о посещении женщины, полностью зависящей от его воли, вызовет в нем такую внутреннюю борьбу. Решил он этот спор для себя так: всегда подчинявшийся своему внутреннему зову, он обязан следовать ему и сейчас. Эта женщина должна принадлежать ему! Отказавшись от встречи с ней, он будет презирать себя за немужской поступок.

На исходе ночи, завернувшись в плащ и надвинув капюшон по самые глаза, чтобы не быть узнанным, он отправился на встречу с Брунгильдой. Отворив дверь ее комнаты, он увидел ее спящей на кровати под балдахином.

Хильперик замер, любуясь. Горе никак не сказалось на ослепительной внешности этой женщины. Он осторожно прикоснулся к ее обнаженному плечу. Брунгильда вздрогнула, раскрыла глаза. Увидев незнакомого мужчину в плаще с капюшоном, она рванулась встать, но он удержал ее на постели.

— Не бойтесь, сестрица, это я, Хильперик, — тихо промолвил он со всей нежностью, на которую только был способен.

— Вы? В такой час? — узнав его, изумилась Брунгильда.

— Я хочу, чтобы вы мне поверили, — продолжал Хильперик, пожирая ее глазами. — Я давно питаю к вам расположение, — его рука нашла ее руку и потянулась дальше, к плечу. — Будьте моей, и ваша жизнь озарится новым солнцем! — Он резким движением привлек ее к себе, впиваясь поцелуем в ее шею.

Только теперь Брунгильда осознала смысл его слов. Со всей силы она оттолкнула Хильперика от себя.

— Вы... вы!

— Сестричка, не надо... Все будет хорошо... Все будет прекрасно... — бессвязно бормотал Хильперик, как безумный.

Он схватил Брунгильду за руки и попытался опрокинуть, но она вырвалась и кинулась в соседнюю комнату, зовя на помощь. Хильперик погнался за ней, понимая, что должен заставить ее замолчать. Она отступила в угол комнаты, тщетно ища хоть что-нибудь, что могло бы послужить ей защитой от венценосного насильника. На глаза ей попалась балдахин на легкой раме над детской кроваткой ее сына. Она сорвала его вместе с рамой и прикрылась, как щитом. Хильперик попытался вырвать у нее из рук эту импровизированную защиту, но задел стоявшую рядом тяжелую ширму. Та упала со страшным шумом. Все это произошло в считанные секунды.

В этот момент в дверях показались женщины из свиты Брунгильды, которых разбудили крики королевы и шум падавшей мебели. Увидев короля, они замерли в испуге.

— Вон! — заревел Хильперик. — Всем вон! Приказ короля!

Женщины метнулись было к выходу.

— Вернитесь! — приказала им Брунгильда. — Неужели вы оставите свою королеву в лапах этого насильника?

— Ваша королева сошла с ума. Вызовите лекарей, стражу! — вопил Хильперик, забыв о своем королевском достоинстве.

Женщины замешкались. Положение становилось малопристойным.

— Придите в себя, братец, — обратилась к королю Брунгильда.

Отшвырнув в сторону балдахин, который все еще оставался у него в руках, тут только он увидел, что детская кроватка была пуста. Хильперик окончательно пришел в себя.

— Это что такое? — крикнул он, указывая на пустую кроватку.

— Это кровать моего сына, — ответила Брунгильда.

— Пустая! А где он сам?!

Брунгильда молчала.

— Где ваш сын? — ревел Хильперик, быстро сообразив, что теперь его мужская честь перед лицом придворных спасена и его появление в столь поздний час продиктовано лишь государственными интересами: он пришел проверить, не похищен ли ребенок.

Брунгильда молчала в ответ.

Поняв, что исчезновение Хильдеберта путает все их с Фредегондой планы и что за этим стоят верные Брунгильде люди, Хильперик немедленно разослал воинов на поимку беглецов, а Брунгильду приказал взять под усиленную стражу.

Поиски людей, похитивших малолетнего наследника австразийского престола под самым носом короля Нейстрии, ни к чему не привели. Хильперик дал волю своему гневу. Здесь смешалось все — и неудачная попытка овладеть столь легкой, как ему казалось, добычей, и похищение ребенка, напрямую затрагивавшее государственные интересы.

Место ссылки Брунгильды Хильперик оставил прежним — Руан, но условия, в которых она теперь должна была содержаться, сильно ужесточил. На ее пропитание Хильперик переслал Претекстату небольшую сумму, взятую из средств самой же Брунгильды, и обещал лично контролировать ее расходование. Дочь Брунгильды, как он и планировал, отправили в Манс.

"Кажется, с этим делом покончено — думал Хильперик. Да, теперь — Меровиг. Пора уже ему привыкать к воинской службе. Поставлю его во главе отряда: принц должен отвоевывать те пять городов, о которых так тоскует душа моя".

* * *

Фредегонда была удивлена, увидев, что Хильперик прибыл в Суассон без юного наследника австразийского престола. Но когда она узнала, что тот похищен и увезен в Мец, она дала волю своему гневу.

— Доверяй тебе важные поручения! — кричала в сердцах Фредегонда. — Мы же условились, что мальчишку ты привезешь сюда, в Суассон! Прозевал! Признавайся, пустил слюни перед Брунгильдой?

— Нет, я был тверд, когда объявил ей о своем решении. С ней даже обморок случился! — защищался Хильперик.

— Но как же ты упустил Хильдеберта?

— Его похитили люди Брунгильды и увезли в неизвестном направлении. Все, видимо, было заранее подстроено. Я посылал стражу на поиски — безрезультатно.

— А как выяснилось, что он пропал?

— Я обнаружил ночью его пустую кроватку!

— Ты был у нее?!

— Я почувствовал, что что-то замышляется, и приехал, чтобы предупредить похищение! — пытался оправдаться король. — Но меня опередили!

— Какой из тебя король? Тюфяк! — с презрением бросила ему Фредегонда.

Появление Меровига прервало эту унизительную для короля сцену. Обрадованный избавлением от тягостного объяснения с Фредегондой, Хильперик тут же объявил сыну приказ: принять под свое командование отряд и выступить на Бордо, чтобы возвратить его короне.

* * *

"Я часто думаю о Меровиге, — писал в своем дневнике Претекстат, ныне епископ в Руане. — Говорят, из мальчика он превратился в настоящего мужчину. Как бы мне хотелось повидать его, понять — осталось ли в нем хоть что-нибудь от наших занятий? С кем из наших прихожан я ни беседую, я всегда говорю о нем с большой надеждой. Ведь после смерти его старшего брата Теодеберта ему предстоит со временем взойти на нейстрийский трон. Как он уживется с Фредегондой? Ведь уже сейчас для каждого франка ясно, что она повинна в двойном убийстве! По наущению Фредегонды была задушена королева Гальсвинта, и она же послала убийц, которые зарезали короля Сигиберта. Преступление это было совершено сразу же после того, как

он был избран королем Нейстрии! Еще одна корона, и он стал бы повелителем всей Галлии, наподобие своего деда, великого Хлодвига. Но Фредегонда оборвала его жизнь руками своих наймитов, и мечтам многих об объединенном сильном франкском государстве под десницей мудрого короля теперь не суждено сбыться.

Невольно задаешься вопросом: кто же все-таки вершит нашими судьбами? Один ли Господь распоряжается ими? Ведь если это так, то почему ты, Всемогущий, не поразил молнией своего справедливого гнева подлую Фредегонду? Я понимаю, тебе одному ведомо, когда наступит час возмездия, но дай нам хотя бы знак, что оно все-таки придет! Мы согласны и подождать, но яви нам знак помыслов Твоих! И откуда появляются среди нас люди, подобные этой женщине, если их вообще можно назвать людьми?

Наблюдая всеобщее падение нравов, я полагаю, что в нем повинна та тяга к перемене мест, которая безудержно овладела нашими народами примерно две сотни лет назад, и которая никак не идет на спад.

Откуда это взялось?

Мы видим, что люди, в принципе, делятся на оседлых и кочевых. Оседлые — те, что издавна определились, выбрали себе место под солнцем, трудятся и живут по законам божеским и человеческим, из которых главный: живи и жить давай другим. Самое страшное для них — убить человека.

Кочевники же не знают таких законов. Более того, работать они не умеют, учиться не хотят, все время передвигаются в поисках — кого бы ограбить, убить, что бы такого порушить, уничтожить. Они не умеют думать о дне завтрашнем, жизнь для них не представляет никакой ценности.

И вот неизвестно как, но дошел до этих кочевников, обитавших далеко, за Рифейскими горами[48], слух: где-то на Западе есть страна, в которой за многие годы скопились несметные сокровища, и взять их не составляет никакого труда: их хранители состарились, ослабли и защищать свое добро больше не могут.

Слух этот, похожий для кочевников на сказку, на самом деле был правдой. И касался он Рима — былой великой державы, завоевательницы мира, накопившей несметные богатства, теперь же полуразрушенной, бессильной, опустевшей.

Гонимые жаждой легкой добычи, поколение за поколением кочевых орд обрушивались на Рим. На пути к нему они сталкивались с другими оседлыми народами. По-разному проходили эти встречи. Кто-то, убоявшись, уступал им дорогу, переселяясь в другое место, кто-то сражался и погибал, кто-то сам оттеснял пришельцев и заставлял их изменить свой путь. Так тянулось долгие годы, в ходе которых шло великое переселение народов, и виновники тому — эти "перекати-поле", люди без традиций, без чести, без совести. Фредегонда из этой же породы. Таким убить человека — все равно, что чихнуть. И конечная цель их всех — богатство, которое не защищено должным образом. А раз так, то его следует отобрать и поделить!

Я слышал, одно из кочевых племен в очередном своем походе на Рим стащило золотую статую с крыши дворца и уволокло ее к себе на север, за далекие горы, к холодному океану. Там эту статую поставили в лесу и стали поклоняться ей, как божеству. Это ли не свидетельство страшного повреждения нравов?!

Из числа таких же убийц и грабителей и Хильперик, полностью попавший под каблук Фредегонды. Бедный Меровиг! Что тебе еще предстоит…

---

[48] Рифейские горы – так древние греки называли Уральский хребет.

Я много мыслей поведал сегодня своему дневнику — тема показалась мне очень важной, захотелось порассуждать. Но, кажется, за мной пришли. Да, меня ждут в замке. Придется идти...

Наконец, вернулся. Ну и денек! К нам, в Руан, привезли на жительство королеву Брунгильду, вдову короля Сигиберта. Я должен был встретиться с ней. Красота ее не поблекла от пережитых несчастий, но она вызывает глубокую жалость. Бывшую королеву поселяют в замке, но в каком! В нем и простой человек вряд ли согласился бы жить: сырость, холод, осклизлые стены, крысы пищат по углам, Да еще у ворот столько караула не меряно... Да, постарался король. Но мне-то какое приказание поступило от Хильперика! Следить за королевой денно и нощно, за каждым ее шагом, выяснять в разговорах, о чем она думает, с кем пытается сноситься и, главное, сделать так, чтобы она ничего не знала о жизни в Австразии, о судьбе и здоровье своего малолетнего сына, отобранного у нее Хильпериком. Короче говоря, с меня требуют, чтобы я шпионил за Брунгильдой. Епископ — шпион! Но не бывать этому! Бедная Брунгильда…"

Глава двенадцатая,
в которой рассказывается о любви Меровига к своей тетке, королеве Брунгильде, закончившейся их венчанием

Меровиг был полон впечатлений от встречи с Брунгильдой в Париже. Перед его глазами все время была она — униженная, но не покоренная красавица.

Ему страстно хотелось поведать кому-нибудь о своих переживаниях, рассказать о женщине, которую он встретил еще в детстве и которая оставила такой глубокий след в его душе. Подумав, Меровиг решил, что для этого лучше всего подойдет его давнишний друг, участник детских игр проделок Гаилен, который происходил из семьи челяди, обслуживавшей королевскую семью в Суассоне.

Рассказывая Гаилену о своем чувстве, Меровиг не жалел красок, описывая внешность королевы, ее глаза, проникавшие в душу, ее умение себя держать. "За такую женщину не жалко отдать свою жизнь!" — заключил юноша свою любовную песнь в честь королевы.

Гаилен был хорошо осведомлен об отношениях двух королей-братьев — Хильперика и ныне покойного Сигиберта. Он был в ужасе от действий Фредегонды, но ведь Хильперик король, да к тому же отец Меровига… Что тот ему скажет — мол, я, твой сын, люблю вдову твоего брата, который был убит по наущению твоей любовницы? Надо не любовные нюни распускать, а делом заниматься, тем более, что здесь куда ни посмотри — всюду политика. Все это Гаилен выложил своему другу.

Меровиг был обескуражен: не этого он ждал от Гаилена. Пришлось еще больше замкнуться и оставить свои сокровенные чувства лишь для самого себя.

* * *

Между тем войско уже было готово к походу на Бордо, но Меровиг выпросил у отца еще неделю отсрочки. Он решил съездить в Манс повидаться перед отъездом с матерью, экс-королевой Аудоверой, где та проживала вместе с его сестрой в монастыре.

Аудовера была очень рада встрече с сыном, крайне редко навещавшим ее. Так же обрадовалась приезду и его сестра. Обе ласково встретили Меровига, восторгались его внешностью, отметили, что тот сильно возмужал со времени своего последнего приезда.

Он рассказал им о грустных новостях — об убийстве Сигиберта, о том, как отец ограбил его вдову. Когда же он остался один на один с матерью, то рассказал ей, какой дивной красоты

оказалась Брунгильда, как гордо она вела себя с его отцом. Он признался, что готов служить такой замечательной женщине, как последний раб, и даже отдать за нее жизнь!

Аудовера ласково смотрела на сына. Лишившись старшего, Теодеберта, пугавшего ее дикостью и необузданностью своего характера, она особенно понимала порывистую, восторженную душу Меровига. Но его рассказ огорчил Аудоверу. То, что сын жил в Суассоне, и так постоянно тревожило ее: там Фредегонда висит над ним, как коршун над куропаткой, и надо очень осторожно вести себя, а тут, как нарочно, первая юношеская любовь! И к кому?! К своей тетке, жене брата отца, только что убитого по приказанию той же самой Фредегонды… Сколько молодых девушек на свете, которые мечтали бы отдать свою любовь такому молодцу, как Меровиг. Как он хорош, как вырос, каким юным мужчиной стал — красивым, ласковым... Но совсем не думает об опасностях, которые ему угрожают…

Ничего из своих мыслей не поведала Аудовера сыну, только крепче прижимала к себе его голову, шепча нежные слова...

Меровиг же понял это по-своему: мать одобряет его влечение, поддерживает его любовь. Благодарно обняв ее, попрощавшись с сестрой, он поскакал обратно, гонимый желанием вновь увидеть любимую.

* * *

Вернувшись в Париж, Меровиг с огорчением узнал, что Брунгильду отправили в Руан, и ему не придется вскорости повидаться с нею.

Тем временем отряд, снаряженный Хильпериком к походу на Бородо, был в полной готовности и только ожидал своего предводителя — Меровига. О Бордо, расположенном на реке Гаронне, в Аквитании[49], Хильперик тосковал больше всего: Бордо издревле славился, как крупный торговый центр, был богат ремеслами, широко известен своим виноделием.

Поставленный отцом во главе отряда, Меровиг попробовал захватить город стремительной атакой, но бордоссцы не захотели менять хозяев и дали решительный отпор.

"Придется начать его осаду", — решил Меровиг и расположил войска невдалеке от крепостных стен. Но все его военные планы перебивала теперь одна мысль — о Брунгильде, которая проживала в заточении в Руане. После свидания с матерью он особенно жаждал ее видеть. "А кстати, — пришло ему в голову, — епископом в Руане сейчас тот самый Претекстат, который занимался со мной в детстве разными науками и относился ко мне, как к сыну. Может быть, открыться ему, посоветоваться? Но Руан не близок. Как же быть?"

И Меровиг решился. Поручив командование отрядом своему надежному заместителю, молодой принц поскакал в Руан.

* * *

Брунгильда тяжело переживала свое заточение в руанском замке. Всюду была пронизывающая сырость, холод, грязь. Кроме того, по распоряжению Хильперика, в ее покоях были закрыты на замок оконные ставни. Король принял все меры, чтобы его пленница не сбежала так же, как ее сын. К тому же он приказал усилить стражу у ворот.

Изнывая в спертой атмосфере наглухо закрытого помещения, Брунгильда попросила охранников хоть на несколько минут открыть окно — она задыхается без свежего воздуха.

— Знаем, о чем ты мечтаешь, — грубо отозвалась на ее просьбу стража. — Думаешь удрать, как и твой звереныш? Нет, король приказал нам ни под каким видом окон не открывать, и мы выполним его приказ.

---

[49] Аквитания – одна из частей Галлии к югу от Нейстрии.

В этот момент в руанском замке появился Меровиг. Уже на подходе к покоям Брунгильды он услышал, как та упрашивала стражников хоть на минутку открыть окно и облегчить ее страдания.

Одним прыжком Меровиг ворвался в покои, сметая на своем пути пытавшуюся воспрепятствовать ему стражу, ринулся к окну, ухватился за ставни, упершись ногой в стену, поднатужился и рванул на себя. Сорванные с петель, они вместе с запором рухнули на пол. Рукояткой меча он ударил по оконной раме, посыпалась слюда[50], створки окна распахнулись настежь, и волна свежего воздуха ворвалась внутрь затхлого помещения.

Появление молодого, прекрасного собой, в полном вооружении Меровига, и, главное, его неожиданный поступок потрясли Брунгильду. Она оцепенела от восторга. Чистый воздух мгновенно вдохнул в нее новые силы.

Меровиг же в смущении остановился перед Брунгильдой.

— Здравствуй принц Меровиг, мой спаситель, — с улыбкой обратилась к нему Брунгильда..

— Здравствуй, королева! — ответил тот. — Моя драгоценнейшая королева, — торопливо добавил он.

— Ты первый за последнее время, кто назвал меня так, — заметила Брунгильда, не сводя глаз с юноши. Уж больно хорош он был в своем смущении.

Под его взглядом она почувствовала себя прежней красавицей, вызывавшей восторги всякого, кто встречался ей на пути. Глаза ее обрели былой блеск, она невольно выпрямилась. Да, этот прекрасный юный воин явился сюда, в эту темницу, словно ангел с неба. Неужели он ее союзник? И не является ли его появление в этом темном замке знамением свыше? Она невольно потянулась к нему, протянула руку.

Он страстно приник к ней.

— Ты устал с дороги, Меровиг? — снова услышал он ее голос, звучавший для него райской музыкой, — Ты, верно, голоден, но у меня для тебя нет ничего, кроме вот этой остывшей похлебки, — и она указала на миску, стоявшую на столе.

— Не беспокойся, моя прекрасная королева! Я распоряжусь… Я сам!

Неожиданное появление Меровига, да еще такое бурное, привело стражу, охранявшую Брунгильду, к единственному выводу: положение заключенной меняется. Приказы теперь исходят от самого сына короля! Забегали, засуетились. Откуда-то появились драпировки, украсившие убогую обстановку, внесли стол, уставленный прекрасными кушаньями, кувшинами с вином. На пол в виде ковра постелили медвежью шкуру с оскаленной мордой зверя. Брунгильда глядела на всю эту суету широко раскрытыми глазами. Тем временем стража неслышно удалилась, оставив ее с Меровигом наедине.

Тот приблизился к Брунгильде, трепетно взял ее за руку.

— Я виноват перед тобой, моя прекрасная королева, — потупясь сказал он.

— В чем же?

— Я сын своего отца, — был короткий ответ.

---

[50] Первое оконное стекло, хотя и весьма несовершенное, появилось у римлян на рубеже старой и новой эры. летоисчисления. Это стекло, полученное в результате выдувания раскаленной стеклянной массы в виде шара, а потом раскатанное в виде круглых пластинок, вделывали в небольшие отверстия, прорезанные в деревянной доске. Доску с такими четырьмя или пятью отверстиями вставляли в оконный пролет. После падения Римской империи секреты производства стекла были утеряны. В начальный период средневековья в Европе оконного стекла не знали. Часто окна закрывались сплошными деревянными ставнями. В некоторых дворцах, парадных зданиях и культовых сооружениях в мелкие ячейки в оконных проемах вставляли пластинки слюды, которые ценились очень дорого.

Брунгильда сделала протестующий жест:

— Но ведь ты сын и своей матери, королевы Аудоверы. — Это прозвучало как снятие с него вины за отца.

— Да, матушка сейчас с моей сестрой в монастыре, куда их отправил отец. Я недавно был у них.

— За их здоровье! — подняла кубок Брунгильда.

Мровиг с воодушевлением присоединился к этому тосту.

С каждой каплей вина Брунгильду охватывал какой-то внутренний огонь. Внезапно появившийся юноша привлекал ее все больше и больше. Происходившее казалось ей волшебным сном. Она чувствовала, как в ней рождается нечто большее, чем простая благодарность за его неожиданное появление. Он принес с собой не только свежий, чистый воздух, но и новые надежды и желания. Ее неудержимо потянуло к нему, как к сказочному принцу на белом коне. Она даже испугалась своего внезапного чувства, но потом успокоилась, поверив, что это Бог посылает ей награду за пережитые страдания. Ей было и страшно и радостно: она не узнавала себя. Юная мужественность Меровига влекла к себе все больше, ей хотелось быть нежной с ним, она, казалось, забыла на миг все свои горести.

Вдруг Брунгильда резко отодвинулась от стола. Меровиг с недоумением посмотрел глядел на нее.

"Сигиберт... — пронеслось в ее мыслях. — Сигиберт... Неужели я его уже забыла? Нет, нет, я буду вечно помнить его, он всегда со мной. И там, на небе, он смотрит на меня... Он огорчен? Нет, ему радостно, когда ей приятно... И кто этот юноша? Сын врага? Но ведь он и сын твоего брата, он — нить, которая связывает вас... Я всегда с тобой, Сигиберт, ты — мой навсегда..." И она снова потянулась к кубку.

Сделав глоток, Брунгильда наконец почувствовала, что Меровиг держит ее за руку. Она заглянула в глаза принца. В них было столько нежности, страсти, мольбы, что голова у нее закружилась.

— Не надо, — прошептала она — не на...

Слова ее были прерваны страстным поцелуем. Это было смелостью, даже дерзостью. Но ее губы также призывно ответили, и оба забылись в объятиях друг друга. Наступившая ночь стала их ночью.

Забрезжило утро. Первые лучи солнца, теперь беспрепятственно проникавшие в покои через оконный проем, разбудили счастливых любовников, соединенных могучей случайностью, которая управляет жизнью.

А к Брунгильде вновь вернулись все прежние мысли, теперь уже отягощенные ее безрассудством. Она не знала, как ей быть, как смотреть на своего неожиданного любовника.

— Уходи отсюда! — прошептала она. — Тебе нельзя здесь быть! — повторила она со страхом, озираясь.

— Погоди, — стал успокаивать ее Меровиг, — я обо всем подумал. Он даст мне совет!

— Кто?

Вместо ответа он нежно поцеловал Брунгильду.

— Не отчаивайся, я скоро вернусь!

С этими словами Меровиг он стремительно покинул замок. Он спешил в епископскую резиденцию, к Претекстату.

Оставшись одна, Брунгильда предалась отчаянию. Она готова была убить себя за минутную слабость, за то, что оскорбила священную память мужа, разделив ложе с сыном его

брата и врага. Куда умчался Меровиг? И чем он может ей помочь, этот сын Хильперика и игрушка в руках Фредегонды?

* * *

Меровиг между тем доложил о себе служке из окружения, прислуживавшему руанскогому епископу.

Претекстат за несколько лет своего пребывания в Руане снискал себе славу честного служителя церкви, достойного отца своей паствы, смелого защитника правды, радетеля интересов простых людей. При этом ему удавалось избегать королевского гнева, если случалось излагать свою собственную точку зрения. Хильперик понимал, что с такими людьми необходимо считаться — за ними народ…

В те времена церковный иерарх такого ранга обладал большой властью над верующими. Суеверный страх, с которым относились к церкви ее прихожане галльского, а тем более франкского происхождения, способствовал укреплению авторитета отцов церкви. Священник для них был представителем иного духовного мира, мало понятного, но таившего в себе постоянную угрозу впасть в грех или ересь, то есть предать себя врагу рода человеческого — дьяволу. Требовалось всемерно избегать этой опасности, постоянно доказывая Господу чистоту своих помыслов. Но клятвы в верности, творение молитвы — это всего лишь слова. Необходимо было что-то более существенное, чтобы подстраховать себя, попросту — откупиться. Чем? Деньгами, ибо праведной жизнью отличались очень немногие. В руках церкви сосредотачивались большие средства, завещанные ей прихожанами. Кроме того, тесная связь с верующими, знание их повседневных нужд придавало еще больший вес и силу мнению церковных иерархов в глазах сеньоров, представлявших интересы короля, но больше пекшихся о своих собственных. Все это не могло не вызывать зависти к отцам церкви со стороны короля.

Известие о прибытии Меровига обрадовало Претекстата. Они давно не виделись. Как он? Что с ним?

Ласково приветствуя своего любимца, Претекстат в то же время пытливо всматривался в него. Он сразу увидел — с Меровигом случилось что-то архиважное.

На просьбу поведать, что выпало на его долю за то долгое время, что они не виделись, Меровиг, вкратце рассказав о приказе отца возглавить поход на Бордо, сразу же обрушил на старца бурный поток своих переживаний. Это был вдохновенный, порою бессвязный рассказ о чуде, посетившем его, о любви, внезапно подаренной ему и Брунгильде Провидением, о врагах, которые могут помешать им.

Брунгильда... Еще недавно она всех сводила с ума своей красотой, а теперь, после подлого убийства ее мужа, выслана сюда, в Руан, разлучена с детьми… Старый епископ очень жалел ее и верил, что справедливость, в конце концов, будет восстановлена, и она возвратится к себе в Австразию.

Но что он слышал сейчас? Что, задыхаясь от страсти, несет в любовном бреду его крестный сын, которого он младенцем окунал в купель, приобщая это маленькое тельце к Христовой вере? Меровиг и Брунгильда! Хоть и не по крови, но она же его тетка, а он ее племянник! Небеса святые! Этот мальчик, задыхаясь, твердит о своей любви к злейшему врагу своего отца: "Или эта женщина, или смерть!" А как же осада Бордо? Ведь это государственное дело, приказ короля. Нет, любовь у него все затмила! Несчастный! Ведь эта страсть неминуемо приведет его в стан злейших врагов собственного отца. Неужели он этого не понимает? Нет, похоже, не понимает, да еще просит помочь ему. И в чем?!..

* * *

Когда Претекстат услышал, с чем пришел к нему крестник, ему показалось, что он ослышался. Обвенчать Меровига с Брунгильдой? Да что он, совсем ума лишился? Ну да, это все понятно: пришел, увидел — издеваются над женщиной... Да, был потрясен ее красотой, высадил оконную раму, чтобы облегчить ее страдания, да, не устоял перед ее женской красотой, это бывает... Но — брак?! Понимает ли этот безумец, что такое брак, да еще для королевского сына — наследника престола? Это же вести к алтарю будущее страны! Это же обещать Богу заботу о будущем потомстве!

Бедный старик совсем изнемог. Пот крупными каплями выступил у него на лбу. Нечего сказать, хороший подарок поднес ему его любимец, дитя его сердца!

Но Меровиг, казалось, был глух к увещеваниям епископа. Он был весь полон неслыханным счастьем, явившимся ему не иначе, как с Небес, и не мог и мысли допустить об отказе от него. Слезы градом катились из глаз Меровига, когда он заклинал своего учителя согласиться на их брак. Потрясенный таким порывом, Претекстат дрогнул в душе.

Серьезность намерений юноши, желавшего освятить свою любовь к Брунгильде благословением церкви, звучало убедительно. И не следует пренебрегать его глубокой верой в ее могущество. Может быть, этот брак будет искуплением грехов Хильперика и Фредегонды? Нелегко им будет пережить такой поступок Меровига, уж непременно взъярятся, сочтут это государственной изменой. Но пусть. Грех их уж больно велик! Что же касается церковных законов о запрещении браков между родственниками — так родство между Брунгильдой и Меровигом не кровное, можно на это сослаться.

Еще раз взвесив все доводы за и против, Претекстат согласился совершить обряд венчания.

Меровиг чуть не задушил престарелого епископа в своих могучих объятиях, осыпая того благодарственными поцелуями. Затем он помчался к Брунгильде с радостной вестью.

* * *

Неожиданность такого исхода их бурной встречи поразила ее. Она никак не могла предположить, что Меровиг заведет речь о браке. Ей казалось, что в таких условиях об этом и речи быть не могло, тем более, что она просто не представляла себя и Меровига в качестве мужа и жены.

Но он был так напорист, так настойчив и убедителен в своем стремлении узаконить их отношения, что Брунгильда, невольно заразившись его горячностью, дала свое согласие. Закутав любимую в плащ с капюшоном, Меровиг незаметно для стражников, которые теперь уже сами старались не попадаться ему на глаза, вывел ее за ворота, где их ждали приготовленные заранее кони, и через мгновение приглушенный цокот конских копыт затих в тумане.

Венчание состоялось в ту же ночь, в обстановке глубокой секретности, в руанском соборе. Никто из посторонних на этом обряде не присутствовал. По окончании его Претекстат поздравил счастливую пару со свершением таинства брака. В ответ они оба, несмотря на его сан, бросились к нему, обнимая, целуя, проливая слезы благодарности. Сам взволнованный до глубины души, епископ отпустил их и потом долго еще не мог успокоиться, обдумывая происшедшее. Ему вспомнились стихи Катулла:

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, как ты сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет — чистым от честной души![51]

Счастливые молодожены в ту ночь не спали ни минуты. Для них наступила пора любви, они переживали свой выстраданный медовый месяц.

Упоенная обрушившейся на нее страстью, Брунгильда, отдаваясь своему ответному чувству, мечтала: вот ее Меровиг, сильная личность, неутомимый как в любви, так и в жизненных делах. Вместе с ним она не пожалеет никаких сил, чтобы добыть ему корону всей Галлии, и тогда они призовут на суд воплощенное зло, гнусную женщину, толкающую людей на подлые убийства, злодейку Фредегонду! Она ответит за смерть Гальсвинты и подлое умерщвление Сигиберта! Нет, нет, это будет не месть, это наступит торжество Правды, изничтожающей Зло на Земле!

Глава тринадцатая, рассказывающая об изгнании Брунгильды, аресте и суде над Меровигом и епископом Претекстатом

А Хильперик все-таки не мог забыть Брунгильду. Она все больше и больше влекла его. Воспоминания о постигнувшей неудаче не смущали: небось, живя под стражей, в одиночестве, в холодном замке, она, несомненно, станет сговорчивее, когда он посетит ее вновь.

Король решил соединить приятное с полезным: проверить, как идут дела у Меровига, как он справляется с осадой первого города, который ему поручено взять, а заодно заехать в Руан, к епископу Претекстату. Брунгильда ведь там рядом….

Рисуя в мыслях самые соблазнительные картины, он готовился к этой поездке, как вдруг получил из Руана донесение от Мелетия.

"Интересно, — весь еще погруженный в сладостные мысли бормотал Хильперик, — что это он вдруг гонца прислал? Все, вроде, идет по плану, Меровиг приступил к осаде. Или случилось что-то непредвиденное?"

Вчитавшись в неровный почерк Мелетия, Хильперик зарычал от ярости. Меровиг — муж Брунгильды? И их обвенчал сам Претекстат?! Мальчишка, сосунок, который только-только должен был заняться мужским делом, ударился в разврат! Да ведь по мужу она ему теткой доводится! Нанести такой удар ему, Хильперику, и кем! Собственным сыном!

Готовый взорваться от охватившей его бури гнева, он поспешил к Фредегонде. Та постаралась скрыть свою радость: ненавистный наследник сам готовит себе гибель! Внешне она постаралась всячески выразить свое возмущение и всемерно одобрила желание мужа немедленно ехать в Руан. Меровиг покинул своих солдат! Он изменил своему воинскому долгу! Он заслуживает сурового наказанияНадо примерно наказать его.

* * *

Собрав свой отряд, Хильперик бросился в Руан.

Прибыв туда, он сразу же явился к Претекстату.

---

[51]Из лирики Катулла (109). Перевод А.Фета. Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 2. Н.Ф. Дератани, С.П.Кондратьев, Н.А. Тимофеева. Римская литература. Учпедгиз, М., 1949, с.146.
Гай Валерий Катулл (G. Valerius Catullus,(ок. 87-54 гг. до н. э.) — виднейший римский лирик.

— Ну, пастырь, удружил! — бросил он с ходу и, схватив епископа за сутану так, что та затрещала, зарычал: — Сговорились?! Ответишь! Судить тебя будем, судить! — и выбежал вон.

Следующая его встреча была с молодыми. Здесь он на первых порах сдерживал себя — все-таки это брак, формально освященный церковью. С этим надо считаться. Хмуро поздоровавшись, Хильперик приказал своим слугам организовать маленький пир и даже на правах свекра поцеловал Брунгильду в лоб.

За столом восхищенный Меровиг, наклонившись к Брунгильде, прошептал:

— Чтоб отец — и так нас встретил? Вот уж не ожидал от него!

Он поднял кубок за здоровье отца.

Хильперик, подняв ответный кубок, хотел произнести приличествующие случаю слова, но не выдержал. Швырнув кубок на пол, он закричал:

— Стража!

Явившиеся по его зову воины окружили Меровига. Тот попытался вырваться, но на него набросились несколько дюжих молодцев и связали ему руки. Брунгильда, осознав происходящее, застыла в оцепенении.

— В Суассон его! — последовал приказ короля.

И Меровига тотчас увели, не дав попрощаться с Брунгильдой.

— А ты... ты… — в бешенстве обратился к ней Хильперик. — Я хотел тебе добра. А ты предала меня, предала память о моем брате. Скучно стало в Руане? Замуж захотела? Так вот, никогда больше ты не увидишь своего молоденького муженька! Вон! Вон отсюда! Иди, куда хочешь! Ты для меня больше не существуешь! Не существуешь!

И он тут же отдал приказ изгнать Брунгильду из Руана в чем была — пусть идет на все четыре стороны. Только на свою Австразию пусть не надеется. Не ждут ее там!

Брунгильда разом была сброшена с вершины счастья в бездну невзгод. Сорвав с нее красивое верхнее платье, в которое обрядил ее Меровиг, стража бросила ей жалкие лохмотья побирушки. В этом рубище ее доставили к крепостным воротам и вытолкали за пределы города.

В отчаянии брела по дороге Брунгильда. Жизнь ее, так неожиданно счастливо начавшаяся еще несколько дней назад, казалось конченой.

Закрыв за Брунгильдой ворота, стража взялась за метлы и стала заметать следы бывшей королевы Австразии. Таково было распоряжение Хильперика: пусть люди видят, что она не достойна даже своих следов в уличной пыли.

* * *

Когда отряд Хильперика вместе с содержавшимся под стражей Меровигом подходил к Суассону, их встретил скакавший во весь опор гонец. Это оказался Гаилен. Он доложил Хильперику, что послан палатным мэром Ландериком, заправлявшим делами во дворце в отсутствие короля, с призывом о помощи — город в осаде.

Что за напасть?! Откуда взялся враг? Выяснилось: гибель Сигиберта внесла в ряды австразийских баронов смятение. Некоторые из них переметнулись к победителю, Хильперику. Но через короткое время они одумались. И вот, возвращаясь из похода домой, два австразийских сеньора решили искупить свою вину и по дороге захватить Суассон, столицу Нейстрии.

Дождавшись подкрепления, Хильперик ударил по неожиданным захватчикам и разбил их. Кстати сказать, это была единственная, достигнутая лично им победа за всю его жизнь.

Меровиг все это время оставался под стражей. Его друг Гаилен никак не мог поверить в случившееся. Успев обменяться с Меровигом несколькими словами, он теперь был в курсе

всего, что произошло. Стараясь приободрить павшего духом друга, Гаилен пообещал подумать, что можно сделать для него сделать в этой ситуации.

* * *

Когда Фредегонда узнала, как распорядился Хильперик с Брунгильдой, она даже застонала, схватившись за голову.

— Отпустил злодейку, живой из рук выпустил! — причитала она. — Обоих надо было привезти, Меровига и ее. Я бы с нее спесь сбила! Глупость ты сделал большую! Самому себе яму выкопал, скудоумец!

— Я ее не просто отпустил, — оправдывался Хильперик, — я ее выгнал с позором и слышать о ней больше не хочу.

— Так услышишь! Она еще себя покажет!

— А как? В Австразии ее никто не ждет.

— Оба должны были ответить! На престол они зарились!

— Ну уж нет! Не видать теперь моему сыну престола! Сам себя его лишил!

— Теперь Меровигом я сама займусь. Уж он-то с головой расстанется, это точно!

Но Хильперик осадил Фредегонду:

— Сразу о голове его заботишься! Оставим в живых, пусть век сидит в темнице.

— Он же долгу изменил! Солдат своих бросил! Смерть ему!

Фредегонда боролась за свою идею: извести всех детей Аудоверы ради престола для своего сына.

— Разберемся! — решил Хильперик. — Но сперва поквитаемся с епископом: по моему приказанию Претекстата уже доставили в Париж.

Хильперик считал теперь Париж полностью своим городом. На своего брата Гонтрана, который формально правил Парижем вместе с ним, он уже не обращал никакого внимания.

* * *

Пока святые отцы собирались на церковный суд в Париж, в королевском замке в Суассоне над Меровигом было устроено судилище по древнему обряду.

Уличенному в проступке члену королевского дома могли коротко обрезать волосы, "под горшок", как обычному смертному франку, в случае, если в будущем ему было обещано помилование: волосы отрастали, и вина прощалась.

Но если виновного хотели навсегда изгнать из общества, его стригли совсем накоротко, "по-римски", и тогда уж он не мог рассчитывать на облегчение своей участи. Такой стрижкой он низводился до положения раба, и с ним после этого можно было делать все, что угодно, вплоть до лишения жизни.

Рассказывают, что в давние времена один жестокий и властный король, пожелавший избавиться от своих племянников, которые могли осложнить его сыну путь к трону, спросил у своей матери, их бабушки: что она выберет для своих внуков — остричь им длинные волосы, или убить их. Женщина, не колеблясь, выбрала своим внукам смерть. Время "длинноволосых королей" — так в древних хрониках назывался этот период истории.

Меровига приговорили обстричь "по-римски". "In nomen magne ecclesiae orbis... Во имя высшей власти и авторитета церкви нашей", — произнес председательствующий.

Когда появился исполнитель этой, по существу, гражданской казни с ножницами в руках, Меровиг понял, что Фредегонда добилась своего. Не желая унижаться мольбой о снисхождении,

он откинул на спину гриву своих не стриженных с рождения волос — древний германский символ воинского достоинства и чести — и склонил голову, будто клал ее на плаху. Лязгнули ножницы, и длинные пряди упали на пол.

Было также решено сослать Меровига в монастырь Сен-Кале для последующего пострижения в монахи, лишив его тем самым возможности вернуться в мирскую жизнь.

Весть о решении суда с быстротой молнии облетела жителей Суассона. Она вызвала всеобщее возмущение, но люди ничего не могли поделать. Лишь один человек лихорадочно думал о том, как помочь своему другу. Это был Гаилен.

* * *

Епископский суд над Претекстатом должен был состояться в Париже, в базилике святых Петра и Павла, где были погребены останки великого Хлодвига, победителя римлян, короля единой Галлии. По тем временам это было большое здание, которое могло вместить много народу. Размеры богато украшенной изнутри базилики, соответствовали, согласно преданию, расстоянию, на которое метал свою франциску Хлодвиг.

Всего на суд съехалось сорок пять епископов — все главы приходов из различных городов. Большинство из них были галлами, но уже чувствовалось, что франки, известные своей напористостью, теснят тех и на церковном поприще.

Среди епископов-галлов особым авторитетом был славен Григорий Турский, человек ученый и справедливый, настоятель знаменитой базилики святого Мартина, что была в городе Туре. Происходил он из знатной галло-римской семьи из города Клермон Овернский, и до принятия священства в миру его звали Георгием Флоренцием. Помимо исполнения своих епископских обязанностей он был глубоко увлечен написанием монументального труда "История франков", поставив себе задачу донести до грядущих поколений события, которые происходили в жизни его народа, sine ira et studio — "без гнева и пристрастия", как говорил еще Тацит[52].

Кроме Григория Турского были и другие известные епископы — Фенека Нантский, Домиол Манский, Фюльбер Шартрский, Ремигий Реймский, Бушар Вандомский.

Франков представлял в первую очередь Бертрам Бордосский. Он был родственником королей, превосходил своих сородичей хитростью, отличался редким женолюбием. Кроме бесчисленных прислужниц в храме, он выбирал себе любовниц из числа замужних знатных прихожанок и, по слухам, находился в связи с самой Фредегондой. В жизни он отличался королевскими замашками, любил роскошь и почитание. Бертрам Бордосский был избран председателем суда. Кроме него из франков были епископы Левдовальд из Баеде, Магульф Сандийский и ряд других.

Надо сказать, что франки и галлы редко ладили между собой, особенно когда им приходилось участвовать в каких-то общих мероприятиях. Но сейчас их всех волновала судьба Претекстата. Епископ пользовался широкой известностью как человек святой жизни, и поэтому они недоумевали, в чем же провинился их собрат.

Сам Претекстат мало думал о себе. Его беспокоили вести из Суассона. Он очень переживал случившееся с Меровигом и понимал, что спасти юношу может только чудо, поскольку Хильперик отбыл в Париж, оставив Фредегонду дома одну. Теперь она там полная хозяйка, и ей ничего не стоит подстроить смерть Меровига от "несчастного случая".

---

[52] Тацит (ок. 58 – ок. 117) – римский историк.

* * *

Хильперик явился в Париж, как хозяин, и сразу занял место среди судей, что по традициям духовного суда было вопиющим беззаконием. Кроме того, возле запертых дверей шумно толпились приехавшие с ним воины, что также вызывало неудовольствие прелатов[53]: ритуал судебного заседания представлял собой особую церемонию, подобную богослужению. Суд всегда исходит от Бога, а не от людей, а тут такой шум и столпотворение!

Не успел председатель суда, Бертрам Бордосский, объявить о начале слушаний, как поднялся Хильперик и сразу же заорал, обращаясь к Претекстату:

— Епископ! Как осмелился ты женить моего сына на его тетке? Ты желал мне смерти, ты настроил против меня сына и сделал его моим врагом, ты хотел помочь ему захватить мое королевство!

Крик Хильперика взбудоражил воинов около дверей, они стали ломиться в базилику. Тогда поднялся Григорий Турский и сказал, что в таких условиях невозможно творить суд. Хильперику пришлось смириться: он послал слугу, чтобы тот от его имени короля успокоил воинов, а сам он перестал в открытую вмешиваться в судебный процесс слушания.

Первым прелаты захотели выслушать короля. Чтобы обеспечить себе моральное, как ему казалось, преимущество, Хильперик сходу попытался уличить Претекстата в мздоимстве, то есть в получении вознаграждения от Брунгильды за совершение таинства венчания без уведомления королевской власти о предстоящем браке наследника престола и получения от оных властей соответствующего разрешения. Потом он, сверля глазами Претекстата, спросил, куда делись деньги, которые были даны ему королем на содержание Брунгильды.

— Вспомни, король, — ответил на это обвинение Претекстат, — я регулярно направлял тебе отчеты об этих тратах.

— Я ничего не получал, — заявил Хильперик.

— О, король, — тут уже Претекстат пристально посмотрел тому в глаза — зная, как часто теряются финансовые документы, я в присутствии трех уважаемых в Руане горожан оставил на всякий случай дубликаты этих отчетов, которые они и подписали и скрепили своими личными печатями, подтверждая их соответствие отосланным оригиналам.

Хильперик смешался. Дальнейшие его столь же неудачно обоснованные претензии показали судьям, что для обвинения епископа в воровстве доказательств у короля нет. Тогда у него возник замысел обвинить Претекстата в злоумышлении против короля, и он предъявил епископу новое обвинение.

Начался вызов и допрос свидетелей. Это были знатные франки, прихожане руанского собора. Они показали, что из почтения к Претекстату после службы заходили к нему, приносили различные подарки. Однако епископ и сам всегда одаривал их, призывая на них милость Божью.

— Что при этом он говорил? — задал вопрос свидетелям епископ Бертрам.

— Он просил не оставлять своим вниманием молодого принца и окружить того заботой и лаской, воспитывая тем самым в нем добро к людям, так же как это делал он сам.

— А не склонял ли епископ вас при этом к убийству короля Хильперика? Не велось ли подобных разговоров, не делались ли намеки? — продолжал Бертрам Бордосский.

Свидетели заявили, что Претекстат никоим образом не склонял их к злоумышлению против короля и не вел каких-либо разговоров на этот счет.

---

[53] Прелат – в католической церкви высшее духовное лицо, имеющее право вершить суд.

После допроса ряда других свидетелей обвинение епископа в злоумышлении против короля также было снято.

В перерыве Хильперик подошел к Григорию Турскому и впрямую спросил, чью сторону тот поддерживает.

— Я еще не сказал своего слова, — ответил Григорий.

— Уходя от прямого ответа на вопрос короля, — заявил ему Хильперик, — вы, епископ, помогаете неправде. Хотя вы, церковники, здесь все заодно… Верно говорят: ворон ворону глаз не выклюет.

— Вы несправедливы, мой король. Если бы кто-нибудь из нас уклонился от правды, его тотчас поправили бы. А вот если ошибается король, то кто поправит его? Уповать на суд Божий хорошо, но он вершится на небесах и только после того, как человек пройдет свой земной путь. Мы же в ответе за справедливые решения в отношении живущих на земле сегодня.

Вечером, желая сгладить впечатление от своей грубости на суде и явно сфабрикованных обвинений в адрес Претекстата, а также стремясь прослыть радушным хозяином, Хильперик устроил торжественный ужин для епископов. Стол был уставлен всякими яствами, винами и фруктами. На ужине Хильпрерих всячески подчеркивал свое уважение к церкви, и говорил, что даже специально приказал сварить для духовных лиц суп не из мяса животного, а из мяса птиц.

В ответ Григорий Турский медленно отломил левой рукой кусочек хлеба, правой рукой слегка наклонил кубок и окропил хлеб вином, давая тем самым понять королю, что, несмотря на их острый разговор, он готов сотрудничать с королевской властью. Такой знак, продиктованный этикетом церковно-светских условностей того времени, должен был бы однозначно воспринят окружающими. Но жест епископа был превратно истолкован Хильпериком. В ту же ночь к Григорию пришли люди от Фредегонды и сказали, что королева даст двести фунтов серебра, если тот осудит Претекстата.

— Я поддержу только то решение, — бесстрашно ответил епископ, — которое будет справедливо и вынесено в соответствии с каноническими правилами, а так — пусть мне обещают хоть двести, хоть две тысячи фунтов, я буду нем.

На всех последующих заседаниях Хильперик всячески пытался добиться подтверждения нужного ему обвинения, но тщетно. Доказательств какого-либо преступления, совершенного Претекстатом, не было.

Тайно собрав прелатов-франков, Хильперик обратился к ним с призывом помочь ему. Обвинение Претекстата в воровстве, в получении денег от Брунгильды за венчание полностью провалилось. Обвинение в злоумышлении также не прошло, но оно ведь может толковаться расширительно, и теперь любым способом нужно подстроить дело так, чтобы Претекстат сам сознался в этом.

Понимая, что король от своего не отступится, в одну из ночей к Претекстату со словами увещевания обратился Бертрам Бордосский. Он умолял опального прелата частично признать свою вину в тайном совершении брачного обряда, покаяться в содеянном и попросить прощения, и обещал, что в этом случае все судьи падут на колени и будут просить короля о помиловании.

— И оно будет дано, — заверил Бертрам Претекстата. — Я позабочусь об этом.

Неожиданно тот спросил:

— Согласиться ли король так же тайно, ночью придти ко мне?

Бертрам ответил, что немедленно передаст эту просьбу королю, и сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы король навестил Претекстата

Когда Хильперик узнал, что подсудимый хочет с ним увидеться, он был поражен. В ту же ночь, закутавшись в плащ с капюшоном, который прикрывал лицо, король пришел к епископу.

Оставшись наедине, они долго молчали. Наконец, епископ сказал:

— Ты хочешь, чтобы я признался, что злоумышлял против тебя?

— А разве это не так?

— Да, я злоумышлял против тебя, освящая этот брак, но тем самым я хотел искупить твой грех в смерти брата!

— Это ты говоришь мне сейчас, наедине. А что ты скажешь на суде? Мне *там* нужно твое признание, — потребовал Хильперик.

— Я скажу нужные тебе слова, если ты поклянешься мне самой страшной клятвой — ранами Христовыми — что Меровиг останется жив! — сказал Претекстат.

И снова наступило молчание.

Наконец, Хильперик хрипло произнес:

— Клянусь!

— Ранами Христовыми?

— Да. Его ранами.

Разговор на том окончился. Договор был заключен.

* * *

Вернувшись к себе, Хильперик велел принести список канонических правил и углубился в чтение раздела о лишении епископского сана. И тут он пошел на прямой совершил подлог. Под страхом смерти, если тот проболтается, он велел своему палатному мэру Ландерику аккуратно подчистить в списке проступков, за которые полагалось лишение сана, слово "мошенничество", и заменить его словом "злоумышление". Теперь этот пункт читался так: "Епископ, уличенный в злоумышлении, будет лишен сана".

"Конечно, — подумал Хильперик, — если епископы проявят дотошность и обратятся к тексту этого старинного документа, поскольку "злоумышление" звучит здесь уж больно неопределенно и может означать что угодно, да и при чтении подчистка видна будет, — мне придется туго. Ну да ничего. И не из таких переделок я выходил сухим. С другой стороны, все судьи будут в шоке от признания Претекстата, а потом я утомлю их чтением всего раздела. После этого никому и в голову не придет потребовать у меня сам текст, чтобы удостовериться, что этот пункт звучит именно так. А как было написано на самом деле они наверняка не помнят".

Успокоившись на этом, Хильперик с легким сердцем заснул.

* * *

На следующее утро на очередной вопрос Бертрама Бордосского — признается ли подсудимый, что он злоумышлял против короля, освещая этот брак, Претекстат неожиданно упал на колени, приник лицом к земле, потом прошептал:

— Прости мне, Господи, мой грех! — И, встав во весь рост, сказал Хильперику: — Тебе нужно было мое признание, король? Вот оно! Я действительно злоумышлял против тебя, я согрешил против неба и пред тобою, о всемилостивейший король, я нечестивый убийца, я хотел тебя убить и возвести на трон твоего сына!

Судьи ахнули от изумления.

Как только Хильперик услышал эти слова, он бросился к ним, вскричав:

— Слышали? Слышали? Преступник только что сам признался в своем злоумышлении! А признание — это царица доказательств!

В зале заколыхались епископские митры: епископы были настолько потрясены этой сценой, что растерялись, глядя в недоумении друг на друга, и забыли, о чем просил их Бертрам — сразу же пасть на колени перед королем, если Претекстат признается, и молить того о помиловании.

В этот момент Хильперик велел принести канонические правила и стал громко зачитывать их длинную преамбулу. Затем он сделал паузу и огласил:

"Епископ, уличенный в злоумышлении, будет лишен сана".

Как и предполагал король, никто не удосужился посмотреть весь список, иначе подделка была бы обнаружена. Все поверили Хильперику. Да что там говорить! Все же слышали: подсудимый сам признался в злоумышлении. У сомневавшихся даже отлегло от сердца — сам же…

Григорий Турский молчал. Он недоумевал: что заставило уважаемого человека признаться в том, чего он не совершал? Но обвиняемый публично признал себя виновным. То есть вина формально считается доказанной. Теперь суд должен был сказать свое слово.

Бертрам Бордосский поднялся со своего места и обратился к подсудимому:

— Слушай нас, брат во Христе! Исходя из твоего признания и руководствуясь каноническими правилами объявляю, что ты лишаешься своего сана. Ты не сможешь пользоваться нашей любовью до тех пор, пока не получишь прощения у короля, против которого злоумышлял.

— А от короля ты вполне заслужил ссылку на семь долгих лет в какой-нибудь дальний северный городишко на побережье океана, который мы определим позже, — добавил Хильперик.

Претекстат молча встретил приговор. Он сдержал свое слово, очередь теперь была за королем.

* * *

А Хильперик вновь оказался между молотом и наковальней. У него не прошла еще боль от утраты старшего сына Теодеберта, убитого в бою бароном Бозе. Хильперик давно бы расправился с этим Бозе в традициях родового кодекса древних германцев — око за око, если бы тот не прибегнул к заступничеству церковного закона, защищавшего всех, кто просил убежища под сводами базилики святого Мартина, что находилась в Туре. Опять церковь стояла на пути короля…

Фредегонда же, напротив, втайне всячески благоволила Бозе именно потому, что тот устранил одного из претендентов на трон Нейстрии, на который у нее имелись свои планы. Именно поэтому, когда над Меровигом была совершена гражданская казнь, она была вне себя от радости, потому что законным образом устранялся очередной кандидат на трон.

Но устранение Меровига — это лишь полдела. Ведь здесь сын изменил своему отцу и королю! Он должен понести заслуженное наказание, а то какой же это пример будет для верноподданных? Гражданская казнь слишком малое наказание. За измену полагается смерть. Скрывая свои тайные стремления, Фредегонда всеми путями пыталась подвести Хильперика к мысли о том, что закон хоть и суров, но это закон, и он должен неукоснительно соблюдаться. Dura lex, sed lex — так всегда говорили римляне.

Хильперик же был во власти слова, данного им Претекстату, что Меровигу не будет грозить смерть. И потом, все-таки, тот был его родным сыном. В ответ на уже открытые требования Фредегонды предать Меровига казни, Хильперик предпочитал ссылаться на

различные случаи из жизни, когда такая гражданская казнь над воином была для того куда тяжелее казни на плахе, или углублялся в хитроумное толкование законов, отстаивая перед ней свою точку зрения.

На этот раз Фредегонда потерпела поражение, но от своих планов не отказалась.

Глава четырнадцатая, повествующая об успешном побеге Меровига и планах Фредегонды "изловить дичь"

Гаилен в это время придумал, как помочь своему названному брату. Он сговорился со своим другом Гриндом и еще несколькими молодыми людьми, и они вызнали день и час, когда вооруженный отряд, конвоировавший Меровига, должен был отправиться в монастырь, где тому было определено проживать навечно. Незаметно проследовав за отрядом и найдя удобное место, Гаилен с друзьями напал на охрану.

В происшедшей схватке стража была перебита. Спасся только один воин, который тут же ускакал обратно в Суассон. Его не смогли догнать.

Опьяненный неожиданной свободой, Меровиг горячо поблагодарил своих спасителей. Он тут же сбросил с себя ненавистный монашеский хабит — длинную, до пят рубаху из грубой ткани с капюшоном и широкими рукавами, — а потом натянул франкскую безрукавку-стеганку, обшитую надежной стальной чешуей, обулся в мягкие кожаные сапоги, которые загодя приготовил ему Гаилен. В привычной одежде Меровиг как будто почувствовал прилив новых сил: он выхватил из чьих-то рук меч, завертел им в воздухе, крича, — "Зелено дерево, и еще вырастут листья!" — и предложил своим освободителям немедля сопровождать его в Мец, к своей жене, королеве Брунгильде. Он был уверен, что та все-таки добралась туда.

Разговор происходил в глухом лесу, где укрылся отряд Гаилена. Они дождались ночи, чтобы двинуться дальше. Тут к ним подбежал разведчик, которого Гаилен выслал вперед к дороге, поглядеть, чист ли путь, и сообщил, что видел, как невдалеке с отрядом воинов проскакал Хильперик. Видно, оставшийся в живых стражник успел донести королю о случившемся, и их ищут.

Гаилен полагал, что ехать сейчас в Мец — чистое безумие. Прежде всего, Меровигу надо добиваться, чтобы его восстановили в правах и признали принцем нейстрийского дома. Свобода вещь прекрасная, но ее надо уметь защищать. Восстановить свою честь не так-то просто. Для этого необходимо найти покровителя и безопасное место для переговоров.

— Дядя Гонтран! — воскликнул Меровиг. — Едем к нему!

— А ты уверен, что он тебя поддержит? — в упор спросил его Гаилен. — Сколько раз он заключал с твоим отцом союз, а потом расторгал его? Если вот так, вдруг явиться к нему, то неизвестно еще, как он тебя примет...

Меровиг приуныл: устами Гаилена говорила жестокая реальность. Что же делать?

— Надо просить защиты у святого Мартина! — продолжал Гаилен.

— Так он же давно умер! — наивно заметил Меровиг.

Гаилен улыбнулся.

— Я говорю о базилике святого Мартина в Туре. Тот, кто добьется покровительства церкви и укроется в базилике, может считать себя в безопасности. Таков закон.

Меровиг оживился. Эта идея не приходила ему в голову.

— Оттуда можно снестись и с королем Гонтраном и вообще хлопотать о возвращении твоего титула. А за это время отрастут и твои волосы. Негоже стриженому, как каторжнику, являться перед очами жены своей.

Меровиг горячо обнял своего рассудительного друга. Он был согласен ехать в Тур.

Чтобы не быть узнанным, Меровиг вновь облачился в свое монашеское одеяние и надвинул пониже капюшон. Отряд тронулся в путь.

* * *

В Суассоне между тем произошел очередной взрыв страстей, взаимных упреков и обвинений. Фредегонда в который раз доказывала Хильперику, что единственно правильный способ в спорах между родственниками — это извести противника. Как говорится, нет человека — нет проблемы.

— Сколько раз я тебе твердила, — чувствуя себя на коне, нападала Фредегонда, — что это простое, но самое верное средство. И использовать его следует немедленно — тогда выигрыш налицо. А что сейчас? Меровиг на свободе, еще неизвестно как все обернется: не на всех баронов можно положиться. Кроме того, ты явил наихудший пример своим подданным, показав, что родственные привязанности для тебя выше закона. Вот твой дед, Хлодвиг, был куда решительней. Говорили же, что, когда просто заезжий гость начинал ему досаждать, сам того не ведая, то король тут же приказывал своим воинам отрубить тому голову. А тут такое дело…

Хильперик внутренне понимал, что Фредегонда по-своему права, но вслух признаться в том не мог. Пытаясь сохранить лицо, он поднял на ноги охрану и приказал немедля отправить отрядить отряд из самых опытных воинов на поиски Меровига.

Больше всего король опасался, что тот будет пробиваться в Мец, к Брунгильде. Несомненно, из Руана она направилась именно туда, хотя Хильперик, зная настроения местных сеньоров, и предупреждал ее, что там экс-королеву отнюдь не ждут. Но, чтобы действовать наверняка, Хильперик дал приказ перекрыть все дороги, которые вели в Мец. И кто бы мог подумать в ту минуту, что его сын с верными товарищами скачет совсем в другую сторону, в Тур?

* * *

Достигнув Тура, Меровиг увидел, что в городе проходили празднества в честь святого Мартина. Еще на окраине города он вновь переоделся в одежду монаха-пилигрима. Оставив своих товарищей на площади перед собором, он вошел туда, когда служба уже подходила к концу, и дьякон раздавал верующим просвирки для причастия. В монашеском одеянии Меровиг чувствовал себя в достаточной безопасности. Он приблизился к дьякону и представился паломником из далеких мест, который хотел бы встретиться с епископом после службы.

Когда "монаха" провели в покои Григория Турского, Меровиг откинул с лица капюшон, и тот узнал принца. Свой рассказ Меровиг начал с истории женитьбы на Брунгильде, как им помог епископ Претекстат, что произошло потом. Он хотел, чтобы Григорий из его уст услышал правду. А тот, недавно вернувшийся из Парижа, где проходил суд над Претекстатом, рассказал своему нежданному гостю о лишении Претекстата сана. Григорий добавил, что ему известно, что, публично признав себя виновным, Претекстат выполнял тем самым договоренность с королем, обещавшим сохранить Меровигу жизнь.

— Ты понимаешь, чем пожертвовал для тебя твой учитель? — закончил свой рассказ Григорий.

Меровиг был потрясен. Он почувствовал себя сиротой в полном смысле этого слова. Преклонив колени, он вознес молитву за своего пострадавшего учителя. Затем он попросил Григория взять под покровительство церкви его со своими спутниками, а также предоставить им временное убежище в базилике святого Мартина, пока он будет бороться за восстановление

своей чести и своих прав. А когда справедливость восторжествует, то он возвратится к своей любимой супруге, королеве Брунгильде.

Епископ долго молчал. Он смотрел на молодого человека и думал, что путь, избранный им, труден, и неизвестно, что его ждет впереди. Вокруг принца столкнулось слишком много интересов. Но помощь ему нужна. И Григорий дал согласие обратиться с молитвой к святому Мартину и просить у того разрешения приютить этого юношу и его спутников в базилике монастыря.

Меровиг горячо поблагодарил епископа за такое решение. Его тут же отвели в пристройку главного здания, которая считалась как бы частью базилики. Там Меровиг и расположился со своими спутниками. Наконец принц смог спокойно заснуть, ощущая могучую защиту святой церкви.

На следующее утро его навестил Бозе, также скрывавшийся здесь от Хильперика. Появление Меровига чрезвычайно заинтересовало хитрого франка. "Не сулит ли новое соседство какую-нибудь выгоду для меня, — размышлял он, — особенно если учесть, что Фредегонда ненавидит Меровига, как претендента на трон, и благоволит мне, как человеку, устранившему другого подобного претендента. Надо бы написать ей и, быть может, извлечь пользу из создавшегося положения. Впрочем, время подскажет, как действовать дальше".

В беседе с Меровигом Бозе пошел на клятвопреступление и заявил, что не убивал его брата. Причем он был настолько убедителен, что Меровиг потянулся к нему и даже стал следовать его советам. Прежде всего он написал письмо отцу. Он клялся в верности, говорил, что жестоко страдает от тяжкого осуждения, и просил сменить гнев на милость. Потом принялся писать послание своему дяде Гонтрану, королю Бургундии.

* * *

Тем временем в Суассоне не дремали. Не без помощи Фредегонды, получившей весточку от Бозе, до Хльперика окольными путями дошел слух, что Меровиг скрывается в базилике святого Мартина в Туре. Для его захвата тут же был снаряжен усиленный отряд во главе с военачальником Роккелеком.

Фредегонда же послала Бозе с гонцом письмо с заданием: любым способом выманить Мероивга из базилики, чтобы тот попал в руки Роккелека. Прибыв со своим отрядом в Тур, Роккелек первым делом потребовал у епископа Григория выдачи Меровига, угрожая в противном случае войти в город и разгромить базилику.

Григорий спокойно ответил, что святой Мартин, а тем паче церковь, руками своих прихожан не допустит исполнения подобного кощунственного приказа, попиравшего все мыслимые христианские законы. Более того, он предъявил Роккелеку иммунитетную грамоту[54], подписанную Хильпериком, в которой говорилось следующее: "Пожаловали мы епископу Турскому наше благодеяние в том, что в пределы поместий церкви его не смеет входить ни одно государево должностное лицо для слушания судебных дел или взыскания каких-либо судебных штрафов, но сам епископ владеет всеми означенными правами".

— Прошу вас, мессир, убедиться в том, что тут четко написано: "в пределы церкви не смеет входить ни одно государево лицо". Вы хотите нарушить священную волю короля? — В голосе Григория звучал нескрываемый сарказм.

---

[54] Иммунитетная грамота (от *лат.* "immunistas" – освобождение от чего-либо). В средневековой Западной Европе давала право ее обладателю осуществлять в своих владениях некоторые государственные функции (например, суд, сбор налогов, полицейский надзор) без вмешательства представителей центральной власти.

Это был сильный ход. Роккелек тупо смотрел на грамоту в полном изумлении: видимо, посылая его на задание, Хильперик совсем запамятовал, что когда-то выдал такую охранную грамоту. "Вот уж, действительно, правая рука не знает, что делает левая", — раздосадованно подумал Роккелек и, постояв немного под стенами города со своим отрядом, повернул обратно.

А Бозе, не зная, что Роккелек уже покинул Тур, действовал, как наказала ему Фредегонда. Он устроил охоту и пригласил Меровига участвовать в ней. Насидевшемуся в базилике принцу это показалось прекрасным развлечением. Он, забыв об опасности, покинул стены своего убежища и, прибыв на место, где уже вовсю шумели загонщики, в охотничьем азарте погнался за оленем.

Трофеи были богатыми: несколько вепрей, два оленя и три косули. Местные загонщики из алеманнов бурно радовались такой добыче. Тут же был устроен и небольшой пир. Освежевав тушу вепря, ее жарили на импровизированном вертеле из буковых жердей над большим костром.

Видно, самой судьбой принцу было уготовано избежать расставленной Фредегондой ловушки. Пригласи его Бозе на охоту денем раньше, и Меровиг был бы уже в руках Роккелека. Но тот уже далеко ушел от Тура, и принц благополучно вернулся домой.

* * *

Основная просьба, с которой Меровиг решил обратиться в письме к своему дяде Гонтрану, — чтобы тот помог ему сорвать козни Фредегонды, послал бы посольство в Австразию и включил в него Меровига с его нынешней свитой. Посольство может поставить вопрос о признании Меровига мужем королевы Брунгильды.

В ответном письме племяннику Гонтран сперва согласился, что "Фредегонда враждебна Богу и людям", но, касаясь его просьбы о посольстве, туманно сослался на особые государственные соображения и отказался это сделать. Последней фразой он совершенно огорошил Меровига: "И вдобавок, ты-то там кто? Кому ты там нужен? Муж без жены, король без королевства?"

Оскорбленный Меровиг в тот же день решил сам прорываться в Мец.

Своим спутникам он сказал:

— Мы выезжаем в Мец. К Брунгильде!

— В Мец, так в Мец, — сказал, переглянувшись с товарищами, Гаилен. Им стало ясно, что план с дядей Гонтраном потерпел неудачу, и вскоре они тронулись в путь через Вогезские леса.

* * *

А в Меце было неспокойно.

Когда опозоренная, нищая Брунгильда явилась в Мец, тамошние вельможи даже не захотели ее принимать. Весть о ее новом браке уже достигла Австразии и вызвала там бурное осуждение. Повод был достаточно серьезный. Кроме того, ряд вельмож, объединившись под предлогом обеспечения должного воспитания юного короля Хильдеберта, сына Брунгильды, переправленного в свое время в Мец отцом Годвином и герцогом Гундовальдом, уже начали самостоятельно править от его имени.

Нежданную гостью во дворце многие встретили с явной неприязнью. Ее не хотели даже допускать к сыну. "Она изменила семейной чести", — утверждали враги Брунгильды.

Благодаря неустанным стараниям верного Годвина ей вскоре удалось сплотить некоторых своих сторонников, и, преодолев немало трудностей, она заняла подобающее ей место

королевы-матери. О радости сына нечего и говорить. Но было ясно, что борьба не окончена, что ей предстоят еще новые жестокие и кровавые схватки.

В Австразии была большая группа баронов, испытывавших к королеве бешеную ненависть. В свое время Сигиберт и Брунгильда сильно поприжали их, поскольку те творили жестокие бесчинства в своих поместьях, до смерти запугав крестьян.

Постоянная борьба с этими баронами во многом изменила характер Брунгильды. Ее верный советник Годвин с грустью видел, как постепенно, сама того не замечая, она перенимала методы и тактику своих врагов — жестокость, двуличие, хитрость, даже вероломство, и все это оправдывалось высокой конечной целью — уничтожением навсегда и во веки веков всякого зла на земле.

В многочисленных беседах с Брунгильдой Годвин говорил, что в этой борьбе она обязана сохранять свое достоинство, свою гордость, действовать другими методами, использовать силу закона, а не опускаться до того, чтобы использовать подлые козни своих же противников.

Брунгильда досадовала, спорила, защищалась, нападала, доказывая, что Годвин не политик, что политика — дело грязное, но приходится ею заниматься во имя высоких целей. Он даже не представляет, каких сил ей стоит защита прав сына, исходя из той же великой цели — объединения всех трех королевств в одну единую империю Галлию под скипетром ее сына, когда тот вырастет. Вот тогда, с высоты своего величия, она и будет вершить суд праведный и призовет к ответу всех, кто творил зло, и в первую очередь — Фредегонду, это сатанинское исчадие. Она накажет ее так, что все замышлявшие вред на земле, обратятся от ужаса в камень, и мир, наконец, будет избавлен от Зла.

— Погляди только, с кем мне приходится бороться! — восклицала она в споре с Годвином. — Вот реймский епископ Ремигий. У него высокий сан, он общается с Богом, мы прикладываемся к его руке, — а он получает подачки от нейстрийского короля за самые неблаговидные делишки, как последняя гулящая девка! А герцог Раукинг! Он развлекается тем, что во время пиров заставляет человека, держащего факел, гасить его о свое тело, а потом вновь зажигать. А чего стоит история двух его людей — юноши и девушки! Они полюбили друг друга и посмели пожениться без его разрешения. Его домашний священник просил герцога не разлучать молодоженов, так он их и не разлучил — обоих велел живьем в землю закопать! Да еще хохотал при этом! А эти бароны — германец Бертефельд и римлянин Эрсий — тоже из этой же шайки мерзавцев. С такими волками жить, так по-волчьи и завоешь!

— Ну, не все такие, — упорствовал Годвин, — а граф Жоффруа? А граф Анжу? А герцог Гундовальд, наконец? Они же ваши друзья, постоянные защитники ваши на заседаниях королевского совета. Вот их вам и надо бы держаться.

В этот миг в дверь ворвался Меровиг. От неожиданности Брунгильда лишилась дара речи. Она стояла и смотрела на него так, будто тот явился из небытия. Меровиг тоже замер. Еще мгновение, и они бросились в объятья друг друга, как будто и не было всех тех злоключений, которые им пришлось пережить.

Годвин счел за лучшее удалиться. Вечером был устроен ужин, где он присутствовал в качестве виночерпия. Когда на следующее утро он попытался поговорить с Брунгильдой о том, что же та намерена делать в новой ситуации, Брунгильда, вся светившаяся счастьем, замахала на него руками: какие могут быть разговоры! — ее Меровиг еще спит, утомленный путешествием и встречей, она должна быть подле мужа.

Но спустя несколько дней разговор все-таки состоялся.

На первый же вопрос Годвина, что она думает делать, если их застанут вместе с Меровигом, Брунгильда резко ответила, что раз они соединены перед престолом Господа, значит должны быть вместе.

Годвин покачал головою. Учитывая и без того шаткое положение королевы, он предвидел огромные трудности в осуществлении ее решения. Королевский совет уже интересовался — кто делит ложе с матерью короля?

Брунгильда взорвалась и заявила, что не потерпит никакого вмешательства в ее отношения с законным мужем. Понимая, что Брунгильда витает в облаках, Годвин мягко попытался вернуть ее на землю, сказав, что сейчас основное дело ее жизни — воспитывать юного короля, и здесь ничто не должно мешать долгу матери. От этого зависит и вся ее дальнейшая судьба и все ее мечты о единой Галлии. Король Хильдеберт II должен стать достойным преемником покойного короля Сигиберта.

Слова Годвина погрузили Брунгильду в глубокие раздумья. Вспомнив молодость, она велела оседлать ей коня и, вскочив в седло, понеслась, как бывало, по лугам и перелескам, поверяя им свои мысли.

* * *

Когда Меровиг проснулся, Брунгильда уже вернуласьбыла дома. За завтраком она всматривалась в дорогие ей черты, ища в Меровиге мужской поддержки, твердости, волевых решений. Но чем дальше она общалась с ним, тем больше понимала, что, наоборот, все эти качества ее муж искал именно у нее, в ее целеустремленном характере...

Что ж… Тогда она возьмет на себя тяжелую ношу принятия решений. А он пусть окружит ее любовью и послужит ей поддержкой в ее делах. Она перевернула семейный уклад с незапамятных времен…

И она не ошиблась. Меровиг обрушил на нее весь запас нежности и любви, который нес в своем сердце через все испытания. Как приятно было ей, уже зрелой женщине, вновь слышать эти слова любви! Как стосковалась ее душа по этой стремительной, такой открытой в выражениях любви речи!

* * *

После полудня она вновь приказала подать лошадей и предложила Меровигу отправиться с ней на прогулку. Они помчались бок о бок, красивая пара, на удивление достойные друг друга. За городом Брунгильда пустила лошадей шагом. И тут она стала говорить Меровигу о своих трудностях, о королевском совете, который только и ждет, как бы обвинить ее в чем-нибудь, придраться к ней... Вот и сейчас к ней подбираются. Да, Меровиг ее муж, их брак освящен епископом Претекстатом. И хотя того обвинили в незаконности свершения этого акта, и епископ пострадал из-за них, но ведь все было сделано по законам святой церкви. Значит, брак их действителен!

— Да, да! — вырвалось у Меровига. — Пусть кто-нибудь это опровергнет! — И он положил руку на эфес меча.

Брунгильда любовалась своим мужем. Какое великолепное зрелище он представлял! Молодой, красивый, свободный! О, если бы и она была такой же свободной, как он, и ей не приходилось бы бороться за свою жизнь...

А Меровиг, понимая, что происходит в душе Брунгильды, горячо убеждал ее:

— Тебе трудно со своим королевским советом? Отбросим все, что мешает нашей любви! Пусть твой Годвин воспитывает маленького короля, пусть совет занимается судьбами государства! Неужели мы не имеем права на свое, личное счастье? Уедем отсюда! Со мной несколько удалых молодцов. Неужели мы не найдем на земле местечка, где сможем чувствовать

себя как простые, не обремененные государственными заботами люди? Уедем, любимая моя, желанная моя, ненаглядная!

И он схватил за повод коня Брунгильды, будто намереваясь тотчас же увлечь ее туда, где люди свободны от проклятого выбора между простым человеческим счастьем и обязанностями, которыми человек сам же себя и опутал.

И столько было в этом движении уверенности, что у Брунгильды дрогнуло сердце. Еще секунда, и она бы, наверное, поскакала за ним, вместе с ним. Но вдруг из-за кустов появились вооруженные всадники во главе с бароном Урсией.

— На каком основании некий заезжий позволил себе увлечь королеву за пределы города? — нагло спросил он королеву-мать.

— Это мой муж! — бросил в ответ Брунгильда.

— Относительно него уже состоялось решение королевского совета! — И Урсия махнул рукой сопровождавшим его всадникам.

Они тут же окружили Меровига и Брунгильду плотным кольцом. Меровиг выхватил было меч, но Брунгильда удержала его руку, понимая всю безрассудность сопротивления.

Их доставили в Мец, где в замке уже собрались члены королевского совета. Там Меровигу зачитали принятое решение, которое гласило: "Меровига, сына Хильперика, как лицо, чуждое австразийскому престолу, немедленно выдворить за пределы королевства вместе со всеми сопровождающими его лицами и запретить появляться в нем впредь!"

Брунгильда попробовала было выступить в защиту мужа, но ей жестко разъяснили, что совет вообще мог бы поступить иначе, на чем, кстати, настаивал епископ Ремигий — захватить Меровига в плен и применить к нему экстрадицию, то есть попросту выдать его отцу. И пусть королева будет довольна, что было принято более мягкое решение, для ее же, кстати, пользы — просто удалить незваного пришельца из королевства.

Брунгильда рванулась к Меровигу, чтобы обнять его на прощанье, но ее удержали.

— Милый... — прошептали ее губы, — жизнь против нас...

Меровиг, Гаилен, Гринд, Гокем и еще несколько человек из его окружения были тут же выведены из Меца, и специальный караул проводил их до границы, где начинался Шарбоньерский лес.

Глава пятнадцатая,
о том, как честолюбие может привести к гибели, и об убийстве короля Хильперика

Какое отчаяние терзало душу Меровига! Любимая изменила ему, предпочла жизни, полной любви, преданность каким-то государственным соображениям. Что делать теперь, куда податься?

Спутники молча смотрели на принца: выбор за ним. Они были молоды, вооружены, готовы отправиться куда угодно. Гаилен предложил вообще покинуть Галлию, иначе здесь до Меровига повсюду дотянется рука Фредегонды.

Покинуть Галлию? Вести жизнь "дикого гуся" — наемника? В конце концов, если повезет — собрать достаточно сил, завоевать какое-нибудь королевство и, уже будучи его властителем, позвать к себе свою единственную, любимую… Бесплодные мечты! Надо добиваться своего родного трона здесь, в Галлии! Вот цель!

— Едем обратно в Тур, под сень святого Мартина! — решил Меровиг, надеясь вновь воспользоваться получить мудрым советом епископа Григория.

* * *

Епископ Ремигий предупредил Фредегонду: дичь гуляет на воле, ловите!

И она постаралась. Теперь, когда ей удалось окончательно придавить своим каблуком Хильперика, тот начал беспрекословно ее слушаться. По королевскому приказу повсюду были разосланы небольшие отряды конников. За Меровигом началась охота, как за диким зверем.

Но ему и его людям все же удалось, скрываясь но ночам в чащобе лесов, пробираясь глухими тропинками, миновать все кордоны и добраться до базилики святого Мартина.

— Все! — сказал Меровиг. — Теперь будем набираться сил!

А Фредегонда, находясь в постоянной переписке с Бозе, вновь потребовала от него выманить Меровига из базилики. И такой план был составлен. Но вот вопрос, поверит ли Меровиг своему "другу"? Ведь он стал гораздо осторожнее…

Бозе призвал на помощь всю свою хитрость, все красноречие. Он доказывал Меровигу, что, ведя безмятежную жизнь в пирушках с товарищами под сенью базилики, тот совершает преступление по отношению к самому себе. Необходимо действовать, добывать себе трон.

— Смотри, как отрасли уже твои волосы, — убеждал принца Бозе, — значит, пора биться за престол!

Спустя несколько дней после этого разговора в базилике появились некие странники, которые поведали Меровигу, что в области Теруань собрался народ, недовольный правлением Хильперика, и что стоит только появиться там Меровигу, как его тотчас же провозгласят королем.

В этом и заключался план Фредегонды. Зная о честолюбивых планах Меровига, она все точно рассчитала, подослав к нему своих людей под видом странников. Меровиг заколебался. А тут еще и Бозе с такими убедительными увещеваниями… Надо не упускать свой шанс и не мешкая отправляться в Теруань! Но перед тем Меровиг решил испросить совета у епископа Григория. Тот не поддержал этой идеи. Более того, он посоветовал вообще никуда не трогаться с места, если Меровигу и его товарищам дорога жизнь.

* * *

Между тем Фредегонда организовала новую волну слухов о недовольстве среди народа Хильпериком, в расчете на то, что они обязательно дойдут до принца. Да и Бозе все время настаивал — надо ехать, народ ждет.

Всю ночь Меровиг провел в мучительных раздумьях. Как быть? А что, если все это чистая правда, и только какой-то шаг отделяет его от обретения былой свободы, положения, трона, наконец? Нельзя же в расцвете сил и молодости вечно прозябать даже под защитой святого Мартина! Про себя Меровиг уже решил, как ему поступить: он поверил тому, во что хотел верить. Наутро он сказал товарищам:

— Едем!

Те решили не оставлять своего друга: что он сказал, тому и быть. И они покинули свой кров.

Вновь пробираясь глухими дорогами, избегая встреч с рыскавшими повсюду дозорами Хильперика, беглецы достигли провинции Теруань. Ночью на лесной опушке принц увидел большую группу людей, состоявшую, судя по их виду, из горожан и людей знатного происхождения. Те, завидев Меровига, громко закричали:

— Аой! Да здравствует наш король!

Крики вспугнули домашних свиней, расположившихся неподалеку на ночлег: местные крестьяне обычно выгоняли их на ночь на опушки леса полакомиться желудями. Сопровождаемый поросячьим визгом Меровиг, полный воодушевления от приветственных криков, спешился и подошел к встречавшим. Один из них, представившийся бароном

Аремберту, сказал принцу, что рад его прибытию и что подробный план действий они обсудят на следующее утро, а пока путниками нужно отдохнуть после трудной дороги. Чтобы не привлекать внимания, они могут расположиться на ночлег тут же, вон в той полуземлянке на опушке леса, которой пользовались смолокуры. Хоть помещение и неказисто, но переночевать в нем можно.

Измотанные дальней дорогой, Меровиг со спутниками быстро расположились на ночлег, не обратив внимания на то, что в предложенном им помещении нет ни одного окна, а массивная деревянная дверь могла запираться на крепкий засов не только изнутри, но и снаружи.

Когда все улеглись, Меровиг, весь еще пребывая в радостном возбуждении, долго не мог заснуть. Он мысленно уже видел себя на троне, распоряжался войсками, спешил к Брунгильде.

Внезапно снаружи послышался скрип засова: их заперли. Товарищи Меровига, разбуженные этим шумом, кинулись открывать дверь, но тщетно.

Меровиг понял: Фредегонда настигла его.

— Это моя погибель, — сказал Меровиг, — я чувствую это...

Он представил, какие жестокие муки его ожидают, если он попадет в лапы этой женщины, и обратился к Гаилену:

— Исполни мою последнюю просьбу, друг и брат мой, Гаилен. Вонзи свой меч в мое сердце. Я не хочу попасть еще живым в руки моей ненавистницы, если дрогнет моя рука!

Обливаясь слезами, Гаилен обнял своего друга. Потом он обнажил меч и разом прервал жизнь Меровига.

А незадолго до того, как на лесную опушку прибыл Меровиг со своими друзьями, чтобы встретиться с "народом", в тот же лес тайно прибыли воины Хильперика и устроили засаду. К их шлемам были привязаны зеленые ветки: пошевелись они, и в сумерках случайно забредшему сюда крестьянину могло показаться, что это или сам лес ожил, или ветер кусты качает. Но воины сидели тихо, да и крестьяне здесь по ночам нее шастали — опасно было. Напряженную тишину нарушало лишь редкое позвякивание коровьих колокольчиков на лошадиных шеях. Вся эта хитрая маскировка был задумана Фредегондой — в кустах коровы бродят![55] Подвыпившей братии Меровига и в голову не придет, что они окружены.

Когда со стороны опушки всадники увидели условный знак от "горожан" — кто-то из предателей размахивал в ночи горящим факелом, воины в секунду вскочили на коней и ринулись вперед. Когда они открыли дверь землянки, то увидели бездыханное тело молодого королевича.

Все это произошло так быстро, что спутники Меровига не успели даже распорядиться своими жизнями так же, как он. Расправа была жестокой: после краткого допроса Гаилену отрубили руки, ноги, нос, уши и только потом прикончили, Гринду переломали кости на колесе, Гокему и Орольену повезло, им просто отрубили головы.

Фредегонда была довольна: хоть Меровиг и не достался ей живьем, но у ее маленького Теодориха теперь оставался только один соперник на пути к трону — Хлодовиг, младший сын Хильперика.

* * *

---

[55] Эпизод с ветками и колокольчиками упомянут, правда, в ином контексте в "Книге истории франков", анонимной хронике VIII в. — Д.С.

Когда до Претекстата дошла весть о гибели Меровига, он был убит горем и проводил все время в молитвах, прося у Господа последней милости для своего бывшего ученика и крестника — отпущения его прегрешений, вольных и невольных.

А Брунгильда, когда ей сообщили, что Меровиг погиб, попав ловушку Фредегонды, погрузилась в бездну самых противоречивых мыслей. Каждая из них жгла ее нестерпимой болью. Она терзала себя, вспоминая, как поддалась настояниям королевского совета, не боролась за любимого человека до конца... А, может быть, и правда, нужно было отбросить все и ускакать вдвоем прочь, забыв о королевском долге, о своих мечтах... Неужели им не нашлось бы уголка на земле, где они могли укрыться, забывшись в объятиях друг друга?

Нет! В их лице Австразия и Нейстрия уже соединялись воедино, надо было добиваться соединения их на деле во что бы то ни стало... Вместе! А смог бы он бороться? Для нее стало ясным еще в Руане, что Меровиг — человек мгновенных решений, но как стратег слаб и не может видеть на несколько ходов вперед... Уже давно следовало бы понять, что такое Фредегонда, и как нужно было оберегаться этой женщины! И в то же время в этой его слабости было свое обаяние, своя прелесть... И что особенно терзало Брунгильду — он искал ее поддержки, доверял ей, тянулся к ней. Она должна была все взять на себя, в свои руки!

Оседлав коня, она уносилась в окрестные поля, загоняя бедное животное, и все думала, думала...

Нет, душа у него не была слабой. До нее дошли вести о последних минутах жизни ее мужа. Разве смерть от руки друга не потребовала его воли? Он ведь сам попросил своего названного брата нанести ему этот последний удар! Нет, он не был слаб, просто обстоятельства жизни не позволили ему показать себя. Он не хотел попасться в лапы Фредегонды и принял такую смерть... Что это? Слабость или мужество, недоступное обыкновенному человеку?

И снова перед глазами Брунгильды вставали жертвы Фредегонды, этого кровожадного чудовища — ее кроткая, невинная сестра Гальсвинта, задушенная во сне, Сигиберт, зарезанный двумя подосланными убийцами. Как жадно он внимал ее рассказам о Цезаре, о единой, под одним скипетром, Галлии,... А как он полюбил чтение стихов! И вот теперь Меровиг…

* * *

Годвин видел ее состояние. Он всей душой понимал свою повелительницу, переживал вместе с нею высылку Меровига из Меца, его гибель. Долг королей! Ужасный гнет, душевные муки. Все обязаны выносить они во благо своих подданных... Во благо... А что такое благо? Нет, сейчас нельзя предаваться унынию, все равно надо верить... Прекрасный полемист во всех своих спорах с Брунгильдой, касавшихся долга королей, он терялся, когда хотел выразить ей свои человеческие чувства.

Как-то раз он позволил себе приблизиться к ней, дотронулся до ее плеча трепещущей рукою, стремясь хоть так выразить свое сочувствие, — и тут же отпрянул.

— Что тебе? — недоуменно подняла она глаза. И в них было все — и королевская гордость и женский запрет на малейшее вмешательство в ее внутренний мир.

Кляня себя за невольную дерзость, Годвин с поклоном удалился.

* * *

Месяц тянулся за месяцем, год за годом. В жизнь Брунгиьды вмешался великий врачеватель, Время, дарующее нам чудесное лекарство забвения, которое заставляет примириться даже с самыми страшными потерями. Оно притупляет острейшую душевную боль, заменяя ее бережной памятью об ушедших, и выводит нас из бездны безысходного уныния.

Теперь Брунгильда была даже благодарна судьбе за все, что та уготовила на ее долю. Ей это было нужно в борьбе за сына, за свое место в королевстве. Хильдеберту было уже девять лет. Он еще не мог вникать во все хитроумности политики, но то время, которое она проводила с ним, проходило не зря. Действуя тонко, рассказывая сыну героические истории из далекого прошлого, Брунгильда всячески внушала ему мысль об объединении великой Галлии, о низвержении противников, о торжестве Правды над Злом. Под злом она понимала Фредегонду.

Следуя мудрому латинскому изречению "Quam vis enim melius sit bene facere quam nosse prius tamen sit nosse quam faceret", которое означает, что, "хотя более ценно действовать, чем знать — необходимо знать, чтобы действовать", Брунгильда через своих верных людей наладила постоянную тайную связь с Суассоном, чтобы знать, что происходит во вражеском стане. Самые незначительные события при дворе Хильперика становились ей известными. Все это она сопоставляла, оценивала, делала свои выводы.

* * *

А Претекстат за эти годы привык к месту своей ссылки в маленьком забытом Богом городишке Констанция (ныне Кутанс — Д.С.), что в Нормандии, недалеко от побережья. Он оставался самим собой, хоть официально и был лишен сана: принимал близко к сердцу нужды местных жителей, старался пробуждать в них добрые чувства. Он шел к рыбакам, вникая в их заботы, он встречался с морскими разбойниками, наставляя тех на путь истинный. Неудивительно, что вскоре слава о новом "народном" пастыре широко распространилась по всему побережью. Жители Руана, до которых доходили добрые слухи об их бывшем епископе, с нетерпением ожидали конца срока его ссылки, уверенные, что тот вновь вернется в их город.

Естественно, это не нравилось Мелетию, который замещал Претекстата на посту епископа, но так и не был возведен в епископский сан. С помощью привычных ему интриг Мелетий он пытался укрепить свое положение, но не преуспел в этом: руанцы его быстро раскусили. Сребролюбие, весьма неразборчивые любовные связи, его близость к Фредегонде — все это отвращало от него его паству.

"Я думал, что в ссылке у меня будет только одно занятие — мой добрый друг дневник, — писал меж тем опальный Претекстат, — но оказалось, что жизнь моя стала еще более полной, чем прежде. Я чувствую, что руанцы постоянно вспоминают обо мне и наверняка думают, что я изнываю в одиночестве от безделья. Отнюдь! Оказалось, что я каждому здесь нужен, потребность людей в слове Божьем радует меня, и я отдаюсь им всем сердцем. А они такие простодушные! Нередко прерывают церковную службу словами "Святой Марциал, молись за нас, а мы попляшем за тебя!" и устраивают народные пляски в церкви. Видно, их вера еще поверхностна и причудливо сочетается со старым язычеством. Некоторые из прихожан после церковной службы отправляются в леса и там поклоняются духам лесов и рек. Я их наставляю, разъясняю… Слава Богу, как я слышал, у нас в Галлии уже действуют около двухсот монашеских обителей, и общими усилиями мы сможем укрепить в истинной вере этих добрых людей.

Из своего захолустья я пытаюсь наблюдать за течением жизни в королевстве. Душа моя постоянно тоскует о Меровиге. Бедный, бедный мальчик! Судьбой занесло его душу к нам, будто совсем из другой эпохи, и в конце концов он предпочел смерть от руки друга страшной казни, уготованной ему Фредегондой. А я верю, что Хильперик сдержал бы слово, данное мне тогда ночью, и не допустил бы смертоубийства. Я со временем сделал бы моего любимого ученика своим преемником...

А Фредегонда... Преступления, совершенные этим дьяволом в юбке, множатся с каждым часом. И она, глумясь над всеми, еще больше распоясывается. Мало того, что она готова лечь под всякого и кормит Хильперика своими обычными баснями, чтобы тот ничего не заподозрил, так она еще решила ограбить своих подданных. Направила какого-то сборщика налогов по имени Марк в Лимож, там он переписал каждый дом, каждое хозяйство и ввел такие налоги, что лиможцам в пору было в петлю лезть. Ну, они и взбунтовались, чуть не повесили Марка, но тот вовремя удрал, кинулся в ноги Хильперику: "Спасите! Бунт!"

В неистовстве своем Фредегонда так настроила короля, что тот направил в Лимож войско, которое подавило бунт с неслыханной жестокостью. Что там простолюдины! Зверски пытали, вешали даже баронов, священнослужителей...

…Вскоре сама природа как будто восстала против королевской власти. Надолго запомнится франкам 577 год! Весной Рона, Сона, Луара и их притоки разбухли от непрерывных дождей, вышли из берегов и затопили огромные пространства. В Лионе вода разрушила много домов, и часть городских стен обвалилась. Летом буря с градом пронеслась над Буржем и его окрестностями, уничтожив посевы. В Бордо и вокруг него заходила ходуном земля, городские стены треснули и обвалились. В Пиренеях рушились огромные скалы, гибли стада и люди. Разгневался Создатель…

Но это еще не все: обнаружилась жестокая болезнь — оспа.

Вот тут и настиг Фредегонду перст Господень. Рассчитался он с нею за все ее грехи. Один за другим умерли три ее сына. Заболел Хильперик, но как-то выкарабкался, потом заболел и ее маленький Теодорих. Вот когда, я полагаю, заглянула Фредегонда в бездну, вот когда зашатался ее мир. Смерть! Смерть стучалась у ее порога, смерть, которую она так легко несла другим!"

* * *

Стремясь откупить у Вседержителя драгоценную ей жизнь малыша, Фредегоднда сгребла все записи, сделанные Марком, которые обрекали жителей Лиможа на нищету ради ее обогащения, и в отчаянии бросила их в огонь. "Ужели ты и после этого не дрогнешь, Боже?" — билось у нее в мозгу. Но Провидение было глухо. Теодорих, которому она расчищала путь к трону, умер. Чудовищная пустота воцарилась в ее сердце. Не для кого ей было больше стараться, нейстрийский престол теперь займет оставшийся в живых младший сын Хильперика от Аудоверы — Хлодовиг… Так нет же! Не бывать этому!

И с новой силой принялась Фредегонда за свои козни. Но на этот раз она действовала по-другому. Рассудив, что когда люди не в силах понять причину чего-либо, они тут же заявляют, что дело не обошлось без колдовства, Фредегонда пустила слух, что Хлодовиг со своей матерью, королевой Аудоверой, занимаются колдовством: ведь оспа же их не тронула!

После этого и Хлодовига и Аудоверу растерзала толпа. Заодно прикончили и ее дочь, что была вместе с матерью в монастыре. Искоренять колдовское семя — так до конца!

Сама того не ведая, Фредегонда шла по стопам деда короля Хильперика, — короля Хлодвига. Тот также истребил почти всех своих близких родственников из опасения, что те отнимут королевство у его наследника. Потом в присутствии своих верных дружинников он пожаловался: "Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев, и нет у меня никого из близких, которые могли бы мне хоть чем-то помочь в минуту опасности!" Но отнюдь не раскаяние за свои злодеяния двигало им в тот момент. Просто он хотел убедиться, а не уцелел ли кто из родственников в его окружении, и не обратится ли кто со словами утешения…

Но все не успокаивалась душа Фредегонды, хотя она не оставила в живых ни одного соперника на королевский престол. А теперь ей некого было вести к нему. Ее душа была опустошена…

Все эти годы, ведя борьбу не на жизнь, а на смерть за трон для своего сына, Фредегонда настолько уверовала в свою полную безнаказанность и всевластие, что утратила всякое чувство самосохранения. Чтобы хоть как-то снять постоянное напряжение, она занималась любовными утехами направо и налево, но все-таки старалась делать это осмотрительно, чтобы король ничего не узнал.

Но однажды такое случилось. Причем затеял все это, несмотря на риск, некий Левдаст, один из ее любовников. Он обиделся на Фредегонду за то, что та не поддержала его перед Хильпериком в одном темном дельце, на котором Левдаст и так неплохо заработал. Для короля весть о неверности Фредегонды прозвучала, как гром среди ясного неба. Как? Его Фредегонда, постоянный его советчик, кладезь мудрости и опора нравственности — ведь как она негодовала в связи с женитьбой Меровига на Брунгильде! — и ему неверна?! Нет! Такого не может быть, потому что такого не может быть никогда. И Левдаст был отдан в руки Фредегонды и обречен ею на мучительную смерть.

Но словно в награду за потери Фредегонде снова улыбнулась судьба. Хильперик после этой истории не отпускал ее ни на шаг и, по-прежнему находясь в плену ее чар, окружил еще большей любовью. И вот сорока с лишним лет она родила мальчика! Сына! Наследника престола! Его нарекли Хлотарем, в честь деда, отца Хильперика. Было от чего закружиться голове у счастливой матери. Ее будущее отныне было обеспечено, считала она, даже помолодев от таких мыслей. Снова, как бывало прежде в минуты спокойствия, она стала заниматься собой, расчесывать свои роскошные волосы. Как и в молодые годы, она закутывалась в них, и она была счастлива.

И вот как-то раз, проводив мужа на охоту, она, как обычно, уселась перед отполированным щитом и перебросила гриву волос, ниспадавших до пояса, себе на лицо и грудь. В этот момент во дворец вернулся за чем-то Хильперик. Тихо подойдя к ее покоям, он увидел ее стройную, моложавую фигуру, отражавшуюся в медном щите. Горя от возбуждения, Хильперик тихо подкрался к ней сзади и прикоснулся рукой к бедру. На это Фредегонда, призывно изогнувшись, сказала только:

— Не сейчас, милый Ландерик, погоди немного. Муж еще не успел отъехать.

Потрясенный Хильперик замер на месте, потом резко повернулся и выбежал на улицу. Ландерик был палатным мэром, с которым у Фредегонды в то время была связь, о которой Хильперик, естественно, и не подозревал.

Почувствовав неладное, Фредегонда кинулась к окну и увидела мужа, вскакивающего в седло. Через секунду он умчался прочь. Мозг ее лихорадочно заработал. Вызвав Ландерика, она сообщила о происшедшем. И тут же возникло решение — единственное, которое она могла принять.

— Вечером, когда король будет возвращаться… — только и сказала она.

Ландерик склонил голову. Все было понятно.

Поздно вечером Хильперик возвращался домой. Свита немного отстала, желая дать своему королю хоть минутку уединения — все видели, что с ним творилось. Такого удара от

Фредегонды он пережить не мог. И ведь все у них было хорошо, и сын родился, наследник трона…

Внезапно из темноты, из-за кустов на него выскочило несколько всадников. Посыпались удары ножами. Хильперик, не успев издать ни звука, рухнул на землю. Подоспевшая к месту трагедии свита нашла бездыханное тело своего короля. Убийцы скрылись[56].

— Господи! — воззвала в жаркой молитве Брунгильда, когда до нее дошла весть об этом убийстве. — Доколе ты будешь терпеть такие злодейства! Ведь это она, она подговорила своего любовника Ландерика расправиться с королем! Неужели еще не переполнилась чаша твоего терпения? Жертвы этой злодейки множатся и множатся. Покарай ее! Простри длань! Одного твоего пальца было бы достаточно, чтоб она корчилась в муках!

Но, видно, час Божьего суда еще не пробил.

Фредегонда сделала попытку приписать убийство Хильперика австразийцам, и, в частности, Брунгильде. Но версия эта успеха не имела. Опасаясь за свою жизнь, Фредегонда забрала маленького Хлотаря и ринулась в Бургундию, к королю Гонтрану, ища у того покровительства.

Нейстрийские бароны почувствовали, что наконец настал их час. Они отправили к Гонтрану посольство с требованием немедленно выдать им Фредегонду с ребенком. Причем посольство выступило с такой категоричностью, что король спорить не стал.

Заполучив в свои руки Фредегонду с сыном, вельможи тут же отняли его у матери. Это было мотивировано тем, что младенца нельзя отставлять у женщины с такой репутацией. Но причина их поступка крылась глубже: бароны поняли, что смогут воспитывать ребенка с самого нежного возраста и постепенно привить тому мысль, что государство будет крепнуть только если во главе его стоят крупные вельможи. В их руках и должна быть вся власть.

Фредегонду же сослали в поместье недалеко от Руана и определили жить ей там безвыездно.

* * *

Если в Нейстрии вельможи одолели королевскую власть, то в Австразии продолжалась борьба. Брунгильда не уступала своей знати, проявляя хитрость, иногда безрассудную смелость, не останавливаясь даже перед жестокостью. Она знала, что если уступит, ее не пощадят. Тем временем Хильдеберту, ее сыну, исполнилось уже пятнадцать лет. Недалеко было то время, когда он взойдет на престол, и тогда ее войне, как надеялась Брунгильда, наступит конец. Простые франки, трудолюбивые галлы, словом, все те, кто ее поддерживал, сплоченные вокруг королевского трона, дадут возможность королю покончить с бесчинствами баронов и задушить пышущую злобой знать.

* * *

Все эти годы Фредегонда с грызущей ее завистью следила за соперницей. Как же долго придется ей ждать, пока ее сын достигнет возраста сына Брунгильды — Хильдеберта! Да и доживет ли она до этого дня? Но прочь невеселые думы. Пока она жива, она будет действовать. Брунгильда возлагает все свои надежды на Хильдеберта? Значит, Хильдеберта надо убрать.

Действуя по привычной для нее схеме, обещая хорошо заплатить, Фредегонда подговорила одного человека из своей челяди и, снабдив того оружием, послала в Мец убить Хильдеберта.

---

[56] Рассказ об обстоятельствах убийства Хильперика фигурирует в "Книге истории франков" — анонимной хронике VIII в. — Д.С.

Когда наемный убийца прибыл в Мец, он увидел, что принц окружен таким плотным кольцом охраны, что и не подступиться. После нескольких неудачных попыток оказаться рядом с Хильдебертом посланник Фредегонды вызвал подозрения у стражников. Его схватили, и он сразу же признался в готовящемся покушении. Но казни не последовало. Брунгильда решила позволить себе "шутку": этого человека отпустили, наказав передать Фредегонде короткое послание. В нем говорилось, что незадачливого убийцу отправляют к его законной владелице и заказчице преступления, и что впредь он должен находиться там, откуда его послали на злодейство.

Большего унижения трудно было представить. В ярости Фредегонда велела отрубить несчастному руки и ноги и выкинуть обезображенный труп на свалку на съедение собакам.

Однако после этой своей неудачи она все никак не могла успокоиться. Вновь был найден человек для убийства Хильдеберта — к сожалению, и тогда и сейчас на такое злодейство найти человека не трудно. И вновь будущему убийце были обещаны золотые горы, но только с одним условием: без результата не возвращаться. Иначе, где бы он ни находился, его постигнет судьба предшественника.

Неудача ожидала Фредегонду и на этот раз. Убийцу поймали еще до того, как он добрался до Хильдеберта, и прикончили на месте.

Нет слов, чтобы описать состояние Фредегонды, когда она получила известие об очередном провале своих планов. Ее злой ум, казалось, просто кипел от желания отомстить. И опять ей представился случай, за который она уцепилась.

* * *

Прошло уж семь лет с того дня, когда решением епископского суда Претекстат был лишен своего сана и отправлен в ссылку. В свое время Хильперик втайне надеялся, что, живя в далеком городке у океана, тот он будет лишен живительной народной любви, которой тот пользовался в Руане, а без нее, зачахнув, вскоре уйдет в небытие.

Как суетны и мелки бывают мысли у королей… Претекстат и там, на далеком побережье, оставался самим собой, чем заслужил огромное уважение у местных жителей.

Весть об окончании срока ссылки и возвращении его в Руан послужила причиной поистине всеобщей скорби среди его прихожан. Но Претекстат, до глубины души тронутый их любовью, все же твердо решил вернуться в свою епархию. Сопровождаемый тысячами благословений от собравшихся на его проводы людей, он отбыл.

Возвращение его в Руан стало общегородским праздником. К тому же в городе уже знали, что епархиальный суд восстановил Претекстата в сане епископа. Ликованию руанцев не было предела. Толпы их теснились возле дома, где он остановился. Когда Претекстат вышел на крыльцо, чтобы поприветствовать верную ему паству, он тут же был подхвачен толпой на руки и так, на руках, внесен в собор.

Мелетия, возглавившего приход после ссылки Претекстата, там уже не было. Услышав о возвращении любимого руанцами пастыря, ставленник Фредегонды попросту бежал.

Глава шестнадцатая,
повествующая о смерти Претекстата, разгуле зла в Галлии и суде над Брунгильдой

Фредегонда буквально задохнулась от злобы, когда ей сообщили о торжествах в Руане в честь возвратившегося Претекстата.

"Нет, я этого так не оставлю, — думала она, мечась, как тигрица, по своим покоям. — Как допустили, что Претекстат вернулся в Руан? Ведь это его рукою был освящен брак Меровига с

Брунгильдой, моими злейшими врагами! Вдобавок я лишилась Мелетия, своего верного человека в Руане!"

В те далекие времена, отмеченные жестокостью нравов, люди не слишком утруждали себя выбором средств для совершения смертоубийства или разработкой сверххитроумных планов совершения таковых. Вот и сейчас Фредегонда опять шла по проторенной дорожке: она подговорила двух людей, которым все равно было, кого убивать, лишь бы за это платили. Она дала убийцам ножи, предварительно смочив их ядом, который всегда был у нее под рукою. Лезвия ножей были изукрашены чеканным орнаментом, хорошо сохранявшим яд в его углублениях.

Претекстат молился в домашней часовне. Было поздно, и церковный служка уже отправился спать. Епископ в одиночестве склонился перед алтарем на коленях и самозабвенно общался с Господом.

Убийц не остановили ни святое место, ни истовая молитва епископа. Подкравшись сзади, они вонзили свои ножи в его тело прелата и, выскочив из часовни, тут же растворились в ночи.

Вероятно, действие яда от долгого хранения ослабло, и епископ не умер мгновенно, как это случилось с Сигибертом. Истекая кровью, Претекстат из последних сил позвал служку. Тот, проснувшись, кинулся в часовню и нашел своего хозяина распростертым на полу в луже крови. Перевязав раны, служка на руках отнес епископа в его покои — тот был еще жив.

На следующее утро Фредегонда, которой челядь сообщила, что на Претекстата было совершено покушение, и он при смерти, незаметно покинув место своей ссылки, прибыла в Руан. Она захотела навестить умиравшего епископа. Но отнюдь не раскаяние в содеянном двигало ею: этим визитом Фредегонда хотела отвести от себя подозрения в организации убийства, а еще доставить себе дьявольское удовольствие в последний раз посмотреть в глаза своему врагу, стоявшему на пороге смерти.

В покои Претекстата ее провел все тот же служка, оставивший затем ее наедине с умирающим. Маленький человек, он не посмел не пустить такую знатную даму…

Начав с лицемерного возмущения подлым покушением, и где — в стенах часовни! — Фредегонда поспешила заверить епископа, что гнусные убийцы будут непременно схвачены и понесут заслуженную кару.

— Боюсь, — задыхаясь, прошептал Претекстат, — что их навряд ли найдут. Куда важнее схватить руку той, что направляла ножи убийц, умерщвлявших королей, что обагряла кровью невинных и принесла столько бед государству!

— У меня есть весьма искусные врачи, — отозвалась на это, по существу, прямое обвинение Фредегонда. Она сделала вид, что не расслышала слов умирающего. — Они в состоянии вылечить твои раны. Позволь им навестить тебя!

Претекстат, понимая, что жизнь с каждой минутой уходит от него, собрал свои последние силы:

— Чувствую, что Богу угодно призвать меня к себе из сего мира, — неожиданно ясно и твердо произнес он. — Но ты, свершившая за свою жизнь столько злодеяний, будешь проклята во веки веков, и божественное правосудие взыщет с тебя за всю кровь, пролитую тобой! — С этими словами он в изнеможении откинулся на подушки, и жизнь покинула его. Был 586 год…

Постояв с секунду у смертного одра епископа, как бы взвешивая его последние слова, Фредегонда тряхнула головой: "Все! Свидетелей нет, а еще один враг лежит бездыханным". Потребовав у служки отпереть дверь, она выскользнула из дома.

Брунгильда уже не молилась. Она сочла это новое преступление свидетельством усталости Вседержителя от всеобщего зла, творившегося на Земле и здесь, в ее Галлии. Что ж, когда в события не вмешиваются Небеса, в них вмешиваются люди и исправляют недочеты Божьего промысла.

Но ее мечтам действовать на земле от имени Божия и быть его десницей, искореняя всеобщее зло, не суждено было сбыться. Видимо, Господь приготовил Брунгильде еще одно испытание.

* * *

Группа руанцев из числа прихожан Претекстата не смирилась с его убийством. Не имея на руках прямых доказательств участия Фредегонды в этом злодеянии, они, руководствуясь уже упомянутым нами принципом римского права — "кому выгодно?", все же приехали в поместье к Фредегонде и стали уличать ту в причастности к убийству.

Но Фредегонда чувствовала себя на коне: раз нет свидетелей, нет доказательств, то, следовательно, не может быть и какого-либо обвинения. Она с возмущением отвергла намек не то что на свою причастность, но и вообще на какой-либо злой умысел против такого чудесного человека и праведника, каким был покойный епископ!

Обескураженные руанцы, поняв, что и на этот раз ей удалось выйти сухой из воды, тронулись в обратный путь.

А Брунгильда, достигшая к тому времени у себя в королевстве достаточно большой власти, продолжала бороться с австразийской знатью, стремясь подчинить себе всех и вся ради достижения своей великой цели — объединения всей Галлии под рукой своего сына, будущего короля Хильдеберта II.

В один из дней австразийские бароны под предводительством герцога Раукинга сделали попытку лишить Брунгильду возможности вмешиваться в дела государства. Они схватили ее с намерением насильно постричь в монахини. "Оставь нас, женщина, — воскликнул герцог. — Разве мало тебе было править королевством при жизни твоего супруга? А теперь на троне твой сын, и если государство сохранено, то не твоими стараниями, а нашими".

Хвала Господу, в самую последнюю минуту ее выручили горожане Меца и свободные крестьяне, из которых обычно набиралось войско в Австразии. Они отбили свою королеву у ненавистного всем герцога.

Ее расправа с Раукингом была скорой: тот расстался со своей головой.

Такой способ решения проблем понравился королеве. Вскоре полетели еще головы. Это привело баронов Австразии в бешенство: королева казнит неугодных ей направо и налево без суда и следствия, по первому доносу, по первому подозрению. Но ярость свою баронам приходилось до поры до времени скрывать из-за боязни новых расправ — у королевы были верные воины из свободных крестьян.

Ее многолетний советник и воспитатель ее сына Годвин только качал головою, видя, как Брунгильда расправляется со своими именитыми противниками.

А она в своих действиях все больше полагалась на поддержку простых франков и галлов, которые изнемогали от бесчинства баронов в своих поместьях. Такие простолюдины составляли большинство свободного населения Галлии.

Но австразийские бароны тоже не сидели, сложа руки. Они обратились за помощью и поддержкой к своим единомышленникам в Нейстрии. Те, воспитывая по-своему с малых лет своего будущего короля Хлодвига, сына Фредегонды, распространяли и утверждали свою власть не только в Нейстрии, но и по соседству. Стремясь ограничить единоличную власть королей, бароны начали поднимать голову по всей Галлии.

А Брунгильда, не почувствовав опасных для нее перемен, пребывала в уверенности, что у нее достаточно сил, чтобы справиться с любым бунтом знати, и продолжала усмирять своих сеньоров казнями и ссылками.

К тому времени достиг зрелости ее сын, Хильдеберт II. Воспитанный Брунгильдой и Годвином в духе идей объединения великой Галлии, он вырос бесстрашным бойцом но, порою, бывал упрям, а потом его упрямство и вовсе переросло в деспотизм.

* * *

В 592 году в своем дворце в Шалон-сюр-Сон умер Гонтран, король Бургундии. Перед смертью он передал владение Бургундией своему племяннику Хильдеберту II, уже взрослому, обзаведшемуся к тому времени своими детьми.

Счастью Брунгильды не было границ. Теперь надо объявить войну Нейстрии, разбить этих разъевшихся пауков — и ее долгожданная мечта осуществится! Вся Галлия вот-вот окажется в одних руках! И тогда — держитесь, бароны. Все ваши преступления выведем на чистую воду! И еще — устроим суд над Фредегондой, всенародный, страшный. Все ей припомним!

Но покориться сыну Брунгильды, а по существу ей самой, нейстрийские бароны не желали. Они хорошо знали, сколько голов слетело у австразийских сеньоров, пока там буйствовала Брунгильда. У нейстрийских баронов был свой малолетний король, которого они воспитали так, как им было нужно, и который теперь исполнял все их желания. Наступление австразийских войск было успешно отражено.

В бурном водовороте всех этих событий смерть Фредегонды — самая обыденная, естественная — "по старости" — прошла как-то незаметно[57]. Брунгильда уже давно не обращалась к Богу с молитвами о наказании злодейки, да и он, похоже, вовсе забыл про нее, раз ниспослал такую простую смерть вечной сопернице.

"А ведь было у меня желание вмешаться в дела Господа, — размышляла Брунгильда. — Даже не вмешаться, а лишь чуть помочь ему — взять в свои руки судьбу убийцы. Но тогда Годвин пришел от этого в ужас. Сколько я ни доказывала ему, что число жертв этой ядовитой змеи столь велико, что любая кара от моей руки была бы лишь малой расплатой за содеянное, он твердо стоял на своем. Человеку, помнится, говорил Годвин, не дано взять на себя миссию Провидения, в руках человеческих это стало бы обыкновенной местью. Вот Господь нас и рассудил: ни Божьей кары, ни людской…".

Неожиданно умер сын Брунгильды, Хильдеберт II — ее надежда на будущее, единственное, что осталось от блаженной памяти Сигиберта. Но ее ждал удар пострашнее. Выяснилось, что незадолго до смерти Хильдеберт тайно поделил между своими сыновьями

---

[57]Фредегонда (ок.540-45 – 597) была погребена рядом со своим мужем Хильпериком I в парижской церкви Сен-Жермен-де-Пре, где до XVIII века можно было видеть ее могилу. Надгробный камень ее — один из древнейших средневековых погребальных памятников Франции теперь находится в Базилике Сен-Дени и представляет мозаику, изображающую королеву в царском одеянии, с покрывалом на голове в знак вдовства.

Австразию и Бургундию. Внук Брунгильды Теодеберт остался в Австразии, Тьерри сел править в Бургундии. Это означало конец всем мечтам королевы о едином государстве.

Почувствовав, что идея Брунгильды об объединении Галлии потерпела крах, австразийские бароны сумели лестью и уговорами переманить Теодеберта на свою сторону. Брунгильда не желала сдаваться и отчаянно боролась за свое место в королевстве, но ей уже не на кого было опереться. Бароны хорошо помнили ее расправы с ними, а простой люд был окончательно запуган всей этой кровавой междоусобицей. Дело кончилось тем, что Теодеберт чуть было не засадил свою бабушку в темницу, но Бруншильде удалось бежать в Бургундию, к другому внуку, Тьерри.

В Бургундии она стала настраивать Тьерри против австразийцев, и бургундцы пошли на них войной. В этой войне австразийцы были разбиты, а Теодеберт вместе с семьей сожжен заживо.

Но тут по победителям ударил подросший нейстрийский король Хлотарь II, сын Хильперика и Фредегонды, который был возведен на престол нейстрийской знатью еще в четырехмесячном возрасте.

Он победил бургундцев и присоединил их королевство к Нейстрии, австразийцы же примкнули к нему добровольно, о чем давно мечтали. И случилось это в 612 году от Рождества Христова.

Жестокая гримаса судьбы: дело всей жизни Брунгильды — создание единой Галлии под скипетром ее сына — теперь оказалось в руках у сына ее злейшего врага, Фредегонды!

Хлотарь не захотел сам решать участь Брунгильды. Австразийские бароны, грезившие о расправе над ней, потребовали выдачи королевы. Было ей тогда под восемьдесят…

Взвесив все "за" и "против", Хлотарь выдал им Брунгильду

Восторгу баронов не было предела. Три дня они вершили свой суд. То, что она заслуживала смерти, было для них делом самим собой разумеющимся, но они долго гадали, каким образом совершить расправу, какую казнь ей придумать за ее былую красу, за гордость, за неистребимую жажду власти, за бесчисленные казни, за все, за все...

Наконец суд пришел к единому решению.

Эпилог, переходящий в Пролог

Ночь, проведенная Брунгильдой на грязной соломенной подстилке в полуразвалившейся овчарне, прошла в тяжелых думах и сладких и одновременно до боли острых воспоминаниях. Под утро она забылась в каком-то лихорадочном полусне.

Настал день — 2 февраля 613 года.

— Вставай! — прозвучал грубый голос.

Мучительно было отрываться от своих грез, от жизни. Начальник стражи грубо дернул ее за руку.

— Заснула?

Она застонала от боли.

— Идем, — сказал он. — Пора.

— Помоги подняться! — приказала она.

Двое дюжих воинов подняли ее на ноги.

Солнце ярко светило. В феврале в эту пору редко выдается такой прекрасный, безоблачный день.

На городской площади Меца был выстроен небольшой помост, возле которого с раннего утра толпился народ. Среди собравшихся можно было увидеть фигуру высокого старика в монашеской рясе. Это был Годвин. Он стоял неподвижно, прижимая к груди руки, точно беззвучно молился. Неподалеку расположился отряд конных воинов. Все выглядело тихо, даже мирно.

Народ чего-то ждал. Слышались отдельные реплики:

— Долаялись?

— Похоже.

— Ну звери. Один конец — смерть. Так они еще спорили, какую выбрать!

— Давно мечтали.

— Что ж ей определили?

— Никто не знает.

Один пожилой человек из толпы приоткрыл ворот грубой шерстяной накидки. Блеснуло золото.

— Мать говорила — своими руками королева надела мне на шею эту золотую цепь. Год мне был тогда. Она из Толедо приехала невестой, замуж выходить за короля Сигиберта. Красоты неземной... Сама подошла и надела...

— Наградила, выходит?

— Верила в нас, значит?

— А воевала чего ж?

— Много у нас разбойников. Ох, много. И на каких местах сидят!

— Под одну руку хотела все взять!

— За народ значит?

— Под себя!

— А мы что ж, быдло?

— Устал народ... Ох, устал.

— Идут...

Из королевского замка появилась группа австразийской знати. Впереди шел судья, держа в руке пергаментный свиток.

Говор в толпе затих.

Судья поднялся на помост. Пришедшие с ними расположились вокруг.

— Слушайте, свободные франки! — раздался голос судьи. — Нынче, второго дня февраля месяца года шестьсот тринадцатого от рождения Спасителя нашего Иисуса Христа, состоялся суд из баронов королевства Австразии при участии достопочтенных сеньоров из Нейстрии, поскольку предмет суда касается обоих государств. Суд судил строго и беспристрастно, не имея против подсудимой никакого личного зла, и вы увидите, что перед этим судом все равны — и короли и простые люди.

В толпе зашумели. Стражники сделали шаг вперед.

— Суд судил бывшую королеву, супругу короля Сигиберта Брунгильду за то, что всю свою долгую жизнь, дарованную ей Творцом, она употребила на смуты и междоусобицу между двумя королевствами, понуждая жителей их к братоубийственной войне. Благодаря ее злокозненным действиям погибло десять человек из королевского рода Меровингов. Рассмотрев все ее преступления, суд признал ее виновной и приговорил...

Его прервали крики из толпы:

— А разве это наша королева их убивала? Это все дело рук Фредегонды! Суд неправедный!

— Гальсвинту забыли?!

— Кто Сигиберта убил?!

— Меровига прикончил?!

— А Хильперика?!

— А Хлодовига?!

— А Претекстата, епископа?!

— Фредегонду, змею эту, надо было еще когда судить!

По короткой команде стража сделала еще несколько шагов вперед.

Судья крикнул:

— Введите осужденную!

В сопровождении нескольких воинов показалась Брунгильда. Толпа охнула, заволновалась. Стража на площади сделала еще один шаг.

Брунгильда, несмотря на израненное пытками тело, шла прямо, гордо подняв голову. Дойдя до помоста, она остановилась.

— Вот перед вами бывшая королева Австразии Брунгильда, — возгласил судья. — За свои злодейства она приговорена к...

— Кончай свою болтовню! — вдруг раздался голос Брунгильды. Обратившись к толпе, она выкрикнула: — Они истинных злодеев не судят! Они им покровительствуют! А я боролась за справедливость, за то, чтобы зло на нашей земле искоренить! Жаль, не удалось довести дело до конца. Мой народ! Заверши за меня…

Ей не дали договорить.

— Пусть свершится правосудие! — закричал судья, перепуганный речью Брунгильды. — Живее!

И словно в ответ на его крик, где-то совсем рядом раздалось такое могучее конское ржание, что казалось, задрожали дома на площади.

Годвин еще крепче сцепил руки.

— Вон, оказывается, как оно... — протянул кто-то из толпы.

— Сейчас их сосватают! — взвизгнул чей-то злобный женский голос.

— Тебе бы такого жениха! — резко отозвался чей-то бас.

— Ироды!

— Христопродавцы!

— Неужели на такое решились?

Ржание повторилось. Показалось несколько конюхов, с трудом удерживавших за поводья рвавшегося из их рук огромного черно-пегого жеребца. Он бил копытами, дико всхрапывал, пена слетала с его оскаленной морды. Конюхи еле увертывались от копыт животного, от его хвоста, которым тот хлестал направо и налево.

— Старуху... Эх! — охнул кто-то в толпе.

— Я не старуха! Я — королева! — горделиво откликнулась Брунгильда и посмотрела на жеребца: — Так, значит, вот какая мне уготована смерть. Долго же думали…

Она выпрямилась в последний миг своей жизни назло своим врагам, — убеленная сединой, красивая и царственная даже в свои преклонные годы и несмотря на страшные пытки.

— Приступайте! — отчаянно крикнул кто-то из знати.

Два палача тотчас же подбежали к Брунгильде и поволокли ее к жеребцу, продолжавшему рваться из рук конюхов. С невероятными усилиями они привязали Брунгильду к хвосту животного и тут же отскочили.

Жеребец дико заржал, почувствовав свободу, взбрыкнул. Тело Брунгильды взлетело и тут же глухо ударилось о землю. По толпе прошел стон.

— Иисусе сладчайший! — донесся истерический женский голос.

Группа баронов жадно следила за каждым движением жеребца.

Второй взбрык — новый удар тела оземь.

— Да он ей все кости переломает, пока она кончится! — отчаянно прозвучал вопль в толпе.

Годвин, зажмурив глаза, мелко крестился.

— Отомстите за меня, франки! — еле донеслись до окружающих последние слова Брунгильды.

Не в состоянии сбросить неожиданный груз, жеребец рванулся вперед и понесся по дороге. Еще живое тело Брунгильды кидало из стороны в сторону, било о камни. Широкий кровавый след оставался на них… Через несколько мгновений жеребец, оглашая воздух негодующим ржанием, исчез в переплетении улиц.

Народ молча расходился.

Человек с золотой цепью на шее продолжал показывать ее кому-то.

Годвин уходил с площади, что-то непрерывно шепча про себя.

* * *

Брат Годвин выполнил завещание своей королевы. Он записал все, что происходило на его глазах за долгие годы, по-прежнему веруя, что все хорошее навсегда останется в сердцах людей, а все злое навечно сохранит их проклятия. "Но не людям отмщать за содеянное зло. Это должно быть в руках Господа нашего, ибо сказано в Священном Писании: "Мне отмщение, и аз воздам" — закончил Годвин свое повествование.

Послесловие

После казни Брунгильды вся Галлия оказалась под скипетром единого короля — Хлотаря II. В 623 г. австразийцы просили поставить им особого короля, поскольку они привыкли иметь собственных монархов, и Хлотарь II отправил к ним своего сына Дагоберта, который скоро начал проявлять строптивость. Занявший после смерти отца трон короля всех франков, Дагоберт I стал последним меровингским монархом, правившим самостоятельно (с 629 по 639 гг.). Лет через десять Галлия вновь разделилась, да и могущество ее постепенно угасало. Длинноволосые короли из династии Меровингов лишились почти всякой власти, и на них уже мало кто обращал внимание.

До нас дошло свидетельство об этом времени от летописца Эгинхарда, который писал, что эти короли "<…> уже давно не проявляют ни одной добродетели. Единственное, на что еще способны короли, так это носить королевский титул, иметь длинные волосы и бороду, важно восседать на троне и изображать монархов. Когда короли принимали послов, они отвечали на их вопросы только по подсказке своих советников. Короли не были богаты. В личной собственности у них было лишь небольшое поместье, приносящее скромный доход, где они проживали со своими немногочисленными слугами. Даже расходы на весьма скудное

пропитание оплачивал управляющий дворцом [майордом[58] — Д.С.], и то в зависимости от настроения"[59]. Впоследствии, при поддержке папы римского, королевский трон занял майордом из наиболее богатого и влиятельного рода Каролингов, положив начало новой династии.

То, что две франкских королевы попали в церковную хронику, свидетельствует об их заметной роли в общественно-политической жизни франкского общества. Вражда Брунгильды и Фредегонды, превратившаяся в настоящую "войну королев", предположительно является одним из источников немецкого героического эпоса "Песнь о Нибелунгах", появившегося в XП веке. Только там говорится о противостоянии Брунгильды и Кримхильды, причем эпическая Кримхильда наделена биографией Брунгильды исторической. Меровинги ушли в историю, оставив о себе воспоминания лишь как о героях легенд.

* * *

Обращаясь к временам раннего Средневековья следует признать, что История предстает перед нами не такой, какой она была в действительности, а какой ее нам рассказали хронисты. Вместе с тем главные лица, описанные в этой книге, исторически достоверны, они действительно существовали. Свидетельства их жизни можно найти то в старинном свитке пергамента, то в рукописных книгах хронистов, то на древней могильной плите

Основные сведения о том времени почерпнуты из "Истории франков" епископа Григория Турского (538 или 539 г.), написанной уже после смерти Хлодвига, но по живым воспоминаниям его детей, внуков, окружения и т.д. Свою "Историю франков" он довел до лета 591 г. "Геродотом[60] варварства" назвал Григория Турского французский филолог-романтик Ж. Ампер.

Другими источниками послужили "Книга истории франков", созданная два века спустя после смерти Фредегонды анонимным автором, и "Хроника Фредегара", также анонимного автора VII века.

А.Д.Симуков Мой отец достаточно глубоко поработал с этими материалами, судя по его рабочим записям. Кроме того, он также пользовался следующими источниками:

АН СССР. Всемирная история, т.III Государственное издательство политической литературы, М., 1957

Советская историческая энциклопедия. М., 1966

История Франции. АН СССР. Институт всеобщей истории. Издательство "Наука", М., 1972

Когда после кончины моего отца к рукописям его исторических повестей прикоснулся я в надежде издать их, то большим подспорьем в редакционной работе, в частности, над "Повестью о Брунгильде, королеве Австразии" мне стали также нижеперечисленные издания и публикации, в том числе вышедшие уже после смерти папы:

---

[58]Майордо́м (*лат*. major domus — старший по двору, *фр*. maire du palais), или палатный мэр — старший сановник дворца времен Меровингов. В связи с ослаблением королевской власти династии Меровингов в середине VII в. должность майордома начинает приобретать особенную силу.

[59] Марина Бобкова. История Франции для детей. М., РИА "Мой мир" и ЦТР МГП ВОС, 1999, сс.81-82

[60] Геродот (484 до н. э. – 425 до н. э.) — древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата — "Истории", описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Цицерон назвал его "отцом истории".

Р.Ю.Випер. История древнего мира. А.А.Васильев. История средних веков. Изд. "Республика", М., 1994

Малов В.Н. Меровинги. //Вопросы истории. № 6, 2000 г.

Хроники длинноволосых королей. Сборник, "Азбука-классика", СПб., 2004

Марина Бобкова. История Франции для детей. М., РИА "Мой мир" и ЦТР МГП ВОС, 1999

А.Фурсов. Короли и династии Европы. //"Троя", исторический журнал для детей №2, 1993

Александр Говоров. Последние Каролинги. "Детская литература", М., 1982

Особо ценными для меня стали сборник "Хроники длинноволосых королей" и книга Марины Бобковой, изобилующая множеством бытовых деталей того времени, которые помогли глубже прочувствовать эпоху раннего Средневековья, а также повесть Александра Говорова "Последние Каролинги".

В ходе работы над текстом рукописи мне пришлось дополнить многие сюжетные линии, намеченные папой, но не законченные им, четче выстроить драматургическую конструкцию, усилить некоторые эпизоды, ввести новые детали, чтобы обеспечить целостность развития сюжета. По сути, я выступил соавтором повествования о Брунгильде.

Словами глубокой благодарности за неоценимую помощь в подготовке папиных рукописей к изданию я хотел бы почтить память недавно ушедшей от нас Иллирии Сергеевны Граковой. Многолетний друг нашей семьи, человек с огромным профессиональным опытом, приобретенным за долгие годы работы редактором в издательстве "Искусство", она неоднократно помогала мне добрым советом.

И еще. Эта книга вышла в свет благодаря стараниям руководства "Независимого издательства "ПИК" в лице его исполнительного директора, Людмилы Александровны Рекемчук, которой я выражаю свою искреннюю признательность.

Коротко о себе. Дмитрий Алексеевич Симуков, родился в 1946 году, окончил Московский Государственныой педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза (1970), переводчик и лингвист. В 2010 году в уже упомянутом издательстве "Аграф" вышла моя книга "Обратный отсчет. Записки инязовца".

Дмитрий Симуков

Алексей Симуков

(1904, С-Пб., — 1995, Москва), один из старейших драматургов и киносценаристов нашей страны. Творческий путь начинал в живописи, в конце 20-х — начале 30-х годов на курсах Ассоциации художников революционной России (АХРР) в мастерской Ильи Машкова. Далее учился в Литературном институте им. А.М. Горького (1938-1941). Литературную деятельность начал в 1931 году, публикуясь в журнале «Колхозник», основанном М.Горьким, который впоследствии дал молодому литератсру рекомендацию для вступления в члены Союза писателей.

Пьесы А.Д. Симукова в большинстве своем веселые, жизнерадостные комедии: «Свадьба» (1936), из жизни села, «Солнечный дом, или Капитан в отставке» (1947), пьеса, написанная в жанре водевиля и продолжившая добрые традиции русской сцены XIX века, «Воробьевы горы» (1949), о выпускниках школы, «Девицы красавицы» (1952), о заводской молодежи, «Над Окой-рекой» (1959). Он также автор пьес-сказок и для детского театра: «Земля родная» (1945), «Семь волшебников» (1951) и других, ставившихся многими театрами Москвы и широко шедших по всей стране.

ISBN 5-7358-0335-2

9 785735 803355